

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

В.Т. КАБЫШЕВ

С КОНСТИТУЦИЕЙ
ПО ЖИЗНИ

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Москва • 2013

Кабышев В.Т.
К12 С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. —
М.: Формула права, 2013. — 320 с.; илл.

ISBN 978-5-8467-0081-9

Данная книга объединяет научные труды Владимира Терентьевича Кабышева — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии. Собрание работ приурочено к 75-летию со дня рождения автора.

Книга предназначена для научных сотрудников и студентов юридических вузов, государственных служащих, депутатов представительных органов власти и всех тех, кто интересуется конституционными проблемами Российской Федерации.

УДК 342
ББК 67.400

© Кабышев В.Т., 2013
© Формула права, редподготовка,
оформление, 2013

ISBN 978-5-8467-0081-9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кабышев В.Т.</i> Предисловие	5
<i>Заметина Т.В.</i> Владимир Терентьевич Кабышев — Ученый и Педагог.	14
<i>Чиркин В.Е.</i> Рецензия на Саратовский проект Конституции России. М., 2006	23
Постановление жюри по подведению итогов конкурса на лучший проект Конституции РСФСР.....	26
<i>Кабышев В.Т.</i> Предисловие. Саратовский проект Конституции России	28
<i>Страшун Б.А.</i> Послесловие. Саратовский проект Конституции России	35
<i>Страшун Б.А.</i> Саратовская школа конституционализма	36
<i>Кабышев В.Т.</i> Становление конституционного строя России	39
<i>Кабышев В.Т.</i> Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений	51
<i>Кабышев В.Т.</i> Российский федерализм: конституционные основы, тенденции развития	60
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционная система власти в современной России	75
<i>Кабышев В.Т.</i> Федерализм и конституционная система власти в России	84
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционализм в современной России	92
<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу о конституционном режиме в современной России	98
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституция России — правовая основа модернизации общества и государства.....	109
<i>Кабышев В.Т.</i> Еременко Юрий Петрович — видный ученый и педагог (10 марта 1938 г. — 15 октября 2000 г.)	119
<i>Кабышев В.Т.</i> Мои воспоминания о В.А. Ржевском	124
<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть первая.....	127
<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть вторая.....	142
<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть третья	162

<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть четвертая.....	173
<i>Кабышев В.Т.</i> К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть пятая	186
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий.....	202
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционные принципы экономического строя России: регулирование, проблемы реализации.....	215
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционный строй как гарантия развития российского государства	222
<i>Кабышев В.Т.</i> Власть, культура и психология в системе конституционных отношений России: конституционное измерение	227
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционно-правовые проблемы модернизации политической системы России	235
<i>Кабышев В.Т.</i> Защита прав человека и гражданина — критерий эффективности публичной власти.....	240
<i>Кабышев В.Т.</i> Россия — суверенное демократическое государство (К 20-летию Декларации о государственном суверенитете РСФСР)	246
<i>Кабышев В.Т.</i> Психология власти: механизм реализации и ответственности	255
<i>Кабышев В.Т.</i> Большой ученый друг	278
<i>Кабышев В.Т.</i> Конституционализм как гарантия модернизации России в XXI веке	286
<i>Кабышев В.Т.</i> Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение.....	292
<i>Кабышев В.Т.</i> Выборы в зеркале конституционного правосудия (некоторые размышления)	301
<i>Кабышев В.Т.</i> К 100-летию И.Е. Фарбера	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для чего я решил издать работы разных лет. Во-первых, чтобы у читателя, в основном у будущего, сложилось какое-то цельное впечатление о моих скромных работах по конституционному праву России.

Во-вторых, в этой книге собраны научные труды, посвященные реализации Конституции России 1993 года. В центре моих научных интересов всегда были два явления, феномена «Конституция и власть». Проблема взаимодействия Конституции и власти (и органов) одна из центральных в науке конституционного права особенно. Конституционный строй, конституционность, конституционализация, конституционный порядок, конституционная ответственность, конституционно-политический режим, конституционный контроль как система защиты конституционного строя и Конституции, конституционное разделение властей, конституционное мировоззрение и конституционная культура должностных лиц и всего населения, легитимность власти, судебная защита прав личности — все эти различные стороны многогранного взаимодействия Конституции и власти, получившие в науке название **«конституционализм»**.

В-третьих, издание выходит в преддверии 20-летия Конституции Российской Федерации и моего 75-летия. В монографии собраны статьи, написанные и изданные, в основном после ее принятия.

У читателя может возникнуть вопрос: почему в данную книгу включены только работы, написанные после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года? Потому что прошлое ушло, Россия живет (или пытается жить, не знаю, как точнее сказать) по Конституции 1993 года. Вообще-то, моя научная и педагогическая деятельность связаны и с Конституцией СССР 1936 года, и с Конституцией СССР 1977 года. Кандидатскую диссертацию защищал в 1969 году по сталинской (как принято говорить) Конституции, докторскую в 1981 году — по брежневской. В истории разработки Конституции России 1993 года есть и маленькая толика моего (и главное кафедры, которую возглавляю с 1981 года) труда. Наш альтернативный вариант — Саратовский проект Конституции

России решением Конституционной комиссии РСФСР от 25 декабря 1990 года был отмечен второй премией на Всероссийском конкурсе (первая и третья премии не присуждались).

Рожденная в борьбе различных социально-политических сил Конституция 1993 года вот уже 20 лет является Основным Законом Российской Федерации.

К Конституции Российской Федерации необходимо подходить диалектически. К сожалению, реализация конституционных принципов, конституционных норм выявила великое множество противоречий.

Я считаю, что не Конституция России 1993 года явилась причиной трудностей, вставших перед нашей страной в конце XX столетия. Конституция не только констатировала сложившееся состояние общественных отношений, баланс основных социально-политических сил. Она в большей степени явилась программой объективно назревших изменений.

Сегодня Конституция продолжает выступать и как нормативно-юридическая программа модернизации российского государства и общества. Конституция нормативно провозглашает и закрепляет не просто имеющееся «на деле», а должное состояние государственности, т. е. не зеркальное отражение реальности, действительности, а образец для нее.

Конституция 1993 года — это документ прямого действия как применительно к нынешним реалиям, так и нормативная модель будущего: действительного демократического, правового, социального государства.

Конституционные нормы и принципы должны учитывать реальные обстоятельства и соответствовать им, что является, в сущности, проблемой фактической и юридической конституции.

Но реальность (фактическая конституция) и нормативная (юридическая конституция) модель нередко вступают в противоречие, ибо жизнь всегда богаче любой конституционной формы. Стабильность конституционного строя не определяется буквальным соответствием фактической и юридической конституции. Фактическая, реальная конституция практически никогда не соответствует в полном объеме юридической конституции. Основа фактической конституции в незыблемости конституционного строя. На это должна быть направлена конституционно-правовая практика государства.

В связи с этим необходимо отметить следующее обстоятельство. Вопрос о соответствии фактической, реальной конституции

и юридической (текста) конституции в последнее время (точнее практически после принятия Конституции 1993 года) приобретает особый смысл и свое истолкование. Выдвинута идея «живой» Конституции и «преобразование» Конституции без изменения ее текста. При этом роль «преобразователя» Конституции Российской Федерации возлагается на Конституционный Суд РФ. Данную позицию отстаивает ряд судей Конституционного Суда РФ¹ и ученых-конституционалистов (Е.С. Аничкин, М.А. Митюков, В.В. Невинский и др.)². По сути, как справедливо отмечал судья Конституционного Суда РФ в отставке Н.В. Витрук, в данном случае происходит подмена понятий: познавательная функция Конституционного Суда РФ подменяется «преобразующей» функцией Конституционного Суда. Концепция «преобразования» Конституции РФ без изменения ее текста — принципиально новый, «революционный» подход к осуществлению судебного конституционного контроля противоречит самой природе судебного конституционного контроля, положениям ст. 125 Конституции РФ, ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Учет факторов реальной действительности должен быть подчинен принципу права и конституционности³. Считать, что Конституционный Суд РФ является создателем новой современной фактической Конституции — это опасный путь, ведь преобразовывать можно в разных направлениях: демократии или авторитаризма⁴.

Если принять за аксиому «преобразование» Конституции Конституционным Судом РФ, тогда возникает следующий вопрос: до какого предела Конституционный Суд может «преобразовывать»

¹ См.: Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие. М., 2011; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 225–233.

² См.: Митюков М.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 4. Саратов, 2003. С. 30–39; Невинский В.В. «Преобразование» Конституции РФ: понятие, способы, пределы // Невинский В.В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2012. С. 207–218.

³ См.: Витрук Н.В. Юбилейные итоги конституционного правосудия в России (по страницам монографии Н.С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия») // Российское правосудие. 2011. № 5. С. 22.

⁴ Выступление Н.В. Витрука на заседании круглого стола кафедры государственного и административного права юр. ф-та Санкт-Петербургского гос. ун-та. 5 марта 2011 г. // Конституционное правосудие. 2011. № 3. С. 16–17.

Конституцию? Ведь согласно ч. 3 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права. Он при осуществлении конституционного нормоконтроля выявляет конституционный смысл действующего права (Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П, Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 48-О).

Данная ремарка относительно Конституционного Суда РФ осуществлять функцию «преобразования» Конституции РФ ни в коей мере не умаляет роли и значимости этого института российской государственности. Учреждение Конституционного Суда РСФСР в 1991 году — это выдающееся событие в истории новой России. Конституционный Суд России — ровесник демократической российской государственности. Его создание и начало работы пришлось на самый драматичный период XX столетия нашей Родины. Это был период распада некогда могучего государства — Советского Союза, оказавшего огромное влияние на все развитие мировой цивилизации. Его распад негативно сказывается и ныне. 20-летний период постсоветской России, как мы отмечали выше, неоднозначен, противоречив. Все это время Конституционный Суд РФ стремился внести свою лепту в становление правовой государственности, в обеспечение государственной целостности страны, на недопущение разделения единого суверенитета России на части, принадлежащие субъектам Федерации. Конституционный Суд РФ инициировал реформы процессуального законодательства. Особое внимание он уделял защите социально-экономических прав граждан. В целом Конституционный Суд РФ выступал как высший орган по защите конституционного строя России¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что ряд решений Конституционного Суда РФ был не бесспорен. В ряде своих статей я уже высказывал критические замечания по отдельным постановлениям Конституционного Суда РФ. Они помещены в данную монографию.

Резюмируя сказанное, даже с учетом всякой критики, полагаю, что Конституционный Суд РФ является генератором «живого» конституционализма, способствующим своими решениями по-

¹ Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28-29 октября 2011 г.) / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, 2012.

ступательному развитию России и ее обращению в правовое демократическое государство.

Конституционная юстиция в целом не только усиливает судебную власть, но и укрепляет российскую государственность, превращает Конституцию РФ в действующее право и является свидетельством правового обогащения российского общества.

Россия при реализации Конституции РФ 1993 года, по моему мнению, столкнулась с двумя основными проблемами: проблемой организации и функционирования народовластия и государственного устройства. Эти две проблемы, явления взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Относительно проблемы государственного устройства России ограничусь одним тезисом: на советское национально-государственное устройство в 1993 году «одели», образно говоря, новое конституционное платье. Поэтому, в сущности, не решив ряда основополагающих вопросов (асимметрия федеративных отношений, разграничения полномочий между Федерацией в целом и ее субъектами, децентрализации и др.), стали строить федеральную политику. Возникает естественно вопрос, а можно ли было в одно мгновение решить столь важный для страны вопрос только принятием Конституции?

Возможности права (и естественно Конституции) безграничны. Право не может влиять на многие экономические, социальные, политические, мыслительные процессы.

Совершенно ясно, что развитие нашей Федерации должно идти эволюционным путем.

Относительно народовластия я неоднократно излагал по этому вопросу свою позицию.

Конституционная модель власти, декларируемая Конституцией 1993 года, с самого начала вошла в определенное противоречие с конституционной практикой постсоветской России.

Путь к конституционной демократии оказался слишком трудным, тернистым. Принцип разделения властей, парламентаризм стали встраиваться в совершенно иную схему. Реальность оказалась неадекватна конституционным ценностям, конституционным принципам. Примечательно, что общественный организм практически всех постсоветских стран оказался недостаточно подготовленным к обеспечению верховенства права, достоинства человека, конституционной демократии, разделению властей, общественному согласию, равенству, плюрализму. Характерными чертами реальной социальной действительности во всех этих странах

являются низкий уровень конституционной культуры, системная неполноценность механизмов обеспечения верховенства права, наличие деформированной внутренне противоречивой правовой системы, отсутствие единого ценностно-системного понимания социальных ориентиров общественного развития¹.

Конституция РФ создала все необходимые правовые основы для реального становления и осуществления народовластия в нашей стране. Однако в обществе существует убеждение, что в нынешних условиях народовластие носит декларативный характер, произошло лишь «расширение пределов личной свободы и введения ряда формальных атрибутов конституционного правления» и «в стране сложилась замкнутая, клановая система власти, свободная от контроля и ответственности»².

Ныне сохраняется ряд тенденций, тормозящих становление демократического правового государства: среди последних, — это продолжающееся ограничение избирательных прав граждан, отсутствие плановой ненасильственной смены политической и управленческой элиты, присвоение законодательным органом функций правоприменительного органа³, отсутствие в течение уже 20 лет административного судопроизводства, предусмотренного ст. 118 Конституции РФ, финансово-экономическая «зависимость» муниципальных образований и ряд других.

Следует констатировать, что общество, точнее его значительная часть — *большинство* — не получила того, что провозглашено в Конституции РФ, а проводимые реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) не завершены. Их реализация наталкивается на ряд объективных и субъективных преград.

Главная причина конституционного дефицита не в конституционной модели власти — по сути главного элемента конституционного строя, не в тексте Конституции, а вне ее, в реальном соотношении социально-политических сил, неадекватности право-творческой и правоприменительной практики конституционным нормам и конституционным принципам.

¹ См.: Арутюнян Г.Г. Некоторые деформации в конституционно-правовом развитии постсоветских государств: Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву. 28–30 мая 2010 г. Ч. 1 / Под ред. А.А. Ливервского. СПб., 2010. С. 16.

² См.: Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 28.

³ В. Лапаева лишение депутатского мандата Гудкова справедливо оценила как присвоение ГД функций правоприменительного органа и нарушение конституционного принципа разделения властей. См.: Независимая газета. 2013. 19 апр. С. 5.

Причина такого конституционного дисбаланса и в правовой культуре общества, прежде всего властвующей элиты (по нашему мнению, главным образом) — в том, как действует, реализуется юридическая Конституция в жизни. Да! Приходится констатировать, что реализация Конституции инициировала, или точнее говоря, явилась правовой константой сложившегося конституционно-политического режима, занимающего доминирующую роль в политической системе России.

Центральное звено в конституционно-политическом режиме — это персонализация власти. Возникает вопрос: а могло ли быть иначе? Не завышены ли ожидания народа? Сколько бы мы не изрекали критических пассажей, приходится констатировать, что демократические преобразования не отвечают коренным интересам бюрократии, интересам правящей элиты. Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых регуляторов, независимой судебной власти (к которой, к сожалению, еще идти и идти).

Общество пока не может перескочить через циклические этапы своего естественного развития. Следует заметить, что скорость и частота социально-политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень. Поэтому наше общество не есть еще подлинно гражданское общество.

Необходимо отметить, что в опубликованных статьях высказаны *de lege verendum* по реализации Конституции, содержится критика ряда положений на тот период, когда эти статьи писались.

Однако многие идеи, по моему мнению, актуальны и ныне. Конституция не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собой все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью, от превышения власти, от игнорирования конституционных установлений. Абсолютизировать юридические средства и механизмы не стоит, но игнорировать их также не следует. Наши культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее многих конституционно-правовых запретов, регуляторов, независимости судебной власти.

К сожалению, дух фактического властвования сегодня составляет доминанту социально-экономического, политико-правового развития. Конституция РФ 1993 года есть высшая правовая ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и свободам человека в одночасье нельзя. Реализация положений Конституции России — много-

гранный процесс, в основе которого лежит неуклонное соблюдение конституционных норм и принципов.

Конституция России нацелена на будущее, на прогрессивное развитие общества и государства, в целом она носит программно-целевой характер, лучше Конституции РФ 1993 года в обозримом будущем ничего не предвидится. Будущее во многом зависит от верности Конституции, умения жить по Конституции.

Было бы символично, особенно для будущих поколений россиян, учредить памятник-монумент, посвященный Конституции РФ 1993 года. На его обелиске начертать слова — СВОБОДА, РАВЕНСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

В данную книгу я включил статьи, лично мной написанные. Статей, рецензий, опубликованных в соавторстве, глав из учебников, курсов лекций не включил. Хотел, чтобы у читателей (особенно молодых) сложилось какое-то более цельное впечатление о моих научных идеях, мыслях за эти 20 лет действия Конституции России 1993 года.

В заключение моего предисловия еще одна ремарка. Никогда не стремился и не «гнался» за количеством публикаций. Почему? По разным причинам. В силу занятости в учебном процессе, в последние годы по состоянию здоровья. Много внимания уделял аспирантам. Под моим руководством защитили диссертации 43 кандидата юридических наук, из них семь стали докторами наук. С 1969 года — я на преподавательской работе в СЮИ—СГАП—СГЮА, с 1970 года преподавал одновременно и в СЮИ МВД, читал лекции и в ПАГС им. П.А. Столыпина. Считал и считаю, что лекция в вузе — это одна из основных форм учебных занятий, несмотря ни на какие последние федеральные стандарты образования. Если лекция прочитана эмоционально, убедительно, она естественно отнимает много физических, душевных сил. Часто при этом вспоминаю слова своего Учителя профессора Исаака Ефимовича Фарбера: дореволюционными учеными подсчитано, что лектор тратит за час энергии столько, сколько землекоп, чтобы выкопать кубометр земли. Когда на тебя смотрят сотни пар юных пытливых, жаждущих познания мира Права, ты должен находить аргументы, чтобы заинтересовать, убедить, доказать истину излагаемого материала. Особенно это приобрело исключительную актуальность в лихие 90-е годы XX столетия, когда были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи, утрачены многие нравственные ориентиры, мы в известном смысле вместе с грязной водой и ребенка выплеснули.

И когда спустя годы встречаешься с выпускниками своего вуза, многие из которых достигли высот (званий, должностей) в правоохранительных органах, они говорят: «Вы нам дали фундаментальные знания». И в этом случае испытываешь чувство гордости и удовлетворение, что в этом — в деле подготовки высококвалифицированных юристов — есть и твоя доля труда. Это главное для педагога-юриста, ученого-конституционалиста.

Мое отношение к конституционным ценностям восприняли и мои дети: сын Сергей и дочь Елена. Они выпускники СЮИ (СГАП) и успешно работают по юридической специальности, надеюсь, и дальше будут достойно продолжать мое дело — служение Конституции.

Детство мое опалено войной. 29 ноября 1941 года в г. Азове Ростовской области погиб отец — Терентий Герасимович. Рос с мамой и бабушкой. Уже в первом классе ходил в колхозную библиотеку, которая располагалась в 400 м от дома.

Всего чего я достиг в жизни, с полным основанием могу словами Максима Горького сказать — «Я обязан книгам». Книги, их чтение меня сопровождает всю жизнь. Они — мой вечный спутник. Все, что сотворил человек, его ум, запечатлено прежде всего в книгах. Это истинное богатство. Мысль человека, воплощенная в слове, музыке, скульптуре, чертеже, — бесценна. Она — двигатель истории.

*В.Т. Кабышев,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и международного права
Саратовской государственной юридической академии*

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ КАБЫШЕВ — УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

18 декабря 2013 года — юбилей Владимира Терентьевича Кабышева, известного ученого-конституционалиста, заведующего кафедрой конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии гуманитарных наук.

Высокий уровень компетентности и способность к генерации идей, неиссякаемая творческая энергия, широта мысли, восприимчивость к новому, преданность науке, талант исследователя и в то же время научная добросовестность, принципиальность, разумный консерватизм, проявляющийся в сохранении ценного опыта, накопленного предшественниками, — вот те качества, которые характеризуют В.Т. Кабышева как блестящего Ученого и Педагога.

В.Т. Кабышев родился 18 декабря 1938 года в станице Староминской Краснодарского края.

1956–1959 годы — шофер Новоясенской МТС Староминского района Краснодарского края, 1959–1963 — студент Саратовского юридического института, 1963–1965 — старший следователь Первомайского РОВД г. Краснодара, 1965–1966 годы — следователь Кировского РОВД г. Саратова, старший следователь следственного отдела Управления милиции г. Саратова.

Формирование научного мировоззрения В.Т. Кабышева началось с обучения в аспирантуре (1966–1969), в период плодотворного общения с видным ученым и педагогом, доктором юридических наук, профессором И.Е. Фарбером. Взгляды этого ученого оказали огромное влияние на формирование научного мировоззрения В.Т. Кабышева. Под его руководством Владимир Терентьевич подготовил и защитил в 1969 году кандидатскую диссертацию на тему «Правовые институты и конституционные гарантии непосредственного социалистического народовластия в Советском государстве». Идеи народовластия развивались и в дальнейшем, нашли отражение в последующих научных исследованиях. В 1981 году В.Т. Кабышев защитил докторскую диссертацию

во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства на тему «Конституционные проблемы народовластия развитого социализма».

С 1969 года начинается преподавательская деятельность В.Т. Кабышева, он работает в Саратовском юридическом институте в должности ассистента, старшего преподавателя, доцента.

С марта 1981 года В.Т. Кабышев заведует кафедрой государственного права Саратовского юридического института, ныне конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии. Ему принадлежит ведущая роль в формировании творческого коллектива кафедры, воспитании подрастающего поколения молодых ученых. Владимиру Терентьевичу удалось сплотить вокруг себя коллектив кафедры, определить приоритеты исследовательской тематики и перспективы научного развития, создать атмосферу взаимоуважения, трудолюбия и научного поиска. За многолетний период руководства кафедрой профессор Кабышев, фактически, заложил научные, педагогические, нравственные основы этого творческого коллектива.

Профессор В.Т. Кабышев — один из ведущих специалистов в области конституционного права России, яркий представитель и идейный вдохновитель саратовской научной школы конституционного права.

В фокусе его исследований находятся теоретические проблемы российского конституционализма, теории Конституции, конституционного обеспечения прав человека, федерализма, конституционного механизма власти и народного суверенитета. Им опубликовано свыше 170 научных работ, среди которых монографии: «Прямое народовластие в советском государстве» (Саратов, 1974); «Народовластие развитого социализма» (Саратов, 1979); «Советское государственное право» (Саратов, 1979); «Конституционная политика России в сфере федеративных отношений: проблемы реализации и тенденции развития» (Саратов, 2012).

Профессор В.Т. Кабышев участвовал в подготовке ряда комментариев, в частности, «Научно-практического комментария к Конституции Российской Федерации» под редакцией В.В. Лазарева (М., 1997; 2001, 2-е изд.; 2004, 3-е изд.; 2009, 4-е изд. доп. и перераб.), а также учебников по конституционному и избирательному праву России (Уфа, 1994; М., 1999; 2005; Саратов, 1995; 2013).

Владимир Терентьевич известен своими учебно-методическими разработками, представленными в таких, например, исследова-

ниях, как: «Конституционный судебный процесс в Российской Федерации» (Саратов, 2011); «Конституционное правосудие в Российской Федерации» (Саратов, 2011); «Конституционные основы российского федерализма» (Саратов, 2012); «Конституционное право России» (Саратов, 2012) и др.

Научные интересы профессора В.Т. Кабышева многообразны. Идеи и труды ученого обладают удивительной притягательностью, их интересно читать и обсуждать.

Одним из ключевых вопросов науки конституционного права был и остается вопрос формирования и функционирования государственной власти. Впервые в науке российского конституционного права профессором В.Т. Кабышевым было предложено исследовать проблемы психологии власти, сформулированы элементы психологии властвования в российском обществе и государстве. В своих работах ученый не только исследует сущность власти как общественного (социального) и психологического феномена, но и анализирует тенденции конституционного регулирования отношений властвования, конституционные гарантии прямого народовластия.

Политико-правовые трансформации российской государственной и общественной системы актуализировали проблемы психологии власти и подтвердили справедливость утверждений Владимира Терентьевича Кабышева. Становление гражданского общества, формирование правового государства, постепенное развертывание институтов прямой демократии, поиск эффективных форм взаимодействия органов государственной власти в современной России заставляют в очередной раз задуматься о конституционном механизме властвования и гарантиях его функционирования.

В.Т. Кабышев подчеркивает, что «власть в России всегда (и в XIX, и в XX в.) выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности, Россия в полную меру испила чашу цезаризма. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России. Поэтому и современная конституционная модель системы государственной власти несет на себе печать прошлого... Чтобы избавиться от авторитарных методов властвования как на федеральном, так и региональном уровнях, необходимо время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности прежде всего у носителей

властных полномочий и безусловно неуклонная реализация абсолютно всей Конституции РФ»¹.

Знакомое нам всем словосочетание «гарант Конституции» первым произнес в 1991 г. Владимир Терентьевич, выступая на пятом (внеочередном) съезде народных депутатов РСФСР: «Я еще хотел два слова сказать о своем видении Конституционного Суда. Конституционный Суд (здесь Валерий Дмитриевич Зорькин очень хорошо говорил) должен быть гарантом Конституции и, если образно говорить, должен при малейшем нарушении Конституции давать “красный сигнал” Президенту, Съезду, если принимается неконституционный закон или постановление, и напоминать, что есть Конституция, которую необходимо соблюдать»². Как бы сложилась судьба России, если бы гарантом Конституции стал не Президент?

В сфере научных интересов В.Т. Кабышева находятся различные аспекты российского конституционализма, который, по его определению, в науке российского конституционного права представляет собой синтезированное понятие, воплощающее наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики.

Владимир Терентьевич сформулировал важный научный тезис о том, что необходимо различать конституционный строй в фактическом и юридическом смысле слова. По его мнению, «фактический конституционный строй — есть система конституционных отношений, выражающих суверенитет народа, свободы и права человека. Понятие “конституционный строй в юридическом смысле слова” — это конституционные нормы и конституционные принципы, регулирующие отдельные виды общественных отношений (по реализации суверенитета народа, по фактическому состоянию свобод и прав человека в государстве) существующего социально-экономического и общественного строя»³.

Важным вкладом в науку современного конституционного права России являются работы В.Т. Кабышева, посвященные вопросам формирования конституционного режима в России. Анализируя государственно-правовые процессы с новаторских позиций, В.Т. Кабышев приходит к выводу, что «конституцион-

¹ Вестник СГАП. 1998. № 3. С. 9–10.

² Российская газета. 1991. 1 нояб. URL: <http://www.g808.ru/slovar.php?sRzd=74>

³ К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России (часть вторая) // Конституционное развитие России. Вып. 6. Саратов, 2005.

ный режим — это осуществление власти в государстве в формах, методах и способах адекватных сущности конституции страны. Конституционный режим — это конституционный строй государства в действии»¹.

Теоретическое построение научного знания способствует его упорядоченности, систематизации, отражает объективные закономерности государственно-правового и общественного развития, повышает эффективность практической деятельности.

Заметным явлением в научной жизни стала серия научных статей В.Т. Кабышева в области исследования истории науки конституционного права². Умение видеть новые идеи, обобщать их на более высоком уровне и тем самым определять перспективы дальнейших научных изысканий, широта научных интересов в сочетании с доскональными знаниями и требовательностью к отточенности формулировок снискали Владимиру Терентьевичу репутацию ученого, советы и рекомендации которого нужны каждому, занимающемуся наукой.

Преемственность научных традиций и принципиальность позиций — вот что отличает Владимира Терентьевича Кабышева как ученого и гражданина. Заслуживает всемерного уважения высокая гражданская позиция В.Т. Кабышева в вопросах проблем и перспектив становления современной российской демократии. В своих статьях он всегда следует таким научным принципам, как научная добросовестность, основательность и критический подход. Так, например, по мнению В.Т. Кабышева, в условиях продолжающихся политико-правовых реформ в России происходит девальвация конституционных ценностей в целом и института выборов в частности. В системе конституционных ценностей институт выборов как важнейший институт конституционного строя России не должен утрачивать своих конституционных функций. В.Т. Кабышев обращает внимание на то, что выборы способствуют формированию новой политической системы, становлению подлинной многопартийности. Выборы как институт и процесс есть и механизм воспитания гражданского политического сознания. Поэтому сужение конституционных функций института выборов,

¹ К вопросу о конституционном режиме в современной России // Конституционное развитие России. Вып. 4. Саратов, 2003. С. 42, 43.

² К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России (часть первая) // Конституционное развитие России. Вып. 5. Саратов, 2004; часть вторая. Вып. 6. 2005; часть третья. Вып. 7. 2006.

что наблюдается ныне, не только искажает, выхолащивает конституционную сущность выборов, но и не стимулирует дальнейшее развитие российской политической системы по пути демократии. И, конечно, не способствует формированию правового государства и гражданского общества в России.

Труды профессора В.Т. Кабышева внесли весьма существенный вклад в разработку проблем российского федерализма. Об этом свидетельствуют следующие его работы: «Федерализм и конституционная система власти в России» в сборнике «Пять лет Конституции Российской Федерации: по пути к федерализму и местному самоуправлению: Материалы круглого стола» (М., 1999); «Российский федерализм: конституционные основы, тенденции развития» и «Россия — суверенное демократическое государство (к 20-летию Декларации о государственном суверенитете РСФСР)» в межвузовских сборниках «Конституционное развитие России» (Саратов, 1996, вып. 2; 2010, вып. 11).

Исследуя фундаментальные закономерности государственно-правового развития страны в постсоветский период, В.Т. Кабышев подчеркивает интеграционную роль России в условиях глобализации, обращает внимание на взаимосвязь федерализма, демократии и самоуправления, необходимость развития института конституционной ответственности, усиление тенденции централизации.

Профессор Кабышев является организатором ряда крупных научных исследований, например, осуществлял руководство правового направления в реализации исследований республиканской программы «Народы России: возрождение и развитие», проектов: «Эволюция федеративных отношений под воздействием глобализации: правовые аспекты (прошлое — настоящее — будущее)», а также «Реализация конституционной политики в сфере модернизации федеративных отношений».

За время своей научно-педагогической деятельности В.Т. Кабышев воспитал большое количество учеников. Кадровый состав саратовской научной школы конституционного права представлен как учеными с большим стажем научно-исследовательской деятельности, так и молодыми исследователями. Владимир Терентьевич личным примером преданности юридической науке вдохновляет студентов, аспирантов, молодых преподавателей в сложном деле поиска научной истины. Под руководством профессора В.Т. Кабышева подготовлено 43 кандидата наук, он яв-

лялся научным консультантом семи докторантов (Г.Н. Комкова, Т.М. Пряхина, А.Р. Еремин, В.В. Мамонов, В.С. Хижняк, Т.В. Заметина, Д.С. Велиева).

В.Т. Кабышев, продолжая традиции своего учителя, выдающегося ученого и педагога И.Е. Фарбера, прививает преподавателям кафедры стремление к профессиональному совершенствованию лекций и семинарских занятий. Стало хорошей традицией посещение молодыми преподавателями и аспирантами его лекций с целью уяснения методики преподавания и освоения основ лекторского искусства и научного мышления.

Под научным руководством В.Т. Кабышева в Саратовской государственной юридической академии работает методический семинар — «Педагогические чтения».

В.Т. Кабышев принимает активное участие во многих международных, республиканских и межвузовских научных конференциях, выступает инициатором их проведения в рамках Саратовской государственной юридической академии.

Распоряжением Президента РФ от 14 февраля 2013 года № 58-рп Владимир Терентьевич был включен в состав Организационного комитета по подготовке и проведению празднования 20-летия принятия Конституции РФ. Он выступает активным участником всех мероприятий, направленных на популяризацию Основного Закона страны, повышение конституционной культуры граждан и должностных лиц.

Профессор В.Т. Кабышев занимается законопроектной деятельностью. Он возглавлял авторский коллектив проекта Конституции Российской Федерации, который решением Конституционной комиссии РСФСР 3 января 1991 года был отмечен второй премией. В качестве эксперта участвовал в работе Конституционного Сопровождающего (1993), созданного Президентом РФ для выработки согласованного варианта проекта Конституции РФ. Владимир Терентьевич с момента образования в 1991 году является членом научно-консультативного совета Конституционного Суда РФ, неоднократно выступал в Конституционном Суде РФ в качестве эксперта. Под руководством профессора В.Т. Кабышева на возглавляемой им кафедре конституционного права был подготовлен ряд законопроектов, направленных в Верховный Совет РСФСР и Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Отдельные предложения проектов получили впоследствии отражение в принятых законах.

В течение многих лет В.Т. Кабышев активно участвует в избирательном процессе в качестве председателя и члена избирательных комиссий федерального и областного уровней. И здесь проявляются его смелость и приверженность конституционным ценностям. Сергей Афанасьев, депутат Саратовской областной Думы нескольких созывов, так характеризует Владимира Терентьевича: «Выборы 1994 года в Саратовскую областную Думу проводились по смешанной системе: часть депутатов избиралась по одномандатным округам, а часть — по партийным спискам. На тот момент это был единственный случай в Российской Федерации. Областную избирательную комиссию тогда возглавлял доктор юридических наук, профессор Кабышев Владимир Терентьевич. Он и решился на этот смелый эксперимент. На мой взгляд, выборы 1994 года дали реальный срез общественного мнения»¹.

Профессор В.Т. Кабышев назначался председателем государственных экзаменационных комиссий, проводивших аттестацию выпускников-юристов в вузах городов Краснодара и Ростова-на-Дону. Неоднократно выступал официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям.

Владимир Терентьевич являлся членом диссертационных советов при Уральской государственной юридической академии, Волгоградской и Поволжской академий госслужбы. Выполнял обязанности заместителя председателя диссертационного совета при СГАП, в настоящее время член диссертационного совета при СГЮА.

В 1994 году профессор В.Т. Кабышев избран Действительным членом Академии гуманитарных наук. Указом Президента РФ от 30 июля 1999 года ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». За долголетний, добросовестный труд награжден медалью «Ветеран труда». За заслуги в области высшего образования России приказом Министерства общего и профессионального образования РФ 20 марта 1997 г. профессор В.Т. Кабышев награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России».

Указом Президента РФ от 11 октября 2009 года № 1127 за заслуги в развитии системы образования в Российской Федерации и многолетнюю плодотворную деятельность В.Т. Кабышев награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

¹ Неделея области. 2009. 29 апр. URL: www.redcollegia.ru/article.php?id=14380

Коллектив кафедры конституционного и международного права, ректорат, совет ветеранов Саратовской государственной юридической академии, друзья и ученики, поздравляют Владимира Терентьевича с юбилеем, желают ему долгих творческих лет жизни, крепкого здоровья, новых научных идей и свершений, успехов и благополучия!

*Т.В. Заметина,
доктор юридических наук, профессор СГЮА*

РЕЦЕНЗИЯ НА САРАТОВСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ. М., 2006*

В бурные и тревожные времена России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. остро встала проблема новой Конституции. Конституция РСФСР 1978 года с ее бесконечными поправками (их было, включая редакционные, около 500) не соответствовала новым реалиям и даже могла использоваться как препятствие проводимым преобразованиям. Научная общественность живо откликнулась на требования времени. Среди нескольких инициативных проектов был представлен проект, созданный учеными кафедры государственного права Саратовского юридического института. Этот проект, как говорится в Грамоте жюри по итогам общественного конкурса, «представляет несомненный интерес для работы над конституционной реформой в Российской Федерации». Проект содержит некоторые разделы и главы, которые созвучны действующей Конституции РФ. Первый раздел называется «Основные принципы конституционного строя РФ», второй — «Права человека и гражданина», есть раздел о местном самоуправлении. В проекте содержатся главы и положения, которые лучше, чем в действующей Конституции: о принципах внешней политики, об обороне, о вооруженных силах, об обязанностях человека и гражданина, о принципе социальной справедливости, о прогнозировании и планировании экономики, об исключительных объектах государственной собственности, глава о прокуратуре, о предварительном конституционном контроле и др. Есть и неудачные положения, вместо национализации говорится о «конфискаций собственности по мотивам общественной необходимости». Развитие федерализма пошло не по тому пути, который предвидели авторы (автономных образований в России нет), вместо административно-территориальных единиц созданы муниципальные образования, некоторые органы государства не таковы, как полагали авторы проекта. Формой правления в России стала (по крайней мере юридически) не президентская, а президентско-парламентская республика. Есть лишний для Конституций материал (о депутатах, перечень полномочий некоторых органов). Глава о действии Конституции не включает некоторых

* © Чиркин В.Е. Рецензия на Саратовский проект Конституции России. М., 2006 // Формула права. 2006. № 5.

важных аспектов. Конечно, через полтора с лишним десятилетия можно высказывать и другие соображения в адрес авторов проекта, но, видимо, бесспорно, что этот труд был заметной вехой на пути создания новой Конституции РФ. Он был, видимо, предтечей некоторых сторон ее схемы и отдельных положений.

Современная Конституция — это документ, устанавливающий прежде всего основы взаимосвязей человека, создаваемых им различных коллективов, государства и общества. В разделе о человеке важно отметить не только заботу общества и государства о его развитии, но и то, что человек должен делать свой вклад в развитие общества. Государство обязано обеспечить его прожиточный минимум, инфраструктуру об этом проекте говорится, но и человек сам должен заботиться о себе и о своей семье.

Принцип разделения властей в современных условиях не исчезается традиционной триадой.

Положения, относящиеся к коллективам, их роли, роли общественных объединений в проекте прозвучали слабо. Правовому регулированию различных некоммерческих организаций в современных условиях уделяется особое внимание. Важно разрабатывать понятия о связи различных коллективов с видами власти в обществе. В семье есть личная родительская власть, в частных корпоративных объединениях (акционерных обществах и др.) — корпоративная частная власть коллектива в отношении его членов, в общественных объединениях — корпоративная власть с целями «общего блага». Территориальные публичные коллективы (общество, некоммерческие организации).

В части, относящейся к государству, хотелось бы видеть отправные положения о роли государства в корректировке стихии рынка с учетом того, что это не должно нарушать естественного саморегулирования общества, о его роли.

Государство, с одной стороны, организация для выполнения «общих дел», а с другой — оно вводит противоречия различных социально-политических сил в определенные рамки, не допуская анархии и распада общества. Испытывая нажим «групп давления», оно выступает в роли своеобразного арбитра, но это не беспристрастный, а заинтересованный арбитр. И основное давление на власть оказывают экономически, политически и идеологически доминирующие в обществе слои. Среди сравнительно частных опросов важно было бы отметить принципы обязательного участия субъектов РФ в исполнении «общих дел» Федерации и пределы и формы федерального принуждения (вмешательства), а также

обозначить принципы государственной и муниципальной службы. Это серьезная современная проблема.

В статьях, относящихся к обществу, хотелось бы видеть принципиальные положения о социально ориентированной рыночной экономике, а не свободном рынке, о социальном партнерстве, о принципах духовной жизни общества.

Необходима, конечно, и унификация понятий, разных названий субъектов РФ, разных названий основных законов. Неадекватные понятия государства и государственной власти (РФ и ее субъектов) осложняют законодательное регулирование, и иногда приводят к непредвиденным сложностям при ответе на важные вопросы (например, сколько в России государств).

Конечно, сейчас проще сформулировать разные предложения, потому что накоплен опыт и позитивный, и негативный. Но много лет назад, когда в российском праве только вырабатывались новые понятия, саратовский проект Конституции РФ был явственным прорывом в этой науке. Таким он и останется в истории.

*В.Е. Чиркин,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЖЮРИ ПО ПОДВЕДЕНИЮ ИТОГОВ КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РСФСР

В соответствии с Положением о конкурсе на лучший проект новой Конституции РСФСР жюри на заседании 25.12.1990 г. рассмотрело и подвело итоги конкурса.

Всего в адрес Конституционной комиссии поступило 40 материалов, в том числе 38 проектов как Конституции в целом, так и отдельных глав, разделов и статей.

18 проектов явно не соответствуют условиям конкурса, так как написаны от руки и в большинстве случаев содержат не тексты, а комментарии к текстам, которые ранее были опубликованы в печати.

2 материала (анализ концепции Конституции и тезисы к Конституции) не могут рассматриваться в качестве конституционных проектов.

Таким образом, к участию в конкурсе были допущены 20 проектов.

ЖЮРИ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

- Первую премию не присуждать.
- Присудить вторую премию в сумме 3000 руб. и опубликовать в печати проект Конституции Российской Федерации, представленный группой ученых кафедры государственного права Саратовского юридического института в составе: В.Т. Кабышев — руководитель проекта, В.И. Гавриленко, Е.В. Колесников, В.М. Корнуков, А.В. Мещеряков, О.О. Миронов, Т.М. Пряхина, Б.Г. Радченков, Б.С. Эбзеев.

• Присудить три поощрительные премии по 500 руб. каждая:

Р.И. Ленчовскому (г. Киев) — за проект статьи, использованный рабочей группой при формулировании статьи 2.3.9. опубликованного проекта;

В.К. Мешавкину (г. Москва) — представившему проект Конституции, отражающий многие современные тенденции и потребности конституционного развития;

В.В. Явичу (г. Свердловск) — проект которого выполнен профессионально и отличается демократической направленностью.

- Направить письма всем авторам проекта с благодарностью за участие в конкурсе.
- Решение жюри в части присуждения премий опубликовать в печати.

Председатель жюри Р.И. Хасбулатов

Члены жюри: О.Г. Румянцев

Ф.В. Шелов-Коведяев

В.Л. Шейнис

Б.А. Золотухин

Е.А. Амбарцумов

В.П. Лукин

В.А. Ковалев

П.А. Медведев

В.Д. Зорькин

Москва, 25 декабря 1990 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ. САРАТОВСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ*

В истории конституционной мысли центральное место занимает теория Конституции. Последняя находит свое воплощение, свое концентрированное выражение в Конституции как особом нормативно-правовом акте, обладающем высшей юридической силой и определяющей устройство государства.

Прошло более 10 лет как действует Конституция Российской Федерации 1993 года. Общеизвестно — нынешняя Конституция Российской Федерации занимает выдающееся место в истории России.

Несомненно, что Конституция Российской Федерации 1993 года знаменовала собой переход к новой российской государственности, закрепила принципиально иные чем ранее ценности, нормы, принципы, которые вошли в нашу жизнь, определяют нашу психологию. Прошедшие годы убедительно подтверждают, российское общество приняло ценности подлинного конституционализма: свободу слова и совести, многопартийность и открытость границ, рыночные отношения и судебную защиту прав человека, суверенитет и народовластие, парламентаризм и разделение властей, верховенство закона, федерализм и местное самоуправление, признание и защиту всех форм собственности.

В то же время следует признать, что рожденная в жесточайшей борьбе различных социально-политических сил советского общества, в борьбе между исполнительной и законодательной властями, Конституция России 1993 года несет на себе печать драматизма российских реалий того времени.

Как известно, необходимость подготовки новой Конституции России была провозглашена первым Съездом народных депутатов РСФСР (1990 г.), на котором была образована Конституционная комиссия во главе с Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. 12 июня 1990 года. I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в которой определил, что настоящая Декларация является основой

для разработки новой Конституции РСФСР. 22 июня 1990 года Съезд принял Постановление «О некоторых вопросах подготовки проекта Конституции РСФСР». Тогда же была создана рабочая группа из депутатов и экспертов и в сентябре объявлен конкурс на проект новой Конституции.

В конце сентября 1990 года на кафедре государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского был подготовлен инициативный проект Конституции Российской Федеративной Республики и отправлен в Конституционную комиссию. Решением жюри Конституционной комиссии «саратовский» (так его впоследствии стали именовать) проект Конституции России был отмечен второй премией на Всероссийском конкурсе, куда было представлено 38 различных проектов (первая и третьи премии не присуждались).

Одновременно с работой над проектом новой Конституции России в действующую тогда Конституцию РСФСР 1978 года вносились изменения и дополнения, которые отражали ход конституционной реформы. Конституционные преобразования запаздывали по времени, они совпали с радикальными экономическими и политическими преобразованиями, аналог которым трудно найти в других странах. В ходе этих преобразований в России ставились вопросы, уже решенные в других государствах в предшествующее столетие. По сути это был кризис всей советской политико-правовой системы, вызвавший вакуум власти. В этот период существовали своеобразные диспропорции, порожденные модернизацией, между логикой социальных реформ (это движение к демократии и парламентаризму) и логикой конституционных реформ (это движение к правовому государству). Соединение этих специфических элементов переходного времени придавало конституционному процессу конвульсивный характер¹. Так, только в период между I Съездом народных депутатов РСФСР (июнь 1990 г.) и IX Съездом (март 1993 г.), т. е. в течение двух с половиной лет, в Конституцию России 1978 года было внесено свыше 350 изменений и дополнений. Такой конституционной чехарды мировая история ранее не знала.

Работа над проектом новой Конституции России носила напряженный характер и проходила в острой политической борьбе вплоть до кровопролития в октябре 1993 года. Кроме проекта

¹ См.: Мелушевский А. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 2/43. С. 154.

* © Кабышев В.Т. Предисловие // Саратовский проект Конституции России / Предисл. В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. С. 3–8.

Конституционной комиссии впоследствии был предложен и президентский вариант Конституции, рассмотренный специально созванным Президентом Российской Федерации Конституционным совещанием. Впоследствии обсуждались и другие альтернативные проекты Конституции России. Их содержание и оценка получили широкое освещение в печати¹.

К сожалению, о «саратовском» проекте Конституции России, кроме отдельных упоминаний, ничего больше неизвестно, к тому же, он и не был опубликован.

Публикация саратовского проекта Конституции России обусловлена следующими факторами.

Во-первых, необходимо восполнить пробел в познании конституционных идей России 90-х годов прошлого столетия.

Во-вторых, с момента принятия Конституции в России многое изменилось: сложилось иное общество, возникли новые социальные группы, изменился менталитет граждан. На повестке дня стоит вопрос принятия Конституционного Акта Союзного государства России и Беларуси². Наконец, несмотря на официальные призывы прекратить разговоры на тему изменения действующей Конституции России, все же настойчивее звучит мысль: «В обществе складывается убеждение в необходимости принятия новой конституции»³. При этом сторонники принятия новой Конституции подчеркивают, что потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года далеко не исчерпан. Не вдаваясь подробно в этот политико-научный спор, полагаю заметить следующее. Не Конституция России 1993 года явилась причиной нынешнего кризиса, охватившего страну, а глубокие формационные изменения в советском обществе в целом, в советской политической системе и государственном строе СССР.

Главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти, не в Конституции, а вне ее самой. Причина кроется в реальном соотношении социально-политических сил, в право-

¹См.: Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994; Шаблинский И.Г. Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.). М., 1997; Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997

²См.: Автономов А.С. Проект Конституционного Акта Союзного государства России и Беларуси с пояснениями. М., 2004.

³Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2002. С. 9; см. также: Авакьян С.А. Конституция как символ эпохи // Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. Т. 1. М., 2004; Он же. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11.

вой культуре общества, прежде всего властвующей элиты (если не главным образом. — В. К.), в том как действует юридическая Конституция в жизни. Короче говоря, главная причина наших сегодняшних трудностей в фактической Конституции. Следует заметить, что скорость и частота социально-политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень.

Сам запрет на обсуждение возможных конституционных изменений в России противоречит как логике развития науки, так и антиконституционен. Это противоречит свободе слова, мысли, политического и идеологического плюрализма.

В связи с этим к возможности принятия новой Конституции России в контексте геополитических (Союзного государства России и Беларуси) и внутренних тенденций развития необходимо готовиться заранее, создавать научный задел, новые концептуальные подходы, изучать зарубежный опыт, но не заимствуя его механически, как это произошло с Конституцией России 1993 года.

В связи с этим небезынтересно замечание американского профессора политологии Р. Шарлета: «В Конституции РФ 1993 г. можно увидеть конституционный эквивалент европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах»¹.

Саратовский проект Конституции имел ряд особенностей.

Во-первых, он готовился буквально в самом начале конституционной реформы России. Это был период романтического конституционализма. Очень верно и довольно точно описал это И. Федосеев, народный депутат РСФСР, член Конституционной комиссии: «Новые депутаты, переступившие порог Большого Кремлевского Дворца, пришли с отрицанием всевластия партии, с желанием полного искоренения сталинизма и сталинщины из нашей жизни, раскрепощением души, стремлением развернуть экономику к человеку, с мечтой переделать право власти во власть права. Все это было в наших предвыборных программах. И каждый понимал, что реализовать их в рамках общественного строя, очерченного «Конституцией развитого социалистического общества», невозможно. Поэтому и было, по существу на одном дыхании, принято решение о разработке новой Конституции. Я даже не могу вспомнить, кто бы против этого возражал»².

¹Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 2(27). С.18.

²Федосеев И.В. С уважением к гражданину, с любовью к России // Конституционный вестник. Издание Конституционной комиссии РСФСР. М., 1992. № 11. Апрель-май. С. 5.

Во-вторых, Саратовский проект Конституции России, естественно, отражал свою эпоху: крушение социализма, распад СССР в тот период не воспринимались многими, в том числе и творческой интеллигенцией, критически настроенной к ценностям советского строя. Интересно в связи с этим высказывание В.Л. Шейниса на VI Съезде народных депутатов России, одного из активных членов Конституционной комиссии: «Я не принадлежал к тем, кто видел в союзных структурах только империю зла. Должен сказать, что я не голосовал в Верховном Совете за тот пункт, который предусматривал роспуск СССР. Я тоже надеюсь на возрождение великого государства, хотя и на новых основах»¹.

Саратовский проект подчеркивал, что Российская Федеративная Республика объединяется на основе договора с другими советскими суверенными республиками в федеративное государство — Союз суверенных Республик (ст. 70 проекта). Последний осуществляет общенациональные полномочия на территории Российской Федерации в тех пределах, которые делегированы ему Российской Федерацией и закреплены в Союзном Договоре (ст. 71 проекта).

В-третьих, Саратовский проект как отражение эпохи романтического конституционализма был лишь маленькой частицей в том многообразии идей, концепций, теорий, которые были присущи этому бурному времени.

Проект исходил из идеи, что Россия является президентской Республикой (ст. 3 проекта). Заметим, что для современного этапа развития России характерна тенденция усиления власти института президента.

Считаю уместным обратить внимание еще на один существенный момент проекта. «В государственной собственности может находиться имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Оборона, космос, транспорт, связь, энергетическая система и другие, установленные законом объекты, могут находиться только в исключительной собственности государства» (ст. 57 проекта).

О Саратовском проекте Конституции России упоминалось на V и VI Съездах народных депутатов России. Из выступления Президента РСФСР, Председателя Конституционной комиссии РСФСР Б.Н. Ельцина на V Съезде народных депутатов РСФСР: «Конституционная комиссия выступила с инициативой обсуждения проекта в крупных юридических центрах страны, трудовых коллективах и на собраниях граждан. Были проведены многочис-

¹ Конституционный вестник. М., 1992. № 11. Апрель-май. С. 271.

ленные социологические опросы населения. Комиссия привлекала для экспертизы проекта в целом, а также отдельных его положений и разделов широкий круг специалистов. В это же время велась работа над альтернативными проектами. Наиболее значительными из них были подготовлены группой «Коммунисты России» и группой ученых Саратовского юридического института»¹.

Из выступления народного депутата РСФСР, члена Конституционной комиссии Е.А. Амбарцумова, на V Съезде народных депутатов РСФСР: «Важно отметить, что учитывался и альтернативный проект, и проект Саратовский, который был отмечен премией»².

Из выступления народного депутата России В.Н. Бокова на VI Съезде народных депутатов Российской Федерации: «В течение полутора лет шла работа над проектом... За это время в Конституционную комиссию (как уже здесь говорилось) было представлено немало альтернативных проектов Конституции — Саратовского юридического института, депутатской фракции «Коммунисты России», больших групп депутатов и юристов»³.

Профессор М.А. Митюков, сравнивая саратовский проект Конституции РСФСР с проектом Конституции РФ Конституционной комиссии РСФСР, отмечает «выигрышность» первого при решении некоторых проблем судебного конституционного контроля»⁴.

Безусловно, наивно было бы сравнивать окончательный вариант проекта Конституции Российской Федерации, вынесенный на референдум 12 декабря 1993 года и Саратовский проект Конституции Российской Федеративной Республики, представленный на конкурс в Конституционную комиссию РСФСР в сентябре 1990 года. Работа над проектом Конституции Российской Федерации по сути продолжалась более 2-х лет и в ней принимало участие огромное количество депутатов, государственных и общественных деятелей, ученых.

Кстати, члены кафедры конституционного права Саратовского юридического института (ныне Саратовской государственной академии права) неоднократно давали свои замечания на различные варианты проектов Конституции России»⁵.

¹ Конституционный вестник. М., 1991. № 9. Декабрь. С. 55.

² Там же. С. 64.

³ Конституционный вестник. М., 1992. № 11. Апрель-май. С. 314.

⁴ Митюков М.А. К истории конституционного правосудия. М., 2002. С. 60–61.

⁵ См., например: О проектах Конституции России. Кафедра конституционного права Саратовского юридического института / Руководитель В.Т. Кабышев // Конституционный вестник. Специальный выпуск. Новая Конституция России: два проекта. М., 1993. № 16. Май. С. 160–164.

Следует отметить, что члены кафедры — профессора В.Т. Кабышев, О.О. Миронов — принимали участие в работе Конституционного совещания, созванного Президентом Российской Федерации для работы над проектом Конституции Российской Федерации (июнь, июль 1993 г.). Профессор Б.С. Эбзеев, будучи уже судьей Конституционного Суда Российской Федерации, принимал участие как в работе Конституционного совещания, так и в Комиссии конституционного арбитража, специально созданного на заключительном этапе работы при рассмотрении спорных теоретических вопросов.

Премией Конституционной комиссии РСФСР был отмечен проект Конституции, который публикуется в данном сборнике.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. САРАТОВСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ*

В 1990 г. Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР, начав работу по подготовке проекта будущей российской Конституции, объявила конкурс на лучший вариант проекта. Дело было в том, что следовало уйти от традиционных советских конституционных образцов и выработать принципиально новую концепцию Конституции демократической России. Это означало, что работа начиналась, по сути, на пустом месте, и в этих условиях обращение к коллективному разуму профессионалов было необходимо.

Некоторые из участников конкурса предложили идеи, явно заслуживавшие использования в будущей Конституции России. Наибольшее число таких идей выявилось в проекте кафедры государственного права Саратовского юридического института (ныне Саратовская государственная академия права), подготовленном под руководством заведующего кафедрой профессора В.Т. Кабышева. Этот проект и был признан победителем конкурса.

История разработки нынешней российской Конституции хотя и непродолжительна по времени, но довольно сложна из-за той острой политической борьбы, которая велась, в частности, и вокруг нее. Многие еще остаются за кадром, и потому ознакомление современных профессионалов с документами, предшествовавшими рождению нашего высшего закона, весьма полезно для исследователей отечественного конституционного права, да и для всех других читателей, которых интересует этот богатый событиями период.

*Б.А. Страшун,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
бывший эксперт Конституционной комиссии
и участник Конституционного совещания*

* © Страшун Б.А. Послесловие // Саратовский проект Конституции России / Предисл. В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. С. 62.

САРАТОВСКАЯ ШКОЛА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА*

Каждый, кто занимается проблемами правового регулирования политической власти, ее организации и функционирования, просто не может не знать о существовании и плодотворной деятельности одного из немногих в нашей стране центров изучения и развития конституционализма — кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной академии права (ранее — Саратовского юридического института). Во главе кафедры в настоящее время находится известный теоретик-конституционалист доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.Т. Кабышев.

Я неслучайно употребил выражение «центр». Кафедр конституционного права у нас в стране много, но научных центров, исследующих проблематику конституционализма, развивающих теорию конституции, считанные единицы. И весьма отраднo, что коллектив этой кафедры счел нужным подвести как бы промежуточный итог нескольких десятилетий своего труда и издать рецензируемый сборник «Саратовская научная школа конституционного права» (М.: Формула права, 2001), в котором показан вклад в отечественную конституционно-правовую науку кафедры в целом и каждого из тех, кто работал на кафедре ранее и работает сейчас, — как исследователей, умудренных жизненным опытом, так и совсем молодых.

Открывает сборник обзорная статья В.Т. Кабышева, в которой он, в частности, характеризует теоретическое наследие своего учителя и предшественника в руководстве кафедрой профессора И.Е. Фарбера, указывает, что именно с его приходом в 1963 году началось становление саратовской школы конституционного права. И эта школа немало сделала для того, чтобы тоталитарное «государственное право» стало преобразовываться в демократическое конституционное право. Еще за четверть века до падения тоталитарного режима кафедра стала теоретически разрабатывать

основные категории конституционализма, которые были использованы в период конституционной революции 1989–1993 годов.

Происходившие в 1960-е — 70-е годы дискуссии о государственном и конституционном праве отражали консервативные и демократические тенденции в советской специальной литературе. Постепенно начинало развеиваться наваждение приснопамятного совещания 1938 года, где тогдашний куратор юридической науки А.Я. Вышинский сделал общеобязательный выбор между двумя наименованиями в пользу государственного права. После этого только И.Е. Фарбер со своими соратниками и учениками, да еще работавший в Институте государства и права АН СССР профессор В.Ф. Коток осмелились выступить в начале 1960-х годов в пользу термина «конституционное право», вкладывая в содержание этого понятия идеи с определенной демократической направленностью. Позднее, уже в середине 1970-х годов кафедра ЛГУ во главе с Рянжиным даже издала учебник «Советское конституционное право», но Рянжин по другому поводу пострадал, и идея заглохла.

Наработки саратовской конституционной школы оказались востребованными в 1990-х годах, когда подготовленный кафедрой проект Конституции России получил премию Конституционной комиссии. Не случайно профессора кафедры Б.С. Эбзеев и О.О. Миронов оказались на высоких государственных постах: первый — судьи Конституционного Суда России, а второй — депутата и затем Уполномоченного по правам человека.

Конечно, Москва высасывала кадры из Саратова, как и из других городов, но что характерно для саратовской школы, она, в отличие от некоторых других центров, устояла и сохранилась. Очевидно, что немалая заслуга в этом принадлежит В.Т. Кабышеву, сумевшему сплотить коллектив и обеспечить его прогрессивное развитие.

Опыт кафедры убеждает, что не существует науки провинциальной, периферийной. Находясь отнюдь не близко от Москвы, наши саратовские коллеги нисколько не уступают москвичам ни в постановке актуальных проблем конституционализма, ни во вкладе в их решение. К сожалению, не все, что издается вне пределов Москвы, доходит до нас, и это огорчительно, поскольку информация о проблематике, образующей сферу научных интересов каждого из действующих членов кафедры, не может не вызывать самого живого интереса. Особо следует, на мой взгляд, подчеркнуть значение проводимых на кафедре исследований сферы прав

* © Страшун Б.А. Саратовская школа конституционализма // Саратовская научная школа конституционного права. Вып. 2 / Составитель В.Т. Кабышев. М.: Формула права, 2006. С. 5–6.

человека, поскольку в нашей стране их реализация остается еще весьма большим вопросом.

Рецензируемый сборник убедительно свидетельствует, что на кафедре создана и поддерживается атмосфера постоянного научного поиска, которая оказывает благотворное воздействие и на учебный процесс, и на качество консультативной помощи государственным и муниципальным органам и учреждениям. Хотелось бы пожелать кафедре в целом и всем ее членам дальнейших успехов, поддержания и укрепления традиций саратовской научной школы конституционного права, которая служит достойным примером для других, включая московские, научных и научно-педагогических формирований.

*Б.А. Страшун,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор*

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ*

Главная особенность нынешнего этапа развития Российской Федерации это вступление России в переходный период: от государственного социализма к постиндустриальному обществу. Переход имеет свои характерные признаки. Во-первых, процесс осуществляется в условиях, когда Россия впервые в своей истории стала подлинно суверенным государством. Во-вторых, когда произошел распад некогда могучего, централизованного Союза ССР. В-третьих, переход происходит в чрезвычайно сложных условиях развития государственности и всей жизни общества. За последние годы произошли перемены, существенно меняющие многие стороны нашего бытия. Россия мучительно пытается вырваться из тисков тоталитарного прошлого. Проводимые в Российской Федерации радикальные (конституционная, политическая, экономическая) реформы ставят целью кардинальное изменение существующего строя. От их успеха зависит судьба России, судьба каждого ее гражданина.

Следует отметить, что прежнее советское законодательство, да и по существу юридическая наука оперировали терминами государственный и общественный строй. Категория «конституционный строй» в советском законодательстве ранее практически не использовалась. Советские конституции применяли термины «общественное устройство», «основы общественного строя и политики». В конституциях зарубежных социалистических стран также применялись термины, аналогичные советской конституционной системе: «общественный строй», «политический строй», «общественно-экономический строй». Демократизация советского строя, расширение гласности в 90-х годах поставили на повестку дня необходимость конституционных реформ в СССР. В конституционном законодательстве бывшего Союза ССР появляется термин «конституционный строй» в связи с учреждением поста Президента СССР и изменением редакций статей 6 и 7 Кон-

* © Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: Межвуз. науч. сб. / Сарат. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. Саратов: ред.-издат. госпредприятие «Абрис», 1993. С. 3–14.

ституции СССР 1977 года¹. В законодательстве РСФСР термин «конституционный строй» был введен I Съездом народных депутатов, также конституционно изменившим редакцию статей 6 и 7 Основного Закона РСФСР².

Разработка проекта новой Конституции Российской Федерации привела к необходимости существенно иных подходов к регулированию основ общественного строя. В результате была предложена принципиально новая концепция конституционного строя России. В проекте Конституции, обсуждавшемся на V и VI Съездах народных депутатов РФ³, предложено «системное видение нового строя»⁴. В его основу положены идеи верховенства права, политического плюрализма, приоритета прав и свобод человека, разделения властей, рыночного хозяйства, ранее принципиально отвергаемые теорией и практикой советского государственного социализма. Ряд идей и принципов либерально-демократического конституционализма нашли уже свое воплощение в изменениях и дополнениях действующей Конституции Российской Федерации.

В науке конституционного права понятие конституционного строя определяется как система господствующих экономических, политических и идеологических отношений в их конституционной форме выражения, которые воплощают полновластие (суверенитет) народа и определяют сущность и основные черты общества в целом⁵. Такое определение, естественно, являлось адекватным отражением правовых взглядов, в условиях которых оно формировалось. Ниже мы коснемся отдельных аспектов такого понимания конституционного строя. Конституционный строй — это прежде всего система конституционных отношений как предмета конституционного регулирования, это и конституционные нормы, и конституционные принципы, регулирующие и закрепляющие отдельные виды общественных отношений существующего социального строя.

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 12, ст. 189.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1990, № 3, ст. 25.

³ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 46, ст. 1556; Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 18, ст. 979.

⁴ См.: Конституционный вестник, 1991, № 8, С.3.

⁵ См.: Еременко Ю.Н. Советская Конституция и законность. / Науч. ред. Ржевский В.А. — Саратов, 1982. С. 18.

Для современного этапа развития российского общества характерно становление принципиально нового типа конституционных отношений, олицетворяющих формирование суверенного, демократического, правового государства — Российская Федерация.

Понятие конституционный строй выступает составной частью более широкой категории — конституционализма, который означает верховенство и определяющую роль конституции в правовой системе, прямое действие конституции в конституционной регламентации государственного строя и политического режима, конституционное признание прав и свобод личности, правовой характер взаимоотношений гражданина и государства¹. Важное значение для утверждения идей конституционализма имеет уровень конституционной культуры общества. Реализация самых прогрессивных, гуманистических конституций требует адекватного их отражения сознанием общества. Мировой опыт, да и советский 30–40-х годов, свидетельствует, что в жизни может действовать самая демократическая конституция по формальным признакам, и в то же время существовать реакционные порядки, нарушаться права и свободы граждан. В таком обществе конституция просто игнорируется. Признание высокого авторитета конституции, утверждение в обществе адекватного конституционного сознания есть необходимый элемент конституционализма.

Таким образом, можно сказать, что понятие «конституционный строй», тесно связанное с понятиями «конституционализм», «конституционное сознание» и «конституционная культура», аккумулирует весь спектр многообразия механизма создания, действия и реализации Основного Закона государства.

Исходя из наметившихся тенденций конституционного процесса в Российской Федерации, можно выделить главные элементы возрождающегося конституционного строя России: народовластие, федерализм, республиканская форма правления, разделение властей, многообразие форм экономической деятельности.

Принципиальная новизна возрождающегося конституционного строя Российской Федерации состоит в признании человека, его

¹ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М., 1963. С. 4. В советский период идеи конституционализма активно разрабатывает И.М. Степанов. См. его работу: Конституция и политика. М., 1984; см. также: Скуратов Ю.И. Система социалистического самоуправления народа (проблемы конституционной теории и практики). Свердловск, 1987.

прав и свобод высшей ценностью. Августовская демократическая революция 1991 года поставила цель — так реформировать систему власти, чтобы человек действительно стал высшей социальной ценностью.

Проект Конституции Российской Федерации в основу ее конституционного строя провозглашает такие принципы: государственный суверенитет, приоритет прав и свобод человека, верховенство права, политический плюрализм.

Следует отметить, что между понятиями основы и принципы «китайской стены» нет. Принцип — это такое начало, руководящая идея, в которой проявляются объективные закономерности, потребности общественного развития. Понятие основы употребляется в философском смысле для характеристики сущности явления. В конституционном плане термин «основы» подчеркивает особенности и специфику конституционного регулирования общественных отношений¹, указывает на источник, на то главное, на чем базируется определенное явление². Свою конкретизацию основы получают в конституционных принципах.

Следует отметить, что современный российский конституционный процесс характеризуется рядом особенностей. Во-первых, налицо усиление непосредственно регулирующего воздействия Конституции на все основные сферы социально-общественного развития. И хотя Россия пока не имеет новой Конституции, действующая Конституция с ее многочисленными изменениями и дополнениями по сути вобрала в себя философию официального проекта Конституции Российской Федерации, в котором отвергаются основы прежнего тоталитарного строя и сформулированы идеи будущего конституционного строя России, воплощающего гуманизм, демократизм, свободы и права человека. Во-вторых, наблюдается постепенное исключение из Конституции норм, носящих преимущественно политико-идеологический характер. Так, например, исключение термина «политическая система» из механизма конституционного регулирования устоев российского общества не означает, что политическая система как реальность и научная категория не существует. В условиях правового государства

¹ См.: Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы. Саратов, 1979. С. 45.

² См.: Ржевский В.А. Общественный строй развитого социализма. Конституционное содержание, структура, регулирование. Л., 1963. С. 68–69.

существенно меняется роль политических институтов (партий, общественных организаций и массовых движений) и других звеньев политической системы в механизме осуществления власти. Становление подлинно гражданского общества в России объективно предопределяет роль и место Конституции в утверждении общепризнанных человеческих ценностей. Конституция должна установить не только пределы действия государства, его органов и их «вмешательство» в гражданское общество, но и создать юридические основы незыблемости гражданского общества. Именно в этом социальное назначение Конституции. Конституционный строй призван гарантировать развитие демократических начал самоуправления во всех сферах жизнедеятельности общества. Если в обществе тверды ценности, которые не может изменить никакая власть, значит это и есть истинно гражданское общество. Конституционный строй должен способствовать нормальному, естественному процессу развития общества, а не служить ему тормозом или быть антирегулятором.

Сущность строя проявляется в характере и природе власти, существующей в государстве. Цель конституции заключается в том, чтобы юридически закрепить такой механизм осуществления власти в государстве, который, во-первых, был бы адекватен реалиям основных политических сил общества, во-вторых, отвечал бы объективным потребностям его развития, в-третьих, устанавливал формы осуществления власти в государстве и пределы ее воздействия на членов гражданского общества.

Экономические реформы, проводимые государственной властью в России, воспринимаются неоднозначно как различными политическими силами, нарождающимся классом предпринимателей, так и другими социальными слоями российского общества. Поэтому естественно, что многих волнует вопрос: какой же конституционный строй мы возрождаем в России? Могучую российскую империю, обновленный социализм, капиталистический строй или возрождаем общечеловеческие ценности — естественные, неотчуждаемые права и свободы человека. Конституционные ориентиры, выдвинутые на современном этапе развития России, это построение постиндустриального общества. Кстати, проект Конституции Российской Федерации избегает упоминания, какое же общество — социалистическое или капиталистическое — сформируется у нас в результате реализации новых конституционных

установлений, Р.И. Хасбулатов, отвечая на данный вопрос на VI Съезде народных депутатов Российской Федерации, отметил, что не боясь термина «социализм», а стремление избежать излишней идеологизации и политизации, не принятых в других странах, заставляет отказаться в Конституции от названия того типа общества, которое строится¹.

Ясно одно, что общество, основанное на провозглашаемых проектом Конституции России принципах, конечно же, не социализм. Это современный капитализм. И надо честно сказать, что никто не сможет трудящихся «прокормить» без частного капитала. Современный капитализм, не будучи идеалом, при развитой системе защиты человека лучше, чем «казарменный социализм»². Вообще следует заметить, что в мире происходит сближение двух долго противостоящих друг другу мировых систем. И, видимо, главное будет для нас — это прежде всего обеспечение прав и свобод человека. В достижении этой цели важная роль принадлежит системе власти. Наш, советский, опыт свидетельствует, что именно структура власти, ее окостеневшая система, господство командно-приказного метода явились тормозом всех начинавшихся прогрессивных преобразований,

В цивилизованном обществе всегда стоит задача: как достичь такого состояния, чтобы осуществление власти не воспринималось отдельными должностными лицами лишь только как их привилегия. Власть в демократическом, правовом государстве и гражданском обществе должна быть служанкой общества, а не господином. Поэтому необходимо создать такой конституционный механизм власти, который бы полностью исключал произвол тирании, безграничное всевластие бюрократии, возможность любого культа. Примечательно, что ни в одной из прежних советских и ныне действующих Конституциях нет и намек на положение, содержащееся в проекте Конституции Российской Федерации: «Никакая часть общества, никакое объединение и никакое отдельное лицо не могут присваивать себе власть в государстве. Узурпация государственной власти является тягчайшим преступлением». Такая норма есть по сути один из конституционных запретов

¹ См.: VI Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчет // Российская газета. 1992. 23 апреля.

² См.: Мицкевич А.В. Становление основ нового конституционного строя в Российской Федерации. // Государство и право. 1992. № 8. С. 15.

на пути к возрождению тоталитаризма, она отвечает идеалам и целям истинной демократии и гражданского общества. Не менее важное значение имеет и следующее конституционное положение названного проекта: «Государство, его органы, учреждения и должностные лица служат всему обществу, а не какой-либо его части, ответственны перед человеком и гражданином». Реализация данной конституционной новеллы является конституционной гарантией против возрождения авторитаризма. Несомненно, что претворению в жизнь принципов правового государства способствовало бы усиление конституционной ответственности высших должностных лиц России и за качество работы, и также более эффективное применение института обязательных отставок в случаях обнаружившейся их некомпетентности, неспособности наладить дело, неумения использовать власть в интересах народа¹.

Утверждению конституционного строя России должно способствовать претворение в жизнь принципа разделения властей. 90-е годы XX столетия явились поворотным рубежом в конституционном развитии России. Впервые в истории Российского государства юридически был закреплен принцип разделения властей в Декларации о государственном суверенитете РСФСР в статье 13. Дальнейшее свое конституционное закрепление он получил на VI Съезде народных депутатов Российской Федерации в новой редакции статьи 3 Конституции России, где сказано: «Система государственной власти в Российской Федерации основана на принципах разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Конституционное закрепление разделения властей не означает, что три ветви российской государственной власти абсолютно обособлены. Разделение властей означает, что ни один орган государства не может и не должен обладать всей полнотой власти. Но жизнь свидетельствует пока об обратном. Конфликт между законодательной и исполнительной властью, остро вставший на VI Съезде народных депутатов РФ яркое тому подтверждение. Известно, что идея разделения властей, рожденная идеологами молодой буржуазии в ходе борьбы против феодального абсолютизма, впервые была осуществлена в конституционной практике США. Принцип этот прошел довольно длительный и сложный путь развития, в США он, например, трансформировался как принцип «сдержек

¹ См.: Баймаханов М.Т. Проблемы воплощения принципов правового государства в Конституции Казахстана // Государство и право. 1992. № 8. С. 9.

и противовесов»¹. Социалистический же конституционализм весь советский период развития отвергал принцип разделения властей. Считалось, что он не пригоден для политической системы социализма из-за несоответствия основополагающему принципу «Вся власть Советам!». В условиях административно-командной системы Советы никогда и не были полновластными органами, их декларируемое полновластие фактически подменялось партийным аппаратом.

Следует отметить, что начало отрицанию доктрины разделения властей в социалистическом государстве было положено еще Марксом. Он, исходя из социально-классового понимания власти как единой, сделал вывод о невозможности осуществления доктрины разделения властей в будущем социалистическом государстве. Энгельс считал, что разделение властей есть ни что иное как прозаическое деловое разделение труда в государственном механизме² при единстве власти в руках господствующего класса. Это был социально-классовый подход к данной проблеме.

К сожалению, практика и идеология партийно-бюрократического всевластия еще прочно сидит в умах многих носителей власти. Ностальгия по большевистским навыкам управления с их постоянной «чрезвычайщиной» не дает покоя сегодня сторонникам монополии на власть. В споре законодательной и исполнительной властей ярко выражен, по образному сравнению Р.И. Хасбулатова, переход от доминировавшего у нас государственного права к праву конституционному, подлинно цивилизованному. Конституционное право с его разделением властей — это акцент на человеке, на личности, на свободе совести и печати. Это, наконец, господство закона над пресловутой государственной целесообразностью, которая на российской почве неизбежно оборачивалась и оборачивается запоздало-горестной констатацией «для него закон не писан!» Государственное же право с его единством власти — это упор на вождя, на партию, на административный и бюрократический произвол за счет попрания элементарной демократии и законности, свободы мнений³. Разделение властей означает, что власть в государстве должна быть так распределена и демонополизирована,

¹ См.: Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984; Барнашев А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988. С. 13.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 203.

³ См.: Руслан Хасбулатов. Курс на взаимодействие // Правда. 1992. 9 октября.

чтобы ни одна из ветвей власти не смогла подчинить себе другую ветвь власти. Это возможно только в том случае, если власть в государстве теснейшим образом связана правом. Господство права и верховенство закона, закрепленные в Основном Законе, не могут быть отменены, в противном случае это будет означать изменение конституционного строя.

Российский конституционализм исходит из концепции: человек — гражданское общество — государство. Поэтому конституционный строй России утверждает права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность. Не власть, а человек — главное достояние демократической России. Не человек должен служить власти, а власть ему служить и стоять на защите прав и свобод человека, долгое время в советский период человека провозглашали высшей социальной ценностью. И лейтмотивом идеологии «государственного социализма» было — все во имя человека, все для блага человека. Однако практика реального социализма в сущности на первое место ставила интересы государства. В признании, соблюдении и защите прав и свобод человека состоит главная обязанность государственной власти. Таков один из стержней конституционного строя Российской Федерации.

Одной из основ конституционного строя России является ее федерализм. Конституционный строй, отражая сущностные признаки государственности, есть тот юридический каркас, без которого не может существовать правовое государство. Принцип федерализма — это не просто один из принципов ее государственно-территориального устройства. Федерализм — это конституционная основа исторически сложившегося государственного единства народов Российской Федерации. Федерализм — это юридическая гарантия целостности территории России, составляющих ее республик и территорий. Без федерализма Россия ныне существовать не может. Всей предшествующей историей она выбрала этот путь развития. Федерализм имманентно присущ России.

Становление новых конституционных устоев России в качестве суверенного государства нашло отражение в подписании 31 марта 1992 г. Федеративного Договора и одобрение его VI Съездом народных депутатов Российской Федерации. Федерализм как основа конституционного строя России имеет исключительно важное значение для возрождения российской государственности. Именно федерализм отражает стремления миллионов людей разных на-

циональностей жить вместе, предотвратить распад политически и юридически реально существующего самостоятельного и целостного государства, не подлежащего расчленению. Федеративный Договор явился правовой формой реализации объективно назревшей тенденции децентрализации полномочий и функций российского государства как единого целого. В нем заложены юридические основы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти ее субъектов.

Важнейшей основой возрождающегося конституционного строя России является свободная рыночная экономика. Она включает в себя такие элементы как собственность, предпринимательство и труд. Собственно говоря, это и есть составляющие гражданского общества, в котором существенно меняется роль государства и его правовых регуляторов. Свобода экономической деятельности обуславливается пределами вмешательства государственной власти в сферу гражданского общества. С точки зрения либерального конституционализма XIX в. конституция должна устанавливать такие пределы государственной власти, чтобы в обществе существовал процесс саморегулирования социально-экономических отношений¹. Но такая ситуация применима к постиндустриальному обществу. Поскольку Россия еще далека от постиндустриального общества, то здесь возрастает роль государственного вмешательства в экономику. Критерием такого вмешательства являются интересы человека и общества.

Конечно, переход от экономики государственно-монополистического социализма² к рыночной требует как демонтажа его государственно-монополистической собственности, так и иных конституционно-правовых регуляторов. Конституционное регулирование рыночных экономических отношений включает прежде всего разнообразие и равноправие форм собственности, не допуская монополизма. Свобода экономической деятельности обязательно требует их равной правовой защиты. Важное значение имеет конституционно-правовое регулирование труда. Способствовать правовыми средствами исключению отчуждения человека от

¹ См.: Четвернин В.А. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве // Государство и право. 1992. № 5. С. 10.

² Такое понятие введено в научный оборот Р.И. Хасбулатовым. См.: Хасбулатов Р.И. Бюрократическое государство. М.: Мегapolis, 1991. С. 158.

собственности. Принятые законы о собственности, фермерских хозяйствах, законы, направленные на стимулирование процесса роста коммерческих, акционерных банков, образование свободных экономических зон, создают правовую базу для перехода к рыночным отношениям.

Демократическое правовое государство не может нормально функционировать без политического многообразия жизни, основу которой составляет политический плюрализм, проявление свободы человека. Конституционный строй, утверждая политические свободы граждан, тем самым охраняет и право личности на инакомыслие, ибо свобода слова, мысли человека лежат в основе политического плюрализма; Одним из проявлений политического плюрализма выступает многопартийность. Она есть форма общественного управления и действует как механизм использования расхождения интересов, инакомыслия и разномыслия в целях общественного прогресса¹. Многопартийность порождает политическую оппозицию, цель которой взятие власти. Конституционный строй признает только конституционную оппозицию².

Известно, что многопартийность в советский период практически не существовала. Монополия на истину как имманентный спутник тоталитарного строя и не могла породить никакого плюрализма, многообразия политической жизни. Ныне политический плюрализм становится реальностью политической жизни России. Только на начало 1992 года Минюстом России было зарегистрировано 820 общественных организаций, в том числе 25 партий.

Какова же роль конституции в регулировании политического плюрализма? Конституция, признавая первичность гражданского общества, устанавливает политический плюрализм как неотъемлемую основу конституционного строя. В статье 6 Конституции Российской Федерации говорится — в России устанавливаются конституционные формы политического плюрализма; участие в выработке политики государства и в управлении государственными и общественными делами. Специально подчеркивается в статье 7, что они действуют в рамках Конституции. В то же время устанавливается конституционный запрет политическому плюрализму:

¹ См.: Бутенко А.П. Советская многопартийность: современность и первый послеоктябрьский опыт // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 81.

² См.: Макаренко В.П. Кризис власти и политическая оппозиция // Советское государство и право. 1990. № II. С. 86.

не допускается создание и деятельность партий, организаций и движений, имеющих целью насильственное изменение существующего конституционного строя и установление политической монополии и тоталитаризма.

Таковы ориентиры будущего конституционного строя России. От того, насколько реально будут претворены в жизнь провозглашенные конституционные принципы и основы, будут зависеть права и свободы человека, будущее России.

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

В истории цивилизации проблема «человек и власть» — одна из центральных. В каждую историческую эпоху она решалась неоднозначно. Так, становление конституционализма было связано прежде всего с провозглашением прав человека естественными и неотчуждаемыми. Идеи английской Хартии вольностей XIII века и французской Декларации прав человека и гражданина конца XVIII столетия нашли свое закрепление в первых буржуазных конституциях. С тех пор они составляют лейтмотив всех демократических конституций. Власть конституционно признает за человеком его свободы и права как неотъемлемые, как определяющие природу личности и меру ее свободы. Собственно говоря, главный смысл учреждения конституций и состоял в том, чтобы гарантировать человеку защиту от произвола государственной власти. Высшая юридическая сила Конституции призвана оградить провозглашенные права и свободы от возможного ущемления путем издания обычных законов. К сожалению, как свидетельствует и мировой, и наш, российский (в том числе советский и постсоветский), опыт, этого недостаточно.

Человек и власть связаны многочисленными социально-историческими, правовыми, психологическими отношениями. Каждому историческому этапу развития общества присущ определенный тип взаимоотношений человека и власти. В советской литературе выделяли три типа взаимоотношений власти и личности: полицейский, либерально-буржуазный и социалистический². К сожалению, в рамках этапа социалистического строительства в нашей стране мы испытали совершенно чуждый декларируемым целям этого строя тип взаимоотношений личности и власти. Диктат административно-командной системы управления, доведенный Сталиным до своего логического конца — культа личности, по сути означал тиранию. Он сводил человека, личность к винтику государ-

* © Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвузовский сборник научных работ. Ростов-н/Д: Ростовская высшая школа МВД РФ. Саратов: Саратовская государственная академия права, 1995. С. 67–75.

²См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 24–26.

ственной машины. Господство административно-командного стиля руководства страной явилось и порождением статского произвола, массовых репрессии и жестокости. Безжалостный сталинский механизм репрессии уничтожил генофонд народа, обескровил все слои нашего общества.

Необходимо отметить, что в России проблема взаимоотношений и взаимосвязей человека с властью в целом всегда была чрезвычайно актуальна. Ибо структуры власти в процессе своего исторического развития имели по отношению к человеку самодовлеющую, однонаправленную силу¹. Человек практически всегда в истории России был винтиком государственной машины.

Россия конца XX столетия вступила в эпоху гигантских общественных потрясений. Еще в середине нынешнего столетия русский философ Н.А. Бердяев писал: «В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия»². Пророческими казались слова видного русского философа! Именно происходящие ныне перемены существенно меняют многие стороны нашего бытия, мировоззрения. Россия мучительно пытается вырваться из тисков тоталитарного прошлого. Проводимые в Российской Федерации реформы (экономическая, политическая, конституционная) ставят целью кардинальное изменение существующего строя, системы власти и, естественно, взаимоотношений власти и человека. Ныне это воплощено в новых конституционных ориентирах — Конституции Российской Федерации 1993 года.

Главный итог событий 1993 года — это принятие новой Конституции России. Мучительно, в яростных спорах, ожесточенном противостоянии различных социальных и политических сил, вплоть до кровопролития, рождался Основной Закон Российской Федерации. Впервые в истории Российского государства всенародным голосованием принята Конституция. Олицетворяя принципиально новый тип конституционных отношений, она закрепила становление суверенного демократического правового государства — Российской Федерации. Существенная новизна

возрождающегося конституционного строя России состоит в признании человека и его прав высшей ценностью. На вершине конституционного строя России стоит человек, его жизнь, честь, достоинство и свобода, личная неприкосновенность, естественное и неотчуждаемое право быть собственником.

Анализ российских конституционных новелл позволяет вычлениить конституционные принципы взаимоотношений человека и власти на современном этапе развития России. Исходя из смысла Конституции Российской Федерации 1993 года и стратегии конституционного развития РФ можно сделать вывод, что конституционными принципами, определяющими взаимоотношения человека и власти (имеется в виду вся конституционная система государственной власти в России), являются: приоритет прав и свобод человека, верховенство права, взаимная ответственность человека и власти, судебная защита прав и свобод человека. На систему конституционных принципов взаимоотношений человека и власти, несомненно, определенное влияние оказывают и такие принципы, как разделение властей, федерализм, политический плюрализм. Но это принципы иного уровня. Прежде всего, это принципы конституционного строя, они лежат в другой плоскости конституционного регулирования. Так, пример, принцип политического плюрализма есть выражение права человека на инакомыслие, в том числе и на политическое. Конституционный строй, утверждая политические свободы гражданина, тем самым охраняет и право человека на инакомыслие, ибо свобода слова, мысли человека лежит и в основе политического плюрализма. Демократическое правовое государство не может нормально функционировать без политического многообразия жизни, основу которой составляет политический плюрализм, проявление свободы человека.

Одним же из проявлений политического плюрализма выступает многопартийность. Последняя есть форма общественного управления и действует как механизм использования расхождения интересов, инакомыслия и разномыслия в целях общественного прогресса. Известно, что многопартийность порождает политическую оппозицию, цель которой взятие власти. Конституционный же строй признает только конституционную оппозицию. В советский период многопартийность существовала очень короткое время. Монополия на истину как имманентный спутник тоталитарного строя и не могла породить никакого плюрализма, многообразия политической жизни. Сегодня политический плюрализм стано-

¹ См.: Чернышов А.Г. Человек и власть в России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 1994. С. 1.

² Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 45.

вится реальностью нашей жизни, хотя его становление проходит весьма и весьма трудно.

Политический плюрализм ярко проявился во время выборов депутатов в нижнюю палату российского парламента 12 декабря 1993 года — Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Второй этап поэтапной конституционной реформы, как известно, начался формированием представительных органов государственной власти в субъектах Федерации. В подавляющем количестве субъектов Российской Федерации выборы прошли по мажоритарной избирательной системе. И только в одном субъекте Федерации они прошли по смешанной избирательной системе — Саратовской области. 16 избирательных объединений получили право сбора подписей избирателей, 9 из них собрали необходимый минимум и приняли участие в борьбе за 10 мандатов в Саратовскую областную думу 29 мая 1994 года. В политических программах этих избирательных объединений нашло выражение инакомыслие, политическая свобода человека. Постепенно начинает исчезать из нашей жизни моноустановка, моноинтерес.

В иерархии конституционных принципов взаимоотношений человека и российской конституционной системы власти есть еще один ряд принципов. Это всеобщность, единство, равноправие и гарантированность самих конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Эти принципы (их иногда именуют в литературе и как свойства, признаки) характеризуют юридическую природу самих конституционных прав и свобод человека. Они есть выражение правовой сущности прав и свобод. Безусловно, они определяют характер конституционных связей человека и власти. Они же — эти свойства, принципы — лежат и в основе конституционно-правового механизма реализации и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это можно проиллюстрировать на примере конституционного закрепления прав и свобод человека и гражданина. Касается ли это законодательного процесса (ст. 15 п. 3), введения чрезвычайного положения (ст. 56 п. 3) или ответственности и обязанности государства, его органов и должностных лиц перед человеком и гражданином (ст. 2, 19, 24, 45, 46, 53 и другие). В обобщенной правовой формуле характер связей человека и системы власти выражен в статье 18 Конституции Российской Федерации. В ней отражена юридическая природа прав и свобод человека и гражд-

данина и концентрированно выражен один из основополагающих конституционных принципов взаимоотношений человека и власти — приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо отметить, что в нашем сознании слишком укоренились догмы о примате общественных интересов над личными, государства над человеком. Преодолеть этатистский, патерналистский подход к человеку, его правам и свободам, видимо, обществу сразу не удастся. Но конституционные регуляторы позволят преодолеть «второсортность» личности¹ по сравнению с государственным механизмом. Так, прежняя конституционная концепция взаимоотношений человека и власти ставила человека на второй план. Мы долгое время человека провозглашали высшей социальной ценностью. Лейтмотив идеологии «государственного социализма» был: все во имя человека, все для блага человека. Однако практика реального социализма в сущности на первое место ставила интересы государства, его могущество, богатство, величие. На первый взгляд, все как будто и должно было так быть. Ведь чем не могущественнее, не богаче государство, тем больше создается возможностей для улучшения благосостояния человека. Но в действительности все обстояло иначе. Остаточный принцип в социальной политике бывшего Советского государства привел к обратным результатам.

Диалектика новых взаимоотношений человека и системы власти в нынешних условиях России нашла выражение в механизме конституционного закрепления. Из 138 статей Основного Закона России 61 статья посвящена правам и свободам человека и гражданина, 13 из них — судебной защите прав и свобод человека и гражданина. Но Конституция — это не панацея от всех наших бед. Безусловно, далеко не достаточно одного конституционного оформления, закрепления такой системы власти, которая была бы властью справедливой, стоящей на страже прав и свобод человека. Но это первый и объективно необходимый шаг. Конечно, в процессе функционирования, реализации права и власти должна быть первичность, верховенство права. В цивилизованном обществе, если Россия действительно к нему стремится, выше Конституции не должно быть ничего. Незыблемость Конституции как принципа есть показатель нравственности общества.

Взаимодействие человека, его прав, свобод и власти определяет и существо политического режима, и методы властвования, и по-

¹ См.: *Власенко Н.А.* Личность и социалистическое правовое государство: принципы взаимоотношений // Советское государство и право, 1990. № 12. С. 12.

литического руководства в обществе. Не власть и ее организация, а человек должен стоять на первом месте. Это не терминологический спор. Это выражение социальной значимости нынешних российских реалий.

На формирование конституционных принципов нового поколения — выше нами перечисленных — влияет ряд условий и факторов. Одно из главных противоречий нашего общества — это объективная тенденция движения прогрессивных сил к становлению гражданского общества и сопротивление отживающих, серьезно деформированных экономических и политических структур. Именно структура власти, ее окостеневшая система, господство командно-приказного метода явились тормозом прогрессивных преобразований. Исторический опыт свидетельствует, что административно-командная система умело использовала социально-психологический феномен власти в своих целях.

Феномен власти скрыт в ее функционировании. Власть — это сложный общественный и психологический феномен. Как психологическое явление власть существует в сфере переживаний человека, находится в самой тесной взаимозависимости с чертами характера людей, обладающих властными полномочиями и осуществляющими власть. В уважении, признании власти состоит ее социально-психологический феномен. Этому, в частности, служит и символика власти, ее различные ритуалы: присяга главы государства, коронация императора, их встречи и т. д. «Тайн власти», как их иногда называют, существует много. Так, жажда власти, властолюбие, упоение властью — все это следствие влияния власти, проявление особенностей властвования в социально-психологическом плане. Безусловно, это оказывает свое воздействие на характер взаимоотношений власти и человека, а также лиц, обладающих властными полномочиями, и иных граждан. В цивилизованном обществе всегда стоит задача: как достичь такого состояния, чтобы осуществление власти: не воспринималось отдельными должностными лицами лишь только как их привилегия. Нормы права в данном случае играют роль регулятора и ограничителя всевластия должностных лиц, наделенных соответствующими властными полномочиями. Власть в демократическом государстве и гражданском обществе должна быть служанкой общества, а не его госпожой.

Взаимоотношения человека и системы власти наиболее ярко проявляются в уровне и зрелости политико-правовой культуры

общества. Как достижение человеческой цивилизации культура влияет на способы осуществления власти. Развитие политической культуры — это сложный процесс, он протекает волнообразно. Старые традиции и нормы, политическая психология еще длительное время сосуществуют и борются с новыми. От чего мы хотим сегодня избавиться? От административно-командного пресса, от вседозволенности властвующих управленцев и носителей властных функций, от пассивности и равнодушия граждан, от привычки все делать по команде сверху? Или еще от чего-либо? Мы пока не в полной мере осознали, что все мы — подавляющая часть россиян — продукт системы социально-психологических отношений, сформированных административно-командной (тоталитарной) системой. Она (система) всех нас сформировала психологически. Поэтому сознание человека, его психология находятся в определенной степени еще во вчерашней жизни. Это, к примеру, находит свое выражение в ностальгии отдельных граждан по прошлому, в их желании вернуться в ранее привычный мир — СССР, во времена господства КПСС, распределительной системы и т. д. Только восстановив действительное достоинство и свободу человека и гражданина во всем полном их объеме, мы восстановим и политическую активность, и гражданственность.

Нынешний российский менталитет своими истоками уходит в нашу историю. Глубинные истоки правовых представлений (о праве, справедливости) лежат в мифологии, когда тот или иной этнос еще только осознавал себя, окружающую действительность, нормы и обычаи своей жизни. Древнерусский человек не выделял, не воспринимал и не осознавал пока с достаточной четкостью социальности своего бытия, его нормативности, упорядоченности, складывающихся в предправовом комплексе. Короче, восточнославянская мифология более всего отвечала ранним этапам развития человечества.

Дальнейшее развитие России, ее культуры тоже шло несколько в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации. Так, на формирование массового сознания и политической культуры Запада оказали влияние факторы, неизвестные России и ее истории. Во-первых, это борьба духовной и светской властей за влияние. Отделение церкви от государства, объявление религии частным делом граждан открыло возможность становления светской политической культуры. Во-вторых, западный мир пережил две мощные моральные и интеллектуальные реформы: церковную Реформацию

и Просвещение. Соединенные с деловым предпринимательством и прагматизмом, они стали источником политической культуры здравого смысла. Обогащенные же опытом первой половины XX века, они смогли преодолеть непримиримость правых и левых идеологических постулатов, стали основой культуры плюрализма и политической терпимости, основой светской политической этики демократии. Эта этика включала в себя правила политической борьбы, которую все ее участники соблюдают и в которой необходимо присутствует альтернатива программ политики и развития. Все это, безусловно, оказало влияние на конституционный механизм закрепления политических прав и свобод человека и гражданина.

К сожалению, парадигма советской политической культуры «друг-враг» в ее наиболее контрастных красках (красное — белое или белое — черное) глубоко укоренилась в нашей политической культуре. Прав был Н.А. Бердяев, говоря, что большевизм соединил в себе две российские традиции: тоталитарность миросозерцания и деспотизм власти. Феномен сильного, централизованного государства был идеалом, а проблема власти была для Ленина и его сторонников основной¹. Господство моноидеологии, одной партии оказали свое огромное влияние и на развитие российского конституционализма. Для советской конституционной мысли были неприемлемы многие достижения мировой конституционной практики, такие как: разделение властей, правовое государство, приоритет прав и свобод человека и гражданина, политический плюрализм, импичмент. Советский политический режим не был заинтересован в развитии конституционных идей и, естественно, конституционно-правовых институтов, ограничивающих всевластие аппарата, культ вождя, примат государства перед обществом и личностью.

Необходимо отметить, что реализация самых прогрессивных, гуманистических конституций требует адекватного их отражения сознанием общества. Уровень конституционной культуры при этом имеет огромное значение. Мировой, да и советский 30–70-х годов в том числе, опыт свидетельствует, что может существовать якобы самая демократическая, но лишь по формальным признакам конституция (т. е. по набору тех конституционных институтов, которые могут обеспечивать нормальное функционирование гражданского

¹ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 98–121.

общества), сосуществуя в то же время с реакционными порядками, нарушением прав и свобод человека. В таких случаях Конституция просто игнорируется. Признание высокого авторитета Конституции, утверждение в обществе адекватного конституционного сознания есть необходимый элемент конституционализма.

Становление подлинно гражданского общества в России, где действительно признается приоритет прав и свобод человека, объективно предопределяет роль и место Конституции в утверждении общепризнанных человеческих ценностей. Конституция должна не только установить пределы действия государства, его органов и их «вмешательства» в гражданское общество. Социальное назначение Конституции состоит в создании юридических основ незыблемости гражданского общества. Именно конституционный строй призван гарантировать развитие демократических начал самоуправления во всех сферах жизнедеятельности общества. Если в обществе тверды ценности, которые не может изменить любая власть, значит, оно и есть истинно гражданское общество. Конституционный строй должен способствовать нормальному, естественному процессу развития общества, а не служить ему тормозом или быть антирегулятором.

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ*

Проблема федерализма — многоаспектная, она включает в себя исторические, этнические, социальные, психологические, экономические, политические и, безусловно, конституционные аспекты. Проблемы советского федерализма всегда увязывались с национальным вопросом. Считалось, что советская федеративная форма государственного устройства есть государственно-правовой способ решения национального вопроса. В 60-х годах XX-го столетия утверждалось, что национальный вопрос в том виде, в каком он нам достался от прошлого, решен в СССР полностью, окончательно и бесповоротно. Но история опровергла этот политико-идеологический постулат КПСС, как и многие другие.

Проблемы федерализма находятся ныне в центре как политико-государственной деятельности, так и научной мысли. Это и закономерно, ибо 21 государство — девятая часть государств мира — являются федерациями, в них проживает около трети населения планеты. Процессы, связанные с государственным устройством, сегодня оказывают огромное влияние на многие стороны жизни общества. Это подтвердили события, ранее казавшиеся просто немыслимыми. Распад Советского Союза, Федеративной Республики Югославии раздел Чехословакии, напряженная обстановка в Канаде (Квебек) нерешенность сикхского вопроса в Индии, население которой говорит на 400 языках и наречиях, — таков далеко не полный перечень межнациональных проблем в мире.

Если же обратиться к вопросу российского федерализма, то эта проблема приобрела для России жизненно важное значение. Неслучайно реализация конституционных принципов федерализма очерчена в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию как одна из первоочередных задач усиления действенности государственной власти, как способ сохранена единства и целостности Российского государства¹.

* © Кабышев В.Т. Российский Федерализм: конституционные основы, тенденции развития // Конституционное развитие России: Межвузовский научный сборник. Выпуск 2. Саратов: Саратовская гос. академия права; Саратовская высшая школа МВД РФ, 1996. С. 4—18.

¹См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О действенности государственной власти в России». М., 1996. С. 28—30.

Находясь на переломном этапе исторического развития, Россия вступила на путь последовательной федерализации. Начало этому юридически положила Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 года I Съездом народных депутатов РСФСР. В 15 статьях данного документа, имеющего конституционный характер, были сформулированы принципы, оказавшие огромное влияние на все последующее развитие России, на ход социально-экономических, политических, конституционных и социально-психологических процессов. Главная идея Декларации — провозглашение суверенитета Российской Федерации как естественного и необходимого условия существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции. Декларация явилась основой для разработки новой Конституции Российской Федерации.

В становлении экономического федерализма России важное значение имело принятие 31 октября 1990 года Верховным Советом РСФСР Закона «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Закон установил объекты российской государственной собственности, порядок и условия владения, пользования и распоряжения ими. Он предоставил исключительное право Правительству Российской Федерации в сфере внешнеэкономической деятельности участников, имеющих юридические адреса на территории России.

В процессе разработки новой Конституции Российской Федерации шли оживленные дискуссии по проблемам российского федерализма. Принятие Конституции РФ 1993 года не сняло полностью спорные, нерешенные вопросы российского федерализма. Кроме того, федерализм провозглашен одной из основ конституционного строя России. Это имеет принципиально важное конституционно-правовое значение. Ибо федерализм ныне закреплен не просто как один из принципов государственно-территориального устройства России. Федерализм — это конституционная основа исторически сложившегося государственного единства народов Российской Федерации. Он выступает как юридическая гарантия целостности территории России, составляющих ее республик и территорий. Федерализм как основа конституционного строя имеет исключительно огромное значение для возрождения российской государственности. Конституционный же строй, отражая сущностные признаки российской государственности, есть тот юридический каркас, без которого Россия не может существовать как правовое государство. Поэтому анализ конституционных проблем россий-

ского федерализма необходимо вести в его различных ипостасях: как основы конституционного строя Российской Федерации и как принципа территориально-государственного устройства. Это принципиально новое положение и отразила Конституция Российской Федерации 1993 года.

Можно, конечно, говорить о некотором расширительном представлении данной конституционной основы Российской Федерации, о дублировании ее содержания в главе III Конституции о федеративном устройстве России¹. Следует отметить, что Конституция Российской Федерации 1993 года явилась итогом баланса различных социальных сил, сложившихся в конце XX столетия в России. На заключительном этапе разработки проекта Конституции РФ предусматривалось включение в ее текст в качестве II раздела федеративных договоров от 31 марта 1992 года. Но такой способ организации и выражения конституционных норм впоследствии был отвергнут.

Итак, на конституционном уровне федерализм закреплен как основа конституционного строя России и как принцип территориально-государственного устройства. Подобный прием конституционно-правового опосредования межнациональных и федеративных отношений имеет свою внутреннюю логику. Действующая Конституция Российской Федерации ввела новое для нашего законодательства понятие «основы конституционного строя». Данное понятие не означает простой замены конституционных терминов «общественное устройство», «основы общественного строя и политики», содержащихся в прежних советских конституциях, как это утверждают авторы Комментария Конституции Российской Федерации². Да, основы конституционного строя образуют ядро Конституции, определяют самое ее существо. Но конституционный строй — это не только совокупность закрепленных Конституцией принципов, основных ее положений, в соответствии с которыми должны находиться все другие конституционные положения, а также текущее законодательство. Конституционный строй — это прежде всего система конституционных отношений как предмета конституционного регулирования, это и конституционные нормы, и конституционные принципы, регулирующие и закрепляющие

отдельные виды общественных отношений существующего социального строя¹. Конституционный строй, отмечает О.Г. Румянцев, есть совокупность социальных отношений, а его основы — система принципов, их регламентирующих².

Когда мы говорим о федерализме как основе конституционного строя России, то речь идет о конституционной природе территориально-государственного устройства Российского государства. Основы строя, по образному выражению О.Г. Румянцева, закономерно являются своего рода «конституцией для Конституции»³, они включают в себя наиболее устойчивые принципы, на которых построено регулирование общего характера. Основы конституционного строя — это мерило самого текста Основного Закона. Специфика основ конституционного строя выражает фундаментальное, обобщающее значение, нормативность и юридическое верховенство по отношению ко всем остальным положениям Конституции, постоянность действия и особый порядок изменения.

Термин «основы конституционного строя» (кроме названия главы I в самом Основном Законе) встречается еще и в статьях 13, 16, 55, 77 и 79. Конституционные нормы и принципы, составляющие основы конституционного строя, определяют конкретное содержание всех других конституционных положений и не могут им противоречить. Вместе с нормами, регулирующими правовой статус человека и гражданина, они выражают саму сущность Конституции. Данная иерархия конституционных норм и принципов подчеркивает их значимость, что в свою очередь предопределяет и различный порядок их пересмотра.

Федерализм как основа конституционного строя есть выражение сущности и правовых особенностей России как федеративного государства. В основе российского федерализма лежат геополитические и этнические факторы. Процесс объединения российских земель шел, как известно, разными путями: он включал добровольные союзы и вынужденные присоединения, имели место и завоевательные походы⁴.

¹См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1993. С. 4.

²См.: Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994. С. 23.

³Там же. С. 31.

⁴См. подробнее: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России: В 3 кн. Кн. 1. М., 1992.

¹См.: Ржевский В.А., Кисилева А.В. Субъекты Российской Федерации: типология и конституционные основы организации // Гос-во и право. 1994. № 10. С. 38–39.

²См.: Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 120.

Развитие России от унитаризма к становлению подлинно федеративных отношений — это длительный путь, характеризующийся неоднозначностью подходов. От отрицания до официально-формального признания и, наконец, до принципиально нового подхода на современном этапе. Ныне федерализм приобретает универсальный характер, определяющий существо отношений между центром и субъектами Российской Федерации.

Несимметричность нашей федерации — отнюдь не чисто российское явление¹. Однако на существо федеративных отношений в Российской Федерации накладывают свой отпечаток чисто российские условия, традиции и методы реализации государственной политики.

Суть российского федерализма ныне юридически выражена в статье 5 Конституции Российской Федерации. Его ингредиентами являются государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации органами государственной власти субъектов РФ, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации.

Принципиальная особенность федеративных отношений состоит в том, что национальный фактор ныне не выступает определяющим. В советский период господствовало мнение, что советская федерация построена на национально-территориальном принципе. Однако ее субъектами признавались только национальные республики (союзные и автономные) или национальные административно-политические образования (автономная область и национальные округа)². Современная конституционная модель российского федерализма объединяет национальные и территориальные аспекты. Выделяются три типа субъектов Российской Федерации: государства (республики), государственно-территориальные образования (край, область, город федерального значения) и национально-государственные образования (автономная область и автономный округ).

Осмысление нынешней практики российского федерализма вычленяет следующую закономерность: государственная целостность России, ее геополитический фактор лежат в основе стратегии государственной политики Российской Федерации. Данная тенденция развития российского федерализма получила соответ-

ствующее конституционное закрепление. Это находит выражение в следующих конституционных механизмах: отказ от государственного суверенитета у республик — субъектов РФ, отсутствие права выхода у членов федерации из ее состава. Кроме того, Конституция РФ не предусматривает как возможности рецепции федеральных законов, так и права их нуллификации со стороны субъектов федерации.

Следует отметить, что отдельные варианты проекта Конституции Российской Федерации, выработанные на Конституционном совещании летом 1993 года, предусматривали закрепление суверенитета у одного из видов субъектов РФ — республик. Вариант же проекта Конституции РФ, вынесенный на всенародное голосование 12 декабря 1993 года, уже не предусматривал конституционного закрепления суверенитета за республиками — субъектами Российской Федерации.

Конституции ряда республик, входящих в состав Российской Федерации (Саха-Якутия, Тыва и др.), содержат положения, прямо противоречащие федеральной Конституции, не говоря уже о «знаменитой» статье 61 Конституции Республики Татарстан, закрепившей статус ассоциированного члена в составе Российской Федерации. Эти претензии ряда бывших советских автономий на свою исключительность в составе Российской Федерации не только не соответствуют действующей Конституции России, но и выходят за рамки разумного. Подобные «конституционные завихрения» есть не что иное, как проявление политических амбиций лидеров этих республик.

Интересна в связи с этим мысль, высказанная академиком А.Н. Яковлевым, что сформировавшиеся элиты во многих бывших союзных и автономных республиках Союза ССР, когда возникла угроза их личным позициям, явились самым благоприятным полем для прорастания национализма. Антидемократизм, отсутствие нормальных обратных связей в обществе, доведенный до произвола принцип демократического централизма — все это в конечном счете привело к формированию самодостаточной, оторванной от общества элиты, которая оказалась составленной прежде всего из лиц данной национальности... И именно националистический угар взорвал страну¹. Уместно привести созвучные в данном случае слова известного политолога А. Кивы: «В том, что после развала СССР и краха овалного социализма мы не смогли из-

¹ См.: Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Гос-во и право. № 8–9. С. 151.

² См.: Лепешкин А.И. Советский федерализм. М., 1977. С. 177.

¹ См.: Яковлев А.Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994. С. 337, 338, 344, 345.

бежать наступления смутного времени, в немалой мере виновата наша политическая элита, политизированная интеллигенция, во многом сформировавшая эту элиту. Она, интеллигенция, все еще по преимуществу советская по своей психологии и умозерцанию, по-прежнему во власти многих большевистских стереотипов, сама оказалась в полной растерянности. Все дело в том, что она не хочет принимать жизнь такой, какая она есть. Все придумывает идеально устроенные формы бытия...»¹ Видимо, менталитет большевистской психологии еще долго будет оказывать свое воздействие на многие стороны российской жизни.

В рамках научных дискуссий эти «конституционные аномалии» современного российского федерализма встретили закономерное неприятие и осуждение². Ведь данные республики не являлись учредителями России, их создание — результат стремления руководителей большевистской партии пробудить национальное самосознание малочисленных народов, приобщить их к социалистическому строительству в рамках единой федеративной России. Их нахождение в федерации, справедливо отмечает Н.А. Михалева, предопределено исторически³.

Необходимо заметить, что в федеративном договоре от 31 марта 1992 года в преамбуле содержится положение: «Признавая свою ответственность за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов Российской Федерации, целостности ее республик и территории». Преамбула Конституции РФ фактически повторила данную формулировку: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, ...сохраняя исторически сложившееся государственное единство». Таким образом, какие-либо стремления превратить нынешние федеративные отношения в конфедеративные не состоятельны ни с исторической точки зрения, ни с конституционной, не отвечают они и объективным интересам народов и наций, населяющих Россию.

Официальная реакция федеральных органов государственной власти на развивающуюся тенденцию асимметричной федерации, к сожалению, создает прецеденты «коррозии» основ конституционного строя Российской Федерации. Наиболее отчетливо

это выражено в правовой конструкции договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», подписанного в Москве 15 февраля 1994 года. Как известно, ряд договоров о взаимном делегировании полномочий заключен с Башкортостаном, Бурятией, Кабардино-Балкарией и некоторыми другими республиками, входящими в состав Российской Федерации. Ни в коей мере не умаляю значимости, роли и целей договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, направленных на децентрализацию федерации, способствующих рациональному управлению всеми процессами государственной жизни. Заключение таких договоров отвечает общей конституционной модели российского федерализма — взаимодействованию полномочий. Но эти договоры не должны нарушать федеральную Конституцию. Ибо «вторжение» субъектов федерации в исключительные полномочия самой федерации (например, предоставление Татарстану права создавать Национальный банк) есть не что иное, как прямое нарушение Конституции Российской Федерации. Не политическая целесообразность текущего момента, а федеральная Конституция есть критерий легитимности всех договоров, заключаемых между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также договоров между ее субъектами¹. Подобная практика, надавленная на благие цели: развитие многосторонних связей субъектов РФ с самой федерацией и, безусловно, повышение взаимной ответственности², — вместе с тем несет в себе прямую тенденцию к превращению Российской Федерации из конституционной в конституционно-договорную, к деформации федеративных отношений в конфедеративные с отдельными субъектами России. «Конституционно-договорные гибриды, — пишет В.Н. Синюков, — в силу своей двусмысленности долго не живут, что создает состояние переходности государственного устройства и всей Конституции либо к полностью договорной конфедерации, либо к восстановлению федерации с обычными автономными субъектами, которая не знает, кроме Конституции,

¹ Кива А. Новая Россия: конец эпохи «демократического романтизма» // Рос. газета. 1995. 9 июня.

² См., например: Ржевский В.А., Кисилева А.В. Указ. соч. С. 41; Михалева Н.А. Конституционные реформы в республиках — субъектах Российской Федерации // Гос-во и право. 1995. № 4. С. 5.

³ См.: Михалева Н.А. Указ. соч. С. 6.

¹ Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. Российский федерализм, равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Гос-во и право. 1995. № 3. С. 10.

² См.: Лихачев В. Взаимная ответственность. Договор России и Татарстана: опыт демократических реформ // Независимая газета. 1994. 29 ноября.

никаких параллельных учредительных актов»¹. Дело не только в том, что такой договорный процесс не отвечает российским конституционным реалиям. Он разрушает основы конституционного строя России. Отсутствие прочных конституционных механизмов, обеспечивающих непрерывность федеральной Конституции, к сожалению, невозможно в полной мере восполнить призывами, хотя и облакаемыми в правовую форму, как, например, постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «По итогам парламентских слушаний «О проблемах соответствия конституций республик, уставов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации» от 29 июля 1994 года² или Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации при проведении конституционно-правовой реформы в субъектах Российской Федерации» от 5 октября 1995 года³. Конечно, создание различных комиссий по согласованию и координации законодательной деятельности представительных органов государственной власти субъектов РФ — разумная, необходимая, но, думается, и не единственная мера правовой защиты федеральной Конституции, а в нашем случае — незыблемости одной из основ конституционного строя России — федерализма.

По нашему мнению, одной из юридических гарантий правовой защиты основ конституционного строя Российской Федерации явилось бы создание целостной системы конституционного правосудия на региональном уровне — конституционных (или уставных) судов субъектов Российской Федерации⁴. Правовой основой их учреждения являются положения частей II и IV статьи 5, статья 73, части II и IV статьи 76 Конституции Российской Федерации. В течение последних лет в девяти республиках были учреждены конституционные суды, в Республике Северная Осетия-Алания

действует Комитет конституционного надзора. Только в одном государственно-территориальном образовании — Свердловской области — предусмотрено формирование Уставного Суда. Как видим, только один тип субъектов федерации и к тому же самый многочисленный, но, к сожалению, инертный, не проявляет законодательного рвения в создании собственных органов конституционного контроля.

Ныне в краях и областях идет активная конституционно-правовая реформа по разработке и принятию уставов. Опубликованный первый выпуск уставов 10 субъектов РФ¹ свидетельствует, что территориальный субъект федерации в целом относится предпочтительнее к Конституции Российской Федерации. В большинстве их уставов прямо либо косвенно закреплен отказ от права выхода из состава Российской Федерации, указано на необходимость сохранения целостности Российского государства. Так, например, в преамбуле Устава Псковской области говорится, что псковская земля является неотъемлемой частью исторически сложившегося Российского государства. В Уставе Саратовской области содержится положение: «Область как субъект Российской Федерации неотделима от нее».

В то же время в уставах некоторых субъектов РФ есть положения, искажающие иерархию нормативных актов федерации и ее субъектов. Например, о первоочередном правотворчестве субъектов РФ по предметам совместного ведения в отсутствие федеральных законов (статья 5 Устава Иркутской области, статья 21 Устава Курганской области и др.), о преимущественном статусе жителей субъекта РФ перед другими лицами, находящимися на территории данного субъекта, в реализации отдельных прав (статья 3 Устава (Основного Закона) Ставропольского края). Налицо противоречие с федеральной Конституцией.

Безусловно, законодательная деятельность большинства субъектов Российской Федерации (за исключением бывших автономных республик РСФСР) находится в стадии становления. Неэффективность их законодательной деятельности имеет разные причины: отсутствие многих федеральных законов, противостояние исполнительной власти, отсутствие финансового обеспечения законов, недостатки профессионализма в законодательной деятельности на

¹ См.: Уставы краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации. Вып. I. Изд. Государственной Думы. М., 1995.

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 328.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 14. Ст. 1593.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 41. Ст. 3875.

⁴ Мысль о создании системы конституционного правосудия в РФ высказана Т.М. Прахиной еще до принятия новой Конституции РФ. См.: Прахина Т.М. Конституционное правосудие в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Конституционное развитие России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1993. С. 53–58.

региональном уровне и другие¹. Поэтому создание конституционной юстиции в территориальных субъектах РФ явилось бы конституционным выражением полновластия области, края на своей территории, в пределах своей компетенции, реальным правовым уравниванием с республиками, уже имеющими свои конституционные суды. Это способствовало бы укреплению конституционной законности в субъектах РФ, разрешению возникающих конституционных споров между региональными ветвями власти, между областной, краевой властью и органами местного самоуправления. Конституционные суды субъектов РФ, защищая конституции и уставы соответствующих субъектов федерации, должны выступать и хранителями общефедеральных конституционных ценностей². Таким образом, создание региональной конституционной юстиции явилось бы одной из гарантий правовой защиты основ конституционного строя, способствовало бы совершенствованию российских федеративных отношений.

В теории и практике российского федерализма остро обсуждаются и находят свое неоднозначное решение такие вопросы, как суверенитет и самоопределение народов, конституционно-правовое разграничение предметов ведения и полномочий между органами власти федерации и органами власти ее субъектов, конституционно-правовой статус различных видов субъектов РФ и другие. В рамках настоящей статьи и в контексте конституционных основ российского федерализма нельзя обойти молчанием два вопроса.

Во-первых, вопрос о русской нации и предпосылках создания Русской Республики в рамках Российской Федерации. Во-вторых, об эволюции конституционного развития Российской Федерации.

Вопрос о русской нации и самоопределении ее в собственное национальное государство не новый. Он имеет свою историю, внимание к нему то ослабевает, то вновь возрастает, в зависимости от состояния межнациональных, социально-классовых, политических отношений в обществе.

Какие бы правовые конструкции не выдвигались при объяснении государственно-правовой природы Российской Федерации, но численный фактор русского этноса (83 процента населения Рос-

сийской Федерации — это русские, не имеющие своей собственной национальной государственности) остается таким ингредиентом, способным еще не раз со всей остротой изменить существующие фактические и правовые реалии на территории России. Горько звучат слова русского писателя Александра Солженицына: «Мы, единственная нация, не получившая ни государственности, ни самоопределения. Мы в национальном обмороке. Мы равнодушны к судьбе своих соотечественников — у нас отрезали 25 миллионов человек, а мы и не охнули»¹.

Весь советский период Российская Федерация рассматривалась с двух сторон: как национальное государство русского народа, составляющего подавляющее большинство ее населения и давшего имя республике, и как основанная на автономии федерация, объединившая в своем составе русский и многие другие народы. В государствоведении эта правовая ситуация концентрированно была изложена А.И. Кимом. Он считал, что РСФСР есть федеративный, союз наций, составляющих автономные образования вместе с основной нацией. Русская нация, пронизывающая всю территориальную структуру РСФСР и сопредельная со всеми национально-государственными образованиями, выступает особым субъектом Федерации².

Справедливо пишут В.А. Ржевский и А.В. Кисилева, что при всем положительном значении данной концепции в объяснении федеративной природы России она не учитывает, во-первых, фактического неравноправия выдвигаемых субъектов, один из которых организационно оформлен в виде автономных (государственных) образований, другой же представлен лишь в качестве социоэтнической общности. Во-вторых, указанная общность (сама нация) не в состоянии выступать субъектом договора об объединении, либо участником каких-либо иных (экономических, культурных и др.) соглашений, если ее государственное существование не будет соответствующим образом подтверждено хотя бы на уровне минимальных институтов представительства³. Да, ныне действующая Конституция России несколько скорректировала данную историческую «уникальность» России как государства. Территории (края и области), населенные преимущественно русскими, получили повышенный конституционный статус, стали субъектами новых

¹ См.: Боброва Н.А. Некоторые аспекты законодательной деятельности субъектов Российской Федерации // Государство и право. 1995. № 11. С. 47.

² См.: Кряжков В.А. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации: проблемы организации и деятельности (Научно-практический семинар) // Государство и право. М., 1995. № 9. С. 130.

¹ Российская газета. 1995. 3 февраля.

² См.: Ким А.И. К вопросу о государственно-правовой природе РСФСР // Правоведение. 1960. № 1. С. 26–33.

³ См.: Ржевский В.А., Кисилева А.В. Указ. соч. С. 43.

федеративных отношений, осуществляется представительство русского населения от них в верхней палате Федерального Собрания РФ — Совете Федерации, произошла децентрализация полномочий от федеральных органов власти к органам власти субъектов и возник ряд других правовых форм, обеспечивающих выравнивание статуса русских и других национальностей в государственно-правовом смысле.

Вернемся к идее Русской Республики. Многие считают ее нереальной. Так, В.А. Ржевский и А.В. Кисилева в упоминаемой выше статье пишут, что идея русской государственности не может быть доведена до абсурда, это губительно для федерации, ибо в 15 из 21 входящих в нее республик русские составляют либо преобладающую, либо самую значительную часть населения. А.Н. Кокотов отмечает, что нынешняя конституционная модель РФ — это наднациональное государство, ибо Конституция особых отношений между РФ и русскими не оговаривает и закрепляет за последними статус титульного народа России. Конституционная модель государства интегрирует лишь отдельные элементы русской этничности (государственный язык, отдельные традиции русско-государственной символики, столица РФ — русский общественно-политический центр)¹. «Объединение всех русских земель в единое целое — новорусскую федерацию — способно подорвать единую российскую государственность. Ибо неизбежно возникнет конфликт России с Русью, чреватый пагубными последствиями и прежде всего для простых людей независимо от их национальной принадлежности и места проживания»².

Б.С. Эбзеев и Л.М. Карапетян считают, что идея образования Русской Республики в рамках РФ несостоятельна. Ибо границами территориального самоопределения русской нации выступает вся территория России. Основная проблема — это создание действенного механизма реализации конституционного равноправия всех субъектов РФ, разумная и целесообразная организация единой суверенной власти в РФ. Русской нации необходимо оставить ее интегрирующую роль, которую она играла и играет. Кроме того, абсолютизация суверенитета, государства, нации и народа ведут к умалению прав и свобод человека³.

¹ См.: Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 55.

² Там же. С. 90–91.

³ См.: Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 7, 11.

Россия — многонациональное государство и «вычленение» суперэтноса из более чем ста наций и народностей, населяющих нашу страну, не может не пройти безболезненно прежде всего для титульной нации Российской Федерации. Следует иметь в виду и следующее обстоятельство. В социологии и этнографии высказана мысль, что русская нация в своей основе имеет расовое и этническое разнообразие ее населения. «Единство в многообразии», — писал П.А. Сорокин, уходит своими корнями в историю русской нации и ее государства¹. Точнее было бы сказать, что русская нация как нация в социально-психологическом смысле принимала в свое лоно всех, кто воспринимал духовную доминанту России², ее этническую культуру, стереотип поведения коллектива людей как энергетическую систему³.

Ныне упорно проповедуется мысль, что России опасна этническая русская идея. Российская национальная идея должна быть денационализированной. Поэтому должна доминировать идея нации-государства, а не нации-этноса. Какой пассаж!

Современная конституционная модель государственного устройства Российской Федерации отвечает смыслу переходного этапа развития России. В то же время считаю необходимым высказать следующее. Глубоко убежден и поддерживаю справедливую мысль о том, что без решения национального вопроса русских — РУССКИХ КАК НАЦИИ⁴ — будущее России как конституционной федерации, как единого целостного государства вряд ли будет стабильным и неизменным: Россия, отмечает А.Н. Кокотов, вступила в длительную эпоху национально-государственных размежеваний. Федерация сегодня для России — реальность, но она не отвечает интересам русских, поскольку игнорирует особую их роль как государствообразующей в РФ нации, искусственно разделяет русское национальное тело на части; унитаризм с наличием автономий также искусственно дробит русский этносоциальный организм, но в меньшей степени; для нерусского населения лучшее средство отстаивания своих прав — федерация. Унитарное государство с наличием автономий может способствовать разумной

¹ См.: Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 479.

² См.: Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994. С. 42.

³ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 481.

⁴ См.: Ошиков Л. «Русский вопрос» как эхо национальной политики // Рос. газета. 1995. 25 августа.

договоренности русской нации и иных российских народов¹. Национальное или наднациональное государство будет преобладать в будущем на территории России — зависит и от того, какие духовные ценности, социально-психологические устои будут преобладающими у русского этноса. Но совершенно очевидно, что нынешнее конституционное устройство России — федерализм будет подвергнуто качественно существенным эволюционным изменениям. Но данная проблема выходит за рамки настоящей статьи и требует самостоятельного исследования. Современный же этап развития российского федерализма соединяет в себе как чисто федеративные формы, так и элементы конфедеративных отношений внутри самой федерации. В этом проявляется одна из особенностей нарождающейся тенденции эволюции российского федерализма.

¹См.: *Кокотов А.Н.* Об идеальной и реальной формах государственного устройства России // *Российский юридический журнал.* 1995. № 3(7). С. 53.

КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Конституция Российской Федерации знаменовала собою переход к новой российской государственности. «Она стала одним из важнейших факторов политической стабильности, реализовав принцип сильной президентской власти, соответствующий и потребностям общества, и условиям нынешней переходной ситуации. Конституция ограничила возможность власти подмять общество, и стала реальным инструментом, с помощью которого граждане отстаивают свои права»¹. Выборы 12 декабря 1993 г., совмещенные с референдумом по принятию Конституции РФ, конституировали новую систему власти, придали легальность переходной политической системе.

Конституция, исторически возникнув как правовая форма ограничения власти абсолютизма, всегда играла существенную роль в механизме властвования. Нынешняя конституционная модель российской власти отвергла советскую доктрину полновластия Советов. В основу современной конституционной системы власти положены идеи либерального конституционализма: народного суверенитета, разделения властей, правового государства. Практически весь XX в. для России данные идеи были неприемлемы, ибо они не отвечали природе, сущности и идеологии коммунистической доктрины. Последняя в противовес «буржуазному» принципу разделения властей выдвинула идею единства власти. Власть же трудового народа утверждалась через систему представительных органов (Советов) или непосредственно. Советы по замыслу идеолога большевизма В.И. Ленина соединяли законодательную и исполнительную власть, они олицетворяли становой хребет организации государственной власти в нашей стране. Доктрина полновластия Советов вуалировала фактическую диктатуру партийной олигархии. Действительными органами власти на всех уровнях были партийные комитеты. Примечателен в связи с этим вывод Конституционного Суда РФ при проверке конституцион-

* © *Кабышев В.Т.* Конституционная система власти в современной России // *Вестник Саратовской государственной академии права.* 1998. № 3. С. 3–11.

¹Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Порядок во власти — порядок в стране». М., 1997. С. 19.

ности Указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС... На нижестоящих уровнях управления вплоть до района реальная власть принадлежала первым секретарям соответствующих партийных комитетов... Руководящие структуры КПСС и КП РСФСР присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти»¹. КПСС, отмечал в своем особом мнении судья Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеев, была партией «авангардного» типа, с развитой структурой, с четко выраженной иерархией различных руководящих звеньев. Она во многом подчинила себе и даже поглотила государственные институты. Тем не менее, подчеркивал Б.С. Эбзеев, к оценке КПСС и КП РСФСР необходимо подходить с иными критериями, чем на Западе: эти партии должны рассматриваться в контексте исторического развития нашей страны, ее политических и юридических институтов и учреждений. Это необходимо для определения четкой грани между конституционно-правовой и социально-политической ответственностью партии, которые имеют различные основания, последствия и не могут отождествляться².

Мы привели данные оценки прошлого, чтобы акцентировать, что присвоение государственно-властных полномочий неконституционными органами и учреждениями должно быть исключено. Чтобы впредь этого не было, необходима иная конституционная

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. по делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 4–5. С. 54, 56. Судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов так охарактеризовал это решение КС РФ: «Хитрость компромиссного подхода состояла в том, что партия была искусственно расчленена по горизонтали. При этом «верхи» ее единой структуры — ЦК и прочее руководство — были признаны неконституционной ее частью по признаку подмены собой государственных институтов и их функций, а территориальные первичные организации признавались легитимными» // Кононов А.Л. Пятилетие Конституционного Суда в России: Уроки... // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 2. С. 13.

² См.: Эбзеев В.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. М., 1996. С. 194.

система власти. Ибо наш исторический опыт свидетельствует, что именно структура власти, ее окостеневшая система, господство командно-приказного метода явилось тормозом всех начинавшихся прогрессивных преобразований. В цивилизованном обществе всегда стоит задача, как достичь такого состояния, чтобы осуществление власти не воспринималось носителями властных полномочий лишь только как их привилегия. Необходим такой конституционный механизм власти, который бы полностью исключил произвол тирании, безграничного всевластия бюрократии, возможность возрождения любого культа. Ни в одной из прежних советских конституций не было положения, содержащегося ныне в ч. 4 ст. 3 Конституции РФ. Данная норма, по сути, устанавливает правовые гарантии власти, признавая, что конституционной является только власть, предусмотренная настоящей Конституцией, в основу формирования и функционирования которой положены конституционные требования. Конституционными являются только те властные полномочия, которые основаны на Конституции и законе и получены в строгом соответствии с установленной законом процедурой.

Захват власти, присвоение властных полномочий влекут за собой преследование по Федеральному закону. Конкретные формы ответственности за такие преступления определены Уголовным кодексом РФ, вступившим в действие с 1 января 1997 г. В разделе X «Преступления против государственной власти» содержатся статьи, устанавливающие уголовную ответственность за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно на насильственное изменение конституционного строя РФ (ст. 278 УК РФ). Установлена также ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ (ст. 280 УК РФ).

Конституционная теория и практика различают понятия и явления «конституционная система власти народа» и «конституционная система государственной власти», что и нашло свое отражение в Конституции РФ. В ней конституционно воедино связаны понятия «народный суверенитет» и «источник власти». Эти понятия и явления находятся в органической связи, их конституционное закрепление есть выражение демократической сущности Российского государства. В данной конституционной формуле отражена преемственность мирового конституционного опыта. Лейтмотив многих демократических конституций мира

содержит формулу: «суверенитет принадлежит всей нации», «вся власть исходит от народа».

Понятия суверенитет и власть органически взаимосвязаны. В науке конституционного права выделяют три вида суверенитета: народный, национальный и государственный. Понятие суверенитета есть качественная характеристика прежде всего государственной власти. Суверенитет — это верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти. Перечисленные признаки суверенитета есть критерий, который позволяет выделить и отграничить государственную власть от иных, других видов социальной власти: семейной, церковной, партийной.

Суверенитет народа — это конституционный принцип организации и функционирования власти народа. Народ, выступая сувереном во всех областях жизни, сам определяет, как ему организовать свою власть. Это он и делает при помощи конституции.

В основе власти народа лежит его воля, реализуемая через различные формы — государственные и негосударственные. Поэтому не случайно конституционное выражение: «...единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Именно воля народа придает качество легитимности государственной власти, ее всем формам: законодательной, исполнительной, судебной, надзорной. Указание конституционной нормы на источник власти подчеркивает ее первооснову. Примечательно, что еще в XVI веке демократическая партия левеллеров в своем политическом завещании «Основные законы вольности Англии» провозгласила, что «всякая власть по природе и по существу не имеет другого источника, кроме всего народа»¹.

Понятие «многонациональный народ» употребляется в Конституции России дважды: в ее преамбуле и в ст. 1. Данная конституционная формула исходит из того, что только весь многонациональный народ в целом есть носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации. Суверенитет многонационального народа России — это не арифметическая сумма воли населения каждого ее субъекта. Суверенитет многонационального народа России — это его сущностная характеристика, означающая, что воля народа универсальна, постоянна, она охватывает все без исключения сферы жизни общества. Суверенитет народа нельзя ни сузить, ни расширить. Естественно, что любое волеизъявление только части многонационального народа Российской Федерации не есть выражение воли всего народа России.

¹ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 2. С. 212.

Конституция России в ч. 2 ст. 3 закрепляет три формы осуществления власти народа: непосредственное волеизъявление, через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Это принципиально новая конституционная система власти народа в Российской Федерации. В советских конституциях говорилось: народ осуществляет государственную власть «через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Российской Федерации» (ст. 2 Конституции РСФСР 1978 г.). Только в ходе конституционных реформ 1990–1993 гг. в действующую тогда Конституцию России было внесено изменение о том, что народ осуществляет государственную власть непосредственно, однако не всю власть, как сказано в ныне действующей Конституции РФ.

Свою власть народ осуществляет в двух формах демократии: прямой (непосредственной) и представительной. Последняя реализуется, прежде всего, через представительные учреждения и другие выборные органы. Долгие годы в нашей литературе утверждалось, и советская конституционная практика это подтверждала, что главной формой осуществления власти народа является представительная форма демократии. Ныне утверждать так — неверно по существу и некорректно по форме. Сведение прямой формы осуществления власти народа к положению второстепенной, вспомогательной, объективно принижает ее роль и значение. Это противоречит и конституционному принципу суверенитета народа. Путем прямой демократии представительная форма получает юридические полномочия от народа на осуществление государственной власти, т. е. она конституируется. Эффективное осуществление власти народа возможно только при сочетании прямой и представительной форм демократии.

Российский конституционализм (теория и конституционная практика) выделяют следующие институты непосредственного выражения власти народа: выборы, референдум, сходы и собрания граждан, петиции граждан, митинги и демонстрации, всенародные обсуждения. Одни из них носят императивный характер и не нуждаются в санкции органов государственной власти, другие имеют консультативный характер. Но независимо от юридической природы различных институтов прямого волеизъявления, их влияние на механизм принятия государственных решений всегда велико, ибо в них находит выражение воля народа.

Несомненно, что среди институтов прямой демократии конституционно устанавливается более высокая юридическая значимость

решений, принятых на референдуме и в результате свободных выборов.

90-е гг. нынешнего столетия характерны активным применением института референдума в России. В масштабе всей Российской Федерации референдум проводился несколько раз: 17 марта 1991 г. при учреждении поста Президента РСФСР, 11 апреля 1993 г. по выходу России из кризиса¹, и, несомненно, самый значительный — 12 декабря 1993 г. по принятию ныне действующей Конституции РФ.

Среди институтов прямого волеизъявления народа самое активное применение находит институт выборов. Без них не может обойтись практически ни одно государство мира. Свободные выборы — это один из основополагающих принципов конституционного строя России, они отражают глубинную сущность российского конституционализма. Свободные выборы — обязательный атрибут реального народовластия, они обеспечивают фактическое, активное и постоянное политическое и юридическое участие граждан в решении всех важнейших вопросов жизни общества². Выборы — это легитимный способ реформирования системы власти, её конституирования. Выборы как институт власти могут оказывать различное влияние, как на общество, так и на дальнейшее развитие государства. Так, введение принципа состязательности кандидатов на выборах, как известно, способствовало нарастанию демократических процессов, послужило импульсом рождения элементов российского парламентаризма. Состязательность кандидатов на выборах в органы власти есть свидетельство зарождения действительного гражданского общества в России. В современных условиях выборы выполняют и роль структурирования гражданского общества, ибо введение принципа состязательности в избирательную практику позволяет более адекватно воплощаться общественному мнению различных социально-политических сил в результаты выборов. Это подтвердили выборы 1993–1995 гг. в Федеральное Собрание РФ, 1996 г. Президента России, а также

¹ И.Г. Шаблинский очень тонко подметил: «Апрель же 1993 года, вообще, думается, войдет в историю государства и права России как пример того, как надо формулировать вопросы и подсчитывать результат». *Шаблинский И.Г.* Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.). М., 1997. С. 111.

² См.: *Кукушкин М.И., Югов А.А.* Выборы — конституционный институт прямого народовластия в Российской Федерации // *Российский юридический журнал.* 1966. № 2/10. С. 73.

выборы органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Одним из каналов осуществления власти народа являются органы государственной власти. В Конституции РФ употребляются термины: «власть народа», «законодательная власть», «исполнительная власть», «судебная власть», «органы законодательной, исполнительной и судебной власти», «единая система органов государственной власти». На федеральном уровне согласно ст. 11 Конституции РФ органами государственной власти, осуществляющими государственную власть в пределах Российской Федерации, являются Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ. Перечень этот является исчерпывающим. Его расширение без изменения гл. 1 Конституции РФ невозможно. Введение новых федеральных институтов государственной власти возможно только с соблюдением требования ст. 16 и 136 Конституции РФ.

На вершине федеральной конституционной системы государственной власти находится Президент РФ как глава государства, который не входит прямо ни в одну из ветвей государственной власти согласно конституционному принципу разделения властей. Конечно, институт президента с одной стороны ближе к системе исполнительной власти. Но, исходя из российской конституционной модели, он соединяет в себе как функции исполнительной, законодательной, так и судебной власти. Необходимо отметить, что нынешняя российская конституционная модель государственной власти построена на двух основополагающих принципах: федерализма и разделения властей. Конституционная реформа 1993 г. на первое место поставила институт президентской власти. Этому предшествовало противостояние законодательной и исполнительной власти 1992–1993 гг. Именно введение института президента как главы государства, наделенного рядом сдержек и противовесов: правом вето и правом роспуска Государственной Думы, правом принимать решение об отставке Правительства без каких-либо согласований и предварительных консультаций до сих пор вызывает споры, полемику¹. В системе федеральных институ-

¹ См.: Президент — Правительство — исполнительная власть: российская модель. М., 1997; Проблемы парламентского права в России. М., 1996; Конституционные институты в России: эволюция или новая революция? // Независимая газета. 1997. 13 марта; *Шейнис В.Л.* Тернистый путь Российской Конституции // Государство и право. 1997. № 12. С. 62–73; *Энтин Л.М.* Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.

тов власти: Президент — Парламент — Правительство — Судебная власть превалирует вопрос соотношения институтов президентской власти и парламента. Несмотря на то, что Конституция РФ четко и недвусмысленно закрепила место, роль, компетенцию и правовые основы взаимоотношений как федеральных, так и региональных институтов власти¹, по-прежнему, как и в советское время, утверждается мысль: ведущее место в системе разделения властей принадлежит народному представительству². Не может доминировать ни одна ветвь государственной власти в правовом государстве. Ибо тогда о какой же самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти можно говорить? Государственная власть едина по своему источнику, но разделена по властным полномочиям. Стремление вернуться к суверенитету парламента не отвечает нынешней российской конституционной модели государственной власти.

Принципиальная особенность современной конституционной системы власти народа состоит и в том, что Конституция выделяет и такой канал ее осуществления как органы местного самоуправления, которые не входят в систему органов государственной власти.

Таким образом, Конституция РФ четко обозначила, что необходимо различать конституционную систему власти народа (ч. 2 ст. 3) и конституционную систему государственной власти (ст. 11), что не одно и то же.

Реализация конституционной нормы — «народ осуществляет свою власть ... через органы местного самоуправления» на практике встретила огромные трудности: от прямого бойкота в ряде субъектов РФ (Удмуртия и др.) до закрепления двойной системы — государственного управления и местного самоуправления (Башкортостан и др.). Принцип демократического централизма, господствовавший в советской системе власти, по существу довлеет психологически и ныне на властвующую элиту — носителей государственно-властных полномочий. Почему же так тяжело про-

¹ Самостоятельность субъектов РФ в установлении собственной системы органов государственной власти получила в практике их конституционного строительства разнообразие: в структуре, названии представительных органов, наличии или отсутствии института президента и т. д. К сожалению, отсутствие Федерального закона об общих принципах организации представительных и исполнительных органов государственной власти РФ порождает конституционные коллизии в ряде субъектов Федерации.

² См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации. Коллектив авторов / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 59.

исходит становление такого канала власти народа, как местное самоуправление? Причины, по нашему мнению, состоят не только и не столько в создавшихся социально-экономических отношениях. Они обусловлены историческими и социально-психологическими факторами. Все дело в том, что власть в России всегда (и в прошлом, и в XX в.) выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности Россия в полную меру испила чашу цезарепизма. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России¹. Поэтому и современная конституционная модель системы государственной власти несет на себе печать прошлого. Властвующую элиту в основном составляют люди из прежней советской номенклатуры. Они восприняли все методы, привычки и традиции механизма властвования советского строя. Логично возникает вопрос: можно ли быстро избавиться от авторитарных методов властвования как на федеральном, так и региональном уровнях, достаточны ли конституционные средства и механизмы, чтобы избежать подобного? Ответ может быть только один — нет. Необходимо время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности прежде всего у носителей властных полномочий и безусловно неуклонная реализация абсолютно всей Конституции РФ.

Необходимо признать: Конституция не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собою все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью, от превышения власти, от игнорирования конституционных установлений. Абсолютизировать юридические средства и механизмы не стоит, но и игнорировать их также не следует. Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов, независимости судебной власти и т. д. Дух фактического властвования сегодня составляет доминанту политико-правового развития России.

¹ См.: Власть в России и ее теоретики. Валерий Подорога в контроверзах с Александром Дугиным // Независимая газета. 1998. 13 мая. С. 12.

ФЕДЕРАЛИЗМ И КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА ВЛАСТИ В РОССИИ*

В конце XX столетия в России произошли события, коренным образом изменившие как облик ее государственности, так и общественных структур. Результатом этих изменений в правовом смысле стало принятие Конституции Российской Федерации 1993 года. Основной Закон России знаменовал собою переход к новой российской государственности, явился законодательным закреплением принципиально иных, чем ранее, ценностей, идей, норм, принципов, которые постепенно входят в нашу жизнь, определяют нашу психологию. Конституция 1993 года восприняла выработанные многими поколениями людей ценности конституционализма, такие как: человек, его права и свободы — высшая ценность; суверенитет; народовластие; парламентаризм; верховенство закона; разделение властей; признание и защита всех форм собственности; политический плюрализм и идеологическое многообразие; местное самоуправление. В Конституции РФ 1993 года закреплены основы конституционного строя, принципиально иная в отличие от патерналистской модели система прав и свобод, новое федеральное устройство и принципиально иная модель власти, в основу которой положены федерализм, суверенитет народа, разделение властей. Конституция России юридически закрепила правовые ориентиры развития Российского государства. В конституционной норме статьи I «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правового государства в России».

5-летие реализации Конституции России обозначило ее болевые проблемы. Вновь в повестку дня поставлен вопрос о конституционной реформе. Поляризация мнений вокруг Конституции приобрела, по меткому выражению Ю.А. Тихомирова, просто драматический характер¹. Появились проекты, содержащие радикальный пересмотр действующей Конституции Российской Федерации.

Необходимо отметить, что вопрос о конституционных поправках или о ревизии Конституции РФ 1993 года приобрел актуальность, прежде всего, в свете предстоящих выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Не считая Конституцию РФ 1993 года «абсолютно нерушимой»¹, полагаем, что разрешить нынешний кризис в России путем принятия новой Конституции нельзя. Не Конституция России 1993 года явилась причиной кризиса, трудностей, вставших перед страной в конце XX столетия. Конституция только констатировала становление принципиально иного строя, она закрепила сложившееся состояние общественных отношений, баланс социально-политических сил. Рожденная в жесточайшей борьбе различных социально-политических сил советского общества, в борьбе между исполнительной и законодательной властями того времени, Конституция России 1993 года несет на себе печать драматизма российского общества 92–93-х гг.

Конечно, она не свободна от изъянов, юридических неопределенностей. Но Конституция России 1993 года в целом — это документ, провозглашающий ряд бесспорных идеалов мирового конституционализма. Мы не освоили богатый, творческий потенциал, заложенный в действующей Конституции. Так, не все федеральные конституционные законы, предусмотренные Конституцией, приняты. Их быстрее принятие Федеральным Собранием Российской Федерации способствовало бы как эффективности реализации Конституции РФ, так и устранению пробелов в конституционно-правовом регулировании важнейших общественных отношений. Многие разночтения в толковании отдельных конституционных норм уже снимаются деятельностью Конституционного Суда РФ. Пока же российская конституционная модель, по справедливому замечанию В.А. Четвернина, во многом остается идеалом². Во-первых, Конституция не стала еще нормой жизни российского общества. Главное сегодня — это исполнение, соблюдение, применение и реализация в полном объеме всех норм и принципов Конституции Российской Федерации. Во-вторых, Конституция не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собою все остальные институты и регуляторы, гарантирующие от злоупотреблений властью.

* © Кабышев В.Т. Федерализм и конституционная система власти в России // Материалы круглого стола «5 лет Конституции Российской Федерации: по пути к федерализму и местному самоуправлению». М., 1999. С. 14–22.

¹См.: В каких поправках нуждается Конституция? «Круглый стол» ИЗИСП и редакции // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 31.

¹См.: Белкин А.А. Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики. Санкт-Петербург, 1995. С. 19.

²См.: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 17.

Означает ли это, что абсолютно никаких конституционных поправок вносить не следует. Ответ должен быть отрицательный. «Основные законы, — писал в прошлом веке Г. Еллинек, — подобно всем другим с неотвратимой необходимостью вовлечены в поток исторических явлений»¹. 5-летие существования и реализации Конституции России показало, что ряд ее нормативных установлений не оправдал общественных ожиданий. Наиболее уязвимыми с позиций эффективности реализации Конституции являются проблемы федерализма и конституционной системы власти. Рамки настоящей статьи не позволяют подробно изложить обозначенные проблемы, имеющие чрезвычайно важное для судеб России значение. Поэтому коснемся данных проблем только в аспекте пятилетнего действия и реализации Конституции Российской Федерации.

Федерализм в нашей Конституции выступает в двух ипостасях. С одной стороны, Конституция провозгласила федерализм как одну из основ конституционного строя России, а с другой — и как принцип государственно-территориального устройства Российской Федерации. Подобный прием конституционно-правового опосредования межнациональных и федеративных отношений имеет свою внутреннюю логику. Когда мы говорим о федерализме как основе конституционного строя России, то речь идет о конституционной природе территориально-государственного устройства Российского государства. Федерализм как основа конституционного строя есть выражение сущности и правовых особенностей России как федеративного государства. В Основах конституционного строя находит свое концентрированное выражение нормативность и юридическое верховенство Конституции Российской Федерации.

Российский федерализм соединяет геополитические и этнические факторы. Суть его конституционно закреплена (выражена) в статье 5 Основного Закона Российской Федерации. Ингредиентами федерализма являются государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации. Федерализм ныне выступает как юридическая гарантия целостности территории России, составляющей ее республик и территорий. Не случайно в Посланиях Президента Российской

¹ Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования. СПб., 1907. С. 4.

Федерации Федеральному Собранию обращается внимание на важность строгого разграничения функций, полномочий и ответственности между федеральными и региональными органами власти. Но незыблемым должен оставаться конституционный принцип устройства нашей Федерации. Примечательная в связи с этим мысль немецких конституционалистов. «Если бы через тысячу лет какой-нибудь историк обратился к Основному Закону ФРГ 1949 года как первоначальному источнику знания о сегодняшнем немецком государстве, то он наверняка пришел бы к выводу, что в Германии ничто не ценилось так высоко, как федерализм»¹.

В реализации принципа федерализма как в фокусе сконцентрировались многие социальные, экономические, политические и юридические аспекты становления Российского государства как правового, федеративного, демократического. Эта проблема вышла далеко за рамки юридические и приобрела, прежде всего, политическую окраску. Путь России к созданию оптимальной модели федеративного устройства протекает весьма болезненно. Правосознание федеральных властей и властей субъектов Федерации не совпадает по целому ряду позиций с ценностями российского конституционализма. Характерно, что даже в последнем аналитическом комментарии Конституции РФ делается далеко не бесспорный вывод: государственное устройство России — это не федерация, некое состояние динамического равновесия между угрозой развала страны и компенсирующей ее унитаристской тенденцией².

Сохраняющаяся напряженность в отношениях между Федерацией и ее субъектами приобрела тенденцию дезинтеграции. Это находит свое выражение в крайних формах конфликта: в «параде суверенитетов», «войне законов», «бюджетно-финансовых войнах», сепаратизме, росте национализма, терроризме и вооруженных столкновениях (Чечня, конфликт между Северной Осетией-Аланией и Ингушетией). На фоне кризисных явлений в развитии федеративных отношений раздаются голоса о самораспаде России, ее дальнейшей дезинтеграции³. Интересно, что аналитики Запада внимательно и скрупулезно исследующие федерализм в России,

¹ Вальтер Р. Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германии // Современный немецкий конституционализм. М.: ИГПАН РАН, 1994. С. 6.

² См.: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 87.

³ См.: Голубчиков Ю. Останется ли Россия на карте мира? // НГ — Сценарий. Приложение в «НГ». 1999. январь. № 1/26. С. 9–10.

делают вывод: России до распада еще далеко. Тем не менее, все, что произошло и происходит с ней, чревато серьезными последствиями¹.

Что же необходимо для дальнейшего развития и сохранения России как федерации? Становление Российской Федерации требует сегодня целого комплекса мер социально-экономического, политического и правового характера. Для России сегодня Федерация — это не только оптимальная форма государственного устройства, это и единственная возможность сохранения и укрепления единства нашей страны, это и гарантия сохранения демократической политической системы, исключая произвол властей как центральных, так и региональных².

Необходима, прежде всего, политическая воля федеральных и региональных властей и элит в сохранении и укреплении государственной целостности Российской Федерации.

Среди мер правового характера есть ряд первоочередных. Во-первых, необходимо договорный процесс взаимоотношений субъектов с Российской Федерацией в целом ввести исключительно в конституционные рамки. Федеральная Конституция должна быть единственным критерием всех внутрифедеральных договоров³.

Ведь совершенно ясно, что в результате сложившейся практики заключения подобных договоров ряду субъектов удалось закрепить для себя определенные льготы и преимущества. В итоге получаем правовое неравенство субъектов между собой, что совершенно противоречит одному из основополагающих конституционных принципов российского федерализма — равноправию. Договорный процесс нельзя направлять на разрушение основ конституционного строя Российской Федерации. Необходимо создание прочных конституционных механизмов, обеспечивающих непререкаемость федеральной Конституции.

Во-вторых, необходимо «ускорить» завершение законодательного регулирования предметов совместного ведения РФ и ее

¹См.: *Грэхем Т.* Перспективы дезинтеграции сомнительны. Доклад на конференции «Федерализм в России: действует ли он?». Вашингтон, 10 декабря 1998 г. // НГ—Сценарии. Приложение в «НГ». 1999, март. № 3/37. С. 15.

²См.: Семь критериев здоровой Федерации. Выступление Е. Примакова на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений // Российская газета. 1999. 27 января.

³См.: *Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М.* Российский Федерализм, равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. 1995. № 3. С. 10; *Лексин И.В.* Договорное регулирование федеративных отношений в России. М.: УРСС, 1998.

субъектов. Не договорами, не соглашениями, а именно законами следует развязать этот, ставший таким сложным, спектр федеративных отношений.

В-третьих, в механизме конституционного регулирования федеративных отношений важная роль должна принадлежать институту конституционной ответственности. Учитывая мировой конституционный опыт и предложения, высказываемые в российских политических и научных кругах, целесообразно было бы использовать различные формы конституционной ответственности: от федерального вмешательства¹ до превентивных мер, предупреждающих нарушения законности (например, предварительная юридическая экспертиза нормативных актов субъектов Федерации в соответствующих федеральных органах).

В-четвертых, в полную меру необходимо включить конституционную юстицию в разрешение правовых коллизий. Практика конституционного контроля в России свидетельствует, что субъекты права обращения с запросом в Конституционный Суд РФ весьма слабо используют свое право, предоставленное им статьей 125 Конституции РФ.

Таким образом, можно констатировать, что с учетом нынешних российских реалий можно полнее и эффективнее использовать именно правовой механизм регулирования и совершенствования федеративных отношений.

Федерализм органически связан с конституционной системой власти в государстве, он есть способ организации государства. Конституция РФ 1993 года закрепила принципиально новую конституционную систему власти в России. В ней нашли отражение как мировой конституционный опыт, так и учтены ошибки и традиции прошлого нашей страны. Именно российская Конституция 1993 года сделала попытку поставить власть на службу обществу, органично сконструировать механизм власти, выражающий демократическую сущность нового Российского государства. Симптоматично, что только в Конституции РФ 1993 года получили свое закрепление институты прямой демократии (выборы и референдум как высшее проявление власти народа), юридически легитимирующие механизм государственной власти. С конституционной точки зрения мы получили довольно четкий правовой механизм власти. Его основу составляют проверенные мировым опытом институты подлинного конституционализма: периодически сменяющиеся

¹См.: *Нарутто С.В.* Проблемы юридической ответственности субъекта Федерации // Правоведение. 1998. № 4. С. 51.

выборы представительных органов власти и высших должностных лиц, постоянно действующий парламент (с оригинальной, по российским меркам, верхней палатой), институт президента, Конституционный Суд, самостоятельные органы государственной власти субъектов Федерации, местное самоуправление.

Конституционная модель российской власти юридически закреплена в ст. 3, 10, 11, 12 Конституции РФ. Конституция России четко обозначила, что необходимо различать конституционную систему власти народа (ч. 2 ст. 3) и конституционную систему государственной власти (ст. 11), что не одно и то же. Своеобразие конституционной конструкции системы государственной власти в Российской Федерации состоит в том, что исходя из принципа разделения властей, институт Президента РФ не может быть включен в одну из ветвей государственной власти, определенных статьей 10 Конституции РФ. Не ясен конституционный статус прокуратуры: это орган государственной власти, каким она была в советское время или это только надзорный орган? Суть дискутируемых конституционных поправок концентрируется вокруг соотношения полномочий Президента и парламента¹. Оставляя в стороне вопросы, как согласуется с принципом разделения властей президентская власть, какую форму власти осуществляет народ через органы местного самоуправления, упразднить или нет институт президента, изменять или нет порядок формирования Совета Федерации, позволим задать другие вопросы. Оправдала ли общественные ожидания новая конституционная модель российской власти? Что могут принести изменения в конституционном механизме государственной власти? Дадут ли эти поправки и изменения позитивные результаты? Все ли зависит от власти? Как быть тогда с зарождающимся гражданским обществом? Вопросов возникает больше, чем ответов.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти, не в Конституции, а вне ее самой. Причина кроется в реальном соотношении социально-политических сил, в правовой культуре общества, в том, как действует юридическая Конституция в жизни. Скорость и частота политических изменений в России

¹См.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД, 1997. С. 214–217; Шейнис В.Л. Конституция и жизнь. Когда, как и что надо изменять в Основном Законе страны // Независимая газета. 1999. 27 января; Журнал Российского права. 1999. № 1. С. 30–55.

значительно превосходит «нормальный» мировой уровень¹. Пытаясь разрешить те или иные социально-политические конфликты путем бесконечного конституционного процесса, мы, скорее всего, получим новые более сложные и неразрешимые проблемы и коллизии. Следует согласиться с мнением В.А. Четвернина, утверждающего, что «лучше этой Конституции в обозримом будущем ничего не предвидится, ее нужно не только исправлять и совершенствовать, но и защищать»². Поэтому следует в полную силу использовать конституционный потенциал действующего Основного Закона России. Необходимо время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности, прежде всего у носителей властных полномочий.

¹См.: Разуваев В. Кризис российского конституционализма? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. № 2/23. С. 108.

²Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий // Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 18.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Одной из центральных проблем современного политико-правового развития России является *конституционный вопрос*. Конституционные вопросы ныне концентрируются в *конституционализме*. Понятие *конституционализм* возникло и институционализировалось в эпоху возникновения конституции, и истолковывалось тогда как правление, ограниченное конституцией. Концепция конституционализма, выведенная из идей естественного права, была исторически прогрессивной. Ограничение государственной власти, установление процедуры осуществления властных функций имело разные формы конкретных государств. Конституционное государство, конституционное правление, конституционный строй — все эти идеи и лозунги находили свое развитие и реализацию на протяжении нового и новейшего времени.

История конституционализма — это политико-правовой аспект истории развития общества и государства, это развитие конституционных идей и их реализация в нормах конституций. В советский период категория *конституционализм* долгое время не использовалась наукой государственного (конституционного) права по политико-идеологическим причинам. Неприятие самого термина конституционализм объяснялось тем, что он якобы не присущ социалистическому миропониманию, не работает на социалистическое конституционное правотворчество. Разделение властей, и в частности политический плюрализм, трактовались как идеалистические понятия и явления, присущие только буржуазному обществу. Но отдельные аспекты конституционализма в рамках советского государственного (конституционного) права в 80-е годы разрабатывались рядом ученых (И.М. Степанов, Ю.П. Еременко и др.).

Конец XX столетия в России ознаменовался бурным конституционным процессом. Во-первых, это было связано с конституционными реформами в СССР, Российской Федерации. Несмотря на то, что в советской науке государственного (конституционного)

права активно разрабатывались такие элементы конституционализма, как *конституционный строй, конституционная законность, конституционная ответственность, конституционное регулирование, права человека*, советская государственно-правовая наука во многом оказалась неготовой к тому, чтобы адекватно отреагировать на события, происшедшие в 90-е годы в нашей стране. Я имею в виду не отдельных ее представителей, а науку в целом. Даже разработчики проекта Конституции России не совсем ясно представляли себе многие элементы конституционализма, прежде всего их нормативно-правовую реализацию. Перенесение западных образцов конституционализма на российскую действительность не дало ожидаемых результатов. Общественные ожидания оказались порой трагичными.

Вышло много публикаций политико-философского, правового характера, эссе, воспоминаний видных политиков, депутатов, в которых освещались отдельные грани процесса развития и становления российского конституционализма в конце XX столетия. Однако следует прямо сказать, что нет еще работ, в которых бы глубоко и концептуально в обобщенном виде анализировался весь процесс становления российского конституционализма. Конституционалисты здесь явно отстают.

Конституционализм сегодня определяется в науке как сложное явление, включающее в себя следующие элементы: конституционные идеи, саму Конституцию, политический режим, адекватный Конституции, систему защиты конституционного строя и самой Конституции. Можно сказать, что конституционализм — это философия конституционного мировоззрения, основанного на постулатах правового государства; это правление в рамках Конституции; это воплощение в основном законе страны системы правовых ценностей; это обеспечение их верховенства, приоритетности и реальности. Основные ценности конституционализма формулируются и юридически закрепляются в качестве принципов, основ конституционного строя, таких, как приоритет прав человека, народовластие, разделение властей, федерализм, верховенство права, политический и идеологический плюрализм, многообразие форм собственности.

Таким образом, проблемы конституционализма многогранны, многоаспектны. В своем выступлении затрону две проблемы конституционализма: конституционализм и Конституция, конституционализм и конституционное право. Несомненно, что одним из актуальных вопросов продолжает оставаться вопрос о конститу-

* © Кабышев В.Т. Конституционализм в современной России // Государство и право на рубеже веков (материалы всероссийской конференции). Конституционное и административное право. М., 2000. С. 6–18.

ционной реформе. Он, по сути дела, начал обсуждаться буквально после принятия действующей Конституции России. Одним из главных аргументов у сторонников принятия новой Конституции был вопрос о легитимности Конституции РФ 1993 г. Безусловно, практика ее реализации обозначила круг проблем, требующих иного конституционного решения. Федерализм и система власти — вот два главных вопроса, вокруг которых, по сути, идет дискуссия. Актуализация вопроса о конституционной реформе происходит в периоды обострения политической борьбы за власть. Всплеск этих идей приходится на периоды федеральных выборов — депутатов Государственной Думы, Президента Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в реформирующемся, модернизирующемся обществе, каковым сегодня является российское общество, Конституция является не столько фиксацией реального положения вещей, сколько программой желательных изменений. Фактически Конституция сама выступает как программа модернизации общества. Прав Л.С. Мамут, когда пишет: Конституция РФ представляет собой индикатор меры соответствия реального (на текущий момент) состояния государственности и гражданского общества нормативной модели, представленной в основном законе. Конституция нормативно провозглашает и закрепляет не просто все имеющееся «на деле», а должное состояние государственности, Конституция является не зеркальным отражением реальности, действительности, а образцом для нее. Конституционные положения должны так или иначе учитывать реальные обстоятельства и соответствовать им. В сущности, мы имеем дело с фактической и юридической Конституцией. Но реальность и нормативная (конституционная) модель нередко вступают в противоречие. Последнее должно сниматься в процессе реализации Конституции, в ходе развития конституционализма. Оно должно сниматься как в правотворческой, правоприменительной деятельности федеральных органов власти, так и в процессе фактического властвования, но властвования, основанного на Конституции, ее идеях, нормах, на ее духе. Корректировка конституционного курса может быть обеспечена и деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем следует иметь в виду и другое. Сколько бы мы ни говорили, что Конституцию России нельзя трогать, изменять, вносить в нее поправки, и какие бы ни выдвигали аргументы типа: потенциал действующей Конституции далеко не реализован, многие конституционные нормы не реализуются или нарушаются,

изменение действующей Конституции России может привести к нарушению баланса социально-политических сил, явится катализатором поворота от наметившихся социально-экономических и политических реформ или даже может привести к реставрации тоталитарного строя, — все остается благим пожеланием перед конституционной реальностью, перед действительностью. Об этом, в частности, свидетельствуют декабрьские 1999 г. выборы депутатов Государственной Думы. Поэтому наука конституционного права не должна уходить от этих вопросов, настоятельно диктуемых практикой.

Каким быть конституционному праву в новом веке? Что мы должны взять из бурного, мятежного, полного драматизма XX столетия? Да, произошло становление нового конституционного права, в основе которого лежат общепризнанные конституционные ценности. Но период романтического конституционализма закончился. Мы вступили в новый этап социально-политического, экономического, нравственного развития — в переходный этап к становлению гражданского общества и правового государства. Долго ли продлится этот этап? Думаю, что он займет длительный период. Для нашей страны с ее трагической историей жесткого, неправового властвования необходимо время. В один прекрасный день, вдруг, по приказу, провозглашению ни гражданское общество, ни правовое государство не создаются. Власть в России всегда выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности, Россия в полной мере испила чашу цезаризма. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России. Поэтому и современная конституционная модель государственной власти несет на себе печать прошлого. Возникает вопрос: можно ли быстро избавиться от авторитарных методов властвования как на федеральном, так и на региональном уровне, достаточны ли конституционные средства и механизмы, чтобы избежать подобного? Ответ может быть только один — нет. Необходимо время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности прежде всего у носителей властных полномочий и безусловно неуклонная реализация абсолютно всей Конституции Российской Федерации. Главная причина нынешнего кризиса не в Конституции, а вне ее самой. Скорость и частота политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень. Пытаясь разрешить те или иные социально-политические конфликты путем бесконечного конституционного

процесса, мы скорее всего получим новые, более сложные и неразрешимые проблемы и коллизии. Прав В.А. Четвернин, что «лучше этой Конституции в обозримом будущем ничего не предвидится, ее нужно не только исправлять и совершенствовать, но и защищать».

В то же время необходимо признать: Конституция не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собою все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью, от превышения власти, от игнорирования конституционных установлений. Абсолютизировать юридические средства и механизмы не стоит, но и игнорировать их также не следует. Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов и т. д. Поэтому нынешнему этапу развития России должны соответствовать и адекватные правовые идеи и законодательство. Наука конституционного права должна сосредоточить свои усилия на анализе причин того, почему не реализуются или недостаточно реализуются те или иные конституционные новеллы. Следует работать на опережение конституционных реформ. Покончить с незавершенностью российских реформ возможно системной, целеустремленной и ответственной работой всех институтов гражданского общества, государства, должностных лиц, граждан.

Второй вопрос, на котором я хотел остановиться, — это проблема конституционализма и конституционного права. Конституционализм — это обобщающая категория конституционных идей, концентрированно выражающая суть конституционного права, отражающая конкретное устройство государства. Можно сказать, что конституционализм сегодня составляет основу науки конституционного права, ее сердцевину. Конституционализм — это несущая конструкция науки российского конституционного права. В свете сказанного небесспорны идеи об отпочковании от конституционного права как отрасли права новых отраслей, таких, как парламентское право, избирательное право, фундаментальные права и свободы человека и гражданина, конституционное правосудие. Правда, при этом делается оговорка: «...скорее наблюдается начальный этап этого процесса» (Б.Н. Топорнин). Безусловно, происходит бурный процесс роста количества источников конституционного права. Но ведь их количество не является критерием деления на отрасли права. Можно, например, согласиться с выделением парламентского права, избирательного

права, коллизионного права, прав человека в самостоятельные учебные дисциплины в неюридических вузах. В юридических вузах это будет сплошное дублирование основных курсов. Несомненно, что последние имеют учебное и научно-практическое значение. Но выделять их в самостоятельные отрасли права сегодня, думаю, преждевременно и необоснованно с научной точки зрения, ибо это приведет к диффузии, распылению предмета отрасли конституционного права.

Предложения об отпочковании парламентского права, избирательного права от конституционного права ни к чему хорошему не приведут. Что же тогда останется у конституционного права? Одни символы. Конечно, это не значит, что развитие отрасли конституционного права, определение его предмета регулирования должно оставаться неизменным. Учитывая реалии конституционно-правового регулирования, не следует впадать в эйфорию дробления новых отраслей российского права, причем не имеющую под собой никакой научной основы.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ РЕЖИМЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Последнее десятилетие XX столетия и начало нынешнего века ознаменовались стремительными и масштабными конституционными реформами как во многих современных государствах, так и в России. С одной стороны, это проявление глобализации, охватившей все мировое пространство. Глобализация — это объективная закономерность, и воспрепятствовать ее развитию не в состоянии никакие силы. Она несет в себе как положительные, так и негативные моменты. В принципе — это парадигма мирового общественного развития¹. С другой стороны, это воздействие конституционных принципов свободного демократического общества на содержание конституционных реформ в постсоциалистических государствах. Это в полной мере проявилось в том числе и в России. В силу исторической преемственности, сохранения многих прежних государственно-политических традиций наблюдается усиление роли государства во всех сферах жизни. Поэтому государственный режим, то есть режим властвования, будет определять и в будущем основные моменты нашего бытия, в том числе и в осуществлении основных прав и свобод человека.

Необходимо отметить, что проблема режима для России — это прежде всего проблема осуществления центральной (то есть федеральной) государственной властью своих функций, полномочий. Ибо весь путь Русского государства как в прошлом, так и в настоящем — это путь интегрирования, объединения всех земель, частей огромного геополитического пространства. Именно геополитический фактор всегда имел существенное значение для государственно-политического режима в России, и можно предположить, что и в будущем будет иметь также весьма важную роль.

* © Кабышев В.Т. К вопросу о конституционном режиме в современной России // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. Вып. 4. С. 40–49.

¹ См.: Лукашук И.И. Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 64.

Этимологическое значение слова «режим»: во-первых, государственный строй, во-вторых, установленный порядок, в-третьих, условия деятельности, работы, осуществления чего-либо, система правил¹.

Проблема режима является предметом исследования разных наук: философии, политологии, истории, юриспруденции. В конституционном праве ранее писали о политическом режиме, ныне — о государственном, иногда пишут и о государственно-правовом. Причем речь идет практически всегда о конституционно-политических институтах зарубежных государств. Когда говорят о политическом режиме, то в данном случае речь идет о функционировании политической системы. Если же пишут о государственном режиме, то речь идет о функционировании всего механизма государственной власти.

Необходимо отметить, что термин «режим» практически не употребляется в конституциях. Он встречается в Конституции Бразилии 1988 г., в других конституциях говорится о политическом режиме. Например, в ст. 1 Конституции Республики Греция 1975 г. сказано: «1. Политический режим Греции — режим парламентарной республики. 2. Народный суверенитет составляет основу политического режима»².

Понятие государственный режим тесно взаимосвязано с понятием форма правления. Последняя есть юридическая модель организации и взаимоотношений высших органов государственной власти. Государственный режим — это совокупность форм, методов и способов осуществления государственной власти. Обычно в учебной литературе по зарубежному конституционному праву тот или иной тип режима рассматривают применительно к каждой форме правления. Кроме того, политический и государственный режимы настолько переплетены, что исследователи анализируют их зачастую практически неотделимо. Причин здесь несколько, но об том далее. Следует сделать еще ряд пояснений. В учебной и монографической литературе по советскому государственному (конституционному) праву понятие «режим», «государственный режим» не употреблялось. Функциональная характеристика механизма осуществления государственной власти обычно заменялась понятием тип демократии. Данный аспект находил частичное

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 586; см. также: Словарь иностранных слов. М., 1964. С. 551.

² Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1997. С. 363.

освещение, когда речь шла о режиме конституционной законности как элементе конституционного строя¹.

В постсоветский период данная проблема получает определенное развитие в связи с активизацией научной разработки различных аспектов более широкой проблемы конституционализма². В учебной литературе данная проблема практически обходится молчанием. Исключение, пожалуй, составляет только учебник «Конституционное право Российской Федерации», подготовленный коллективом УРГЮА. В нем имеется всего лишь параграф в главе «Конституционные основы Российской Федерации» и он назван «политический режим в Российской Федерации»³. В рамках российского конституционного права пишут о различных видах правовых режимов: конституционно-правовой режим гласности⁴, режим президентской власти.

Необходимо отметить, что государственно-правовой режим отражает уровень и формы развития демократии, прав и свобод человека в определенный исторический период. Формы и способы государственно-правового регулирования при этом могут очень быстро меняться.

Как уже отмечалось, анализ государственного режима в нашей литературе проводится применительно к конкретной форме правления. Основной акцент делается при этом на фактические взаимоотношения высших органов государственной власти. Политологический подход различал три основных типа режимов: демократический, авторитарный и тоталитарный.

В последнее время предложены конституционно-правовые критерии отграничения государственного режима от политиче-

ского. Выделяют следующие виды государственных режимов с позиций конституционного права: абсолютистский, парламентский, министеральный, президентский, дуалистический, партукратический¹. При этом предметом конституционного регулирования выступают следующие элементы государственного режима: государственная власть, имеющая своей основой власть народа или политическое господство определенной социальной группы; разделение властей, поиски компромисса и консенсуса в деятельности государственных органов; политические свободы граждан, возможность их самостоятельного и активного участия в политической жизни, партиципация в решении вопросов государственной политики; самоуправление территориальных коллективов или напротив, полное подчинение назначенным сверху чиновникам².

В сферу конституционного регулирования государственного режима попадают и методы деятельности государственных органов. К ним относят такие методы, как учреждение (создание), стимулирование (поощрение), дозволение, охрана, гарантирование, требование, запреты³. Безусловно, сфера их использования в конституционном праве различна в зависимости от условий авторитаризма, уровня демократии. Конкретные политические отношения определяют и соответствующие конституционно-правовые методы осуществления власти в государстве.

Итак, что же мы вкладываем в понятие «конституционный режим»? Конституционный режим — это осуществление власти в государстве в формах, методах и способах адекватных сущности конституции страны. Конституционный режим — это конституционный строй государства в действии. Но это в том случае, если конституционный строй есть, ибо как известно, конституция в государстве может быть, а конституционный строй отсутствовать.

Определяющим критерием конституционного режима в государстве выступает конституционность. В последнее время в науке конституционного права понятие «конституционность» начали рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком —

¹См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2. Часть общая: Учебник / Отв. ред. Б.А. Страшун. М., 1999. С. 342–353.

²См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 1997. С. 181–182.

³См.: Сравнительное конституционное право: Учеб. пособие. / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2002. С. 287.

¹См.: Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность // Науч. ред. В.А. Ржевский. Саратов, 1982.

²См., напр.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997; Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 63–70; Кокотов А.Н., Сонина Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 127–133; Ромашов Р.А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории. СПб.; Пушкин, 1998; Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Москва; Новосибирск, 2002; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности). М., 2001.

³Конституционное право Российской Федерации. Екатеринбург, 1995. С. 76–79 (автор данного параграфа проф. М.И. Кукушкин).

⁴См.: Конституционное право России: Учебник. Екатеринбург, 2001. С. 216–219 (автор данной главы профессор А.Н. Кокотов).

это установление баланса между государством и гражданским обществом, в узком — обеспечение конституционной законности¹. Если согласиться с тезисом, что конституционность — это создание политико-правовых условий для внесения в общество начал гармонии и справедливости, то тогда трудно отличить конституционность от конституирования, ибо конституирование также преследует главную цель — внести в общество начала гармонии и справедливости. Достигается это с помощью различных юридических форм: конституционных принципов, конституционных норм и институтов. Конституирование, по нашему мнению, есть по сути конституционное регулирование общественных отношений, закрепление конституционного статуса тех или иных субъектов конституционных отношений. Конституирование — это закрепление и регулирование в форме конституционных принципов, конституционных статусов конституционной модели, конституционного идеала существования взаимоотношений государства, человека и общества.

Особо следует отметить в данном случае позицию Н.В. Витрука. «Конституционность, — пишет Н.В. Витрук, — есть система реально действующего права, обеспечивающая наличие правовой конституции, ее верховенство и прямое действие на всей территории государства, а также ее обеспечение и охрану (защиту)»². Конституционность, по мнению Н.В. Витрука, есть особое состояние общественной и государственной жизни, режим функционирования правового государства. Конституционность точнее было бы, считает он, определять как правоконституционность³.

Следовательно, в понятие конституционности Н.В. Витрук включает как конституционный режим, так и защиту Конституции. Такая чрезмерно широкая трактовка понятия конституционности ведет, по нашему мнению, к смешению понятий конституционное регулирование, реализация Конституции, ее обеспечение и охрана, что, безусловно, не одно и то же.

¹См., напр.: Кокотов А.Н., Соница Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 130; Пряхина Т.М. Теоретические проблемы формирования принципа конституционности // Вестник СГАП. 1998. № 3. С. 18–25; Она же. Конституционная доктрина современной России / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2002. С. 49–55; Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики. М., 2001. С. 58–70.

²Там же. С. 58.

³Там же. С. 59.

Конституционность есть соответствие Конституции государства как всей правовой системы страны (нормативный массив), так и методов государственного руководства обществом.

В связи с учреждением (то есть конституированием) в России судебного органа конституционного контроля — Конституционного Суда — в науке российского конституционного права все чаще проводится мысль: сама Конституция есть то, что о ней скажет Конституционный Суд¹. В России, как известно, учреждена романо-германская система конституционного правосудия. Однако в ее реализации мы замечаем и элементы англосаксонской системы. Пока это находит свое выражение в большей части в теоретических рассуждениях такого рода: двойственная правовая природа Конституционного Суда РФ, последний есть по сути «теневой» законодатель и т. д.²

Ни в коей мере не подвергая сомнению значимости, роли и места Конституционного Суда в системе конституционных ценностей, в формировании элементов правовой государственности в России, позволим сделать ряд суждений. Значит ли это, что сказанное Конституционным Судом в его постановлениях по нормоконтролю, толкованию конституционных норм, сформулированных им правовых позициях, есть конституционность в собственном смысле слова. Да, Конституционный Суд способствует постепенному преобразованию (модернизации) Конституции. Своими решениями путем соответствующей конституционной процедуры Конституционный Суд разъясняет конституционный смысл соответствующих норм Основного Закона государства. Поэтому утверждение, что конституционность — это то, что скажет Конституционный Суд, есть своего рода аллегория. Ведь Конституционный Суд при реализации своей компетенции не может выйти за рамки самой Конституции.

Последняя для него есть правовой ориентир его конституционной юрисдикции. Да и учрежден Конституционный Суд прежде всего для защиты самой Конституции. Поэтому, во-первых, если принять за аксиому тезис, что Конституционный Суд есть теневой законодатель, что его решения и выраженные в них правовые по-

¹См.: Эбзеев В.С. Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции // Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 27.

²Там же. С. 12.

зиции становятся как бы частью Конституции и... стало быть сама Конституция есть то, что о ней скажет Конституционный Суд¹, то данные суждения будут не только своего рода аллегорией, но и начнут противоречить одной из основ конституционного строя — разделению властей. Конституционный Суд может осуществлять свои конституционные полномочия только в рамках разделения властей. Всякая попытка «поставить» его над органами законодательной и исполнительной власти будет по сути проявлением антиконституционного режима, что уж никак не отвечает ни духу, ни природе конституционного правосудия в Российской Федерации.

Во-вторых, если исходить из посылки, что Конституция — это то, что скажет Конституционный Суд, то возникает вопрос, а что Конституционный Суд может заменить собой парламент? Преюдициальность решений Конституционного Суда (имеются в виду свойства их неоспоримости) не означает, что Конституционный Суд, учрежденный для охраны и защиты Конституции, уполномоченный работать в режиме Основного Закона государства своими решениями может создавать режим, который будет выходить за рамки Конституции. Логично возникает и следующий вопрос: а если этот орган конституционного правосудия отклоняется от конституционного режима, начинает работать в режиме антиконституционности? Кто в данном случае будет восстанавливать конституционную законность в государстве?

Ведь априори считается, что Конституционный Суд не может работать в ином режиме, чем это диктуется конституционными целями, основами конституционного строя.

Высказанная мысль звучит несколько парадоксально. Но конституционная реальность, к сожалению, свидетельствует и об обратном. Так, вряд ли правовая позиция Конституционного Суда, сформулированная им в Постановлении о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции РФ о том, что Президент РФ вправе трижды представлять одного и того же кандидата на должность Председателя Правительства РФ², так уж конституционно безупречна с точки зрения филологического смысла ст. 111 Конституции РФ и элементарной логики ее прочтения. Прав, по нашему мнению, в данном случае был судья В.О. Лучин, что многовариантность вы-

¹ Там же. С. 27.

² СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 52.

бора Президента РФ должна соответствовать многовариантности свободы принятия решения Государственной Думой¹.

Вряд ли корректно звучит в правовых позициях Конституционного Суда России тезис: «Федеральный законодатель должен», «Федеральному Собранию надлежит незамедлительно внести в законодательство изменения...»² и т. д. Подобные формулировки наводят на мысль, что Конституционный Суд РФ пытается диктовать свою волю законодателю. В связи с этим возникает закономерный вопрос: что нормативность ст. 10 Конституции РФ, устанавливающей самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти в осуществлении возложенных на них полномочий и недопустимость их вторжения в сферу ведения и компетенцию друг друга, не распространяется на Конституционный Суд РФ как орган судебной власти? Не случайно в нашей литературе высказываются такие категоричные суждения, как: «Особая опасность подобного рода незаконных постановлений Конституционного Суда РФ состоит в том, что и окончательны, ни контролю, ни обжалованию не подлежат и вступают в силу немедленно после их опубликования»³.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем следующее: выявить доктринальность, юридический смысл конституционной нормы не означает конституционность в собственном смысле слова, ибо в противном случае можно получить новую конституционную норму, которую создает только законодатель.

Критика отдельных позиций Конституционного Суда РФ, мнений его судей не означает умаления, принижения роли Конституционного Суда, его значимости в утверждении конституционной законности, правовых основ целостности Российской Федерации, его правозащитной деятельности, формирования демократического идеала государственности в России. В данном смысле Конститу-

¹ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 654; Лапаева В. Осечка Конституционного Суда. Неверное решение на руку только противникам Основного Закона // Независимая газета. 1999. 3 февраля.

² См., напр.: СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 828; Российская газета. 1999. 10 февраля.

³ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 224. В другой работе О.Е. Кутафин пишет: «В самом деле, было бы удивительно, если бы сложности, с которыми сопряжены внесение поправок в Конституцию РФ или ее пересмотр в соответствии с ее гл. 9, можно бы преодолеть простым решением Конституционного Суда, если бы в процессе толкования Конституции он пользовался правом ее дополнения, развития отдельных положений и т. д.» (Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 146).

ционному Суду принадлежит первостепенная роль. Именно в силу особой конституционной ценности Конституционного Суда любые «дефекты» в его деятельности просто недопустимы.

Конституционный режим — это конституционный строй государства в действии. Сущность конституционного строя современной России находит свое выражение в управляемой демократии. Последняя есть суть системы фактического властвования. В данном случае не рассматриваются оценки, даваемые в научной и публицистической литературе, например: в России ныне президентская, суперпрезидентская республика, выражающая плебисцитарный режим¹. Эти оценки в большей степени носят субъективный характер. Необходимо подчеркнуть, что отношения в сфере формирования и функционирования федеральных органов государственной власти — это предмет особого внимания, он требует глубокого анализа. К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют детально рассмотреть данный аспект конституционного режима.

Переход к подлинному народовластию — это эволюционный путь. К развитой демократии ни общество, ни система власти еще не готовы. «Корни многих наших неудач, — отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, — в неразвитости гражданского общества и в неумении власти говорить с ним и сотрудничать. Власть все время бросает в крайности — то она не замечает, то чрезмерно опекает общество»². Ныне наблюдается интересная парадигма развития конституционализма. С одной стороны, общество в целом продолжает оставаться патерналистским, оно не способно эффективно контролировать власть. С другой — исторически власть в России всегда выступала как самодовлеющая сила, все определяющая, контролирующая, подавляющая. Поэтому модернизация в России во все периоды носила авторитарный характер. Государство инициировало импульсы развития. Модернизационный путь развития России был определяющим и в характере государственного режима.

Существенным элементом последнего выступают права и свободы граждан. Они есть предел осуществления государственной власти, критерий развитости и цивилизованности общества.

¹ См.: Президент — Правительство — исполнительная власть: российская модель / Под ред. И. Шаблинского. М., 1997. С. 51, 55.

² Путин В.В. Какую Россию мы строим. Послание Президента Российской Федерации федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля.

Как известно, Конституция РФ 1993 г. максимально полно и последовательно закрепила права и свободы, их набор ныне отвечает международным стандартам. Однако реализация прав и свобод граждан, к сожалению, дает много примеров обратного, а именно: от элементарного их несоблюдения до явного искажения и наступления на права, выхолащивания их демократической сущности. И это несмотря на довольно четкий набор конституционно-правовых средств их защиты. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что такое наступление на права наблюдается, как это звучит ни парадоксально, и на законодательном уровне. В качестве примера можно назвать два последних закона, имеющих чрезвычайно важное значение в обеспечении политических прав и свобод, это Федеральные законы от 11 июля 2001 г. «О политических партиях»¹ и от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»². С одной стороны, данные Законы направлены на стимулирование дальнейшего развития российской многопартийности³. Но справедливости ради следует сказать, что мы получили гипертрофированное правовое признание исключительности партий, избирательных объединений в избирательном процессе. Средствами массовой информации в общественное сознание внедряется стереотип: только они (политические партии) могут решать все наши проблемы, вывести Россию из тупика социально-экономического и политического развития. Вряд ли это так. С другой стороны, установление количественных критериев для образования партии — это не только проявление бюрократизма, методов «управляемой демократии», но это прежде всего, как справедливо отмечает Ф.М. Рудинский, ограничение одной из основ конституционного строя Российской Федерации — политического плюрализма⁴. Это абсолютно недопустимо, не способствует торжеству конституционной законности, по сути есть проявление антиконституционности.

¹ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

² СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

³ Уместно в связи с этим привести одно язвительное замечание венгерского юриста А. Шайо: «конституция, которая бредит будущим... не способна защитить общество, его граждан от государственной власти» (*Шайо Андраш*. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венг. М., 2001. С. 12).

⁴ См.: Россия и Совет Европы: 5 лет вместе: Междунар. конф. М., 2001. С. 46; см. также: *Дмитриев Ю.* О развитии российской правовой системы в конце XX века // Право и жизнь. М., 2002. № 49 (6).

К сожалению, и в новом Федеральном законе от 20 декабря 2002 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» содержатся нормы, не соответствующие Конституции РФ. Данный Закон сохранил двойную баллотировку кандидатов в депутаты Государственной Думы по федеральному и одномандатному избирательным округам (п. 9 ст. 70), а также внутренне противоречивые положения о единой норме представительства и обязательности образования избирательного округа на территории субъекта РФ с числом избирателей менее такой нормы (п. 3 ст. 12). Таким образом, данный Закон не только противоречит одному из основополагающих конституционных принципов российского избирательного права — принципу равноправия¹, но и не соответствует ст. 3, 19, 32 Конституции РФ. Подобные конституционные аномалии существенно искажают характер конституционного режима в государстве.

В настоящей статье только обозначены отдельные аспекты конституционного режима как одного из элементов российского конституционализма.

¹Мы уже ранее обращали внимание на нарушение принципа равноправия избирателей в прежнем Федеральном законе от 24 июня 1999 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (см.: Кабышев В.Т. Выборы в России: конституционные функции, тенденции развития // Право и власть. 2001. № 1. С. 7–14).

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ — ПРАВОВАЯ ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА*

Десятилетний юбилей Конституции Российской Федерации — событие масштабное, многомерное.

Конституция 1993 года — это первая постсоветская Конституция России. В ней закреплены правовые основы перехода страны к демократии, определены ориентиры социально-экономического, политического и духовного развития России в XXI веке.

Конституция России 1993 года стала результатом крушения тоталитарного режима. С ее принятием завершился и был окончательно отвергнут грандиозный социальный эксперимент построения социалистического (коммунистического) общества насильственным путем. Советский строй исторически проиграл ценностям западной демократии.

Сегодня нелишне напомнить о том, что Конституция Российской Федерации 1993 года явилась одним из важнейших факторов политической стабильности в нашей стране.

Референдум 12 декабря 1993 года и выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации, по существу, разрешили конституционный кризис, позволили избежать острых социальных взрывов: в России были сформированы принципиально новые представительные органы государственной власти, они придали легитимность российской переходной политической системе. В Конституции был реализован принцип сильной президентской власти, соответствующий потребностям общества и условиям переходного периода. Конституция ограничила возможность власти подмять общество и стала реальным правовым инструментом, с помощью которого граждане отстаивают свои права.

Можно, конечно, до бесконечности вести дискуссии о государственном перевороте в 1993 году, о нелегитимности действующей Конституции России. Но одного очевидного, бесспорного факта отрицать нельзя. Конституция России 1993 года есть документ

* © Кабышев В.Т. Конституция России — правовая модернизация общества и государства // 10 лет Конституции современной России: уроки истории и правовая основа модернизации / С.Ю. Наумов, В.Т. Кабышев. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2003. С. 29–45.

нового социального выбора российского общества в пользу демократии, либеральных ценностей и прав человека.

Конституция России 1993 года — это акт прямого действия, в нем закреплены основы конституционного строя, иная, в отличие от патерналистской модели, система прав и свобод, новое федеративное устройство, принципиально иная модель власти, в основу которой положены суверенитет народа, разделение властей.

К российской Конституции необходимо подходить диалектически. «Отцы-разработчики» Конституции РФ 1993 года и не предполагали, что реализация новых конституционных принципов, конституционных норм даст такое разнообразие, выявит многие противоречия.

В модернизации постсоветской России можно выделить два этапа.

Первый этап можно назвать этапом романтического конституционализма¹. Он начался сразу после принятия Конституции и характеризовался гиперболизацией курса либерально-демократических реформ с безудержной приватизацией, значительным ослаблением роли государства, в федеративных отношениях — курсом на конфедерацию.

Второму этапу присущи следующие тенденции: в экономике — продолжение либерально-демократических реформ с акцентом на усиление при этом роли государства, в политике — попытки построения вертикали власти с ориентацией на централизацию. По сути, наметились общие контуры формирования новой политической системы, в центре которой расширяющаяся многопартийность с элементами гиперболизации роли политических партий. Данный этап политологами в основном именуется как «управляемая демократия». Возникает закономерный вопрос «управляемая демократия» — это проявление объективной закономерности процесса модернизации постсоветской России, диктуемой логикой переходного этапа, или это не что иное, как мягкий авторитаризм? Необходимо заметить, что ответ в данном случае не может быть однозначным.

Переходный этап в России, как отмечается в отечественной литературе, имеет ярко выраженную специфику, обусловленную российскими реалиями: во-первых, конституционные преобра-

¹ См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 67. А.Н. Медушевский называет этот этап номинальным (см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 597).

зования запоздали по времени; во-вторых, они совпали с радикальными, экономическими и политическими преобразованиями, аналог которым трудно найти в других странах; в-третьих, в ходе преобразований ставились вопросы, уже решенные в других государствах в предшествующее столетие; в-четвертых, это был кризис всей политико-правовой системы, вызвавший вакуум власти; в-пятых, существовали своеобразные диспропорции, порожденные модернизацией, между логикой социальных реформ (это движение к демократии и парламентаризму) и логикой конституционных реформ (это движение к правовому государству). Очевидно, соединение этих специфических элементов переходного времени придавало конституционному процессу конвульсивный характер¹. Действительно, только в период между I Съездом народных депутатов РСФСР (июнь 1990 г.) и IX Съездом (март 1993 г.), то есть в течение двух с половиной лет, в Конституцию России 1978 года было внесено свыше 350 изменений и дополнений. Такой конституционной чехарды мировая история ранее не знала.

Напоминание об этом — не простая дань истории конституционной модернизации в России. Это имеет значение, прежде всего и главным образом, для понимания процесса реализации действующей Конституции РФ.

Это необходимо иметь в виду и в том случае, когда будируется вопрос о необходимости внесения изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации 1993 года.

Специфика переходного периода в России выдвигает на первый план очень важный вопрос о путях модернизации российского общества и государства. Известно, что преобразования в России во все периоды имели авторитарно-мобилизационный характер. Государство инициировало импульсы развития. Принцип демократического централизма, господствовавший в советской системе власти, по существу и ныне психологически влияет на властвующую элиту, которая еще во многом состоит из представителей прежней советской номенклатуры. Она восприняла все методы, привычки и традиции механизма властвования советского строя. Иначе и не могло быть, ибо эти принципы и методы властвования составляли суть, основу советской политической системы.

¹ См.: Медушевский А.Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 2/43. С. 154; Шаблинский И.Г. Пределы власти. Борьба за конституционные реформы (1989–1995 гг.). М., 1997.

Россия должна быть страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией — вот цель, которая ныне поставлена перед нашим обществом и государством. Иными словами, взаимодействие власти и гражданского общества — одна из центральных проблем нашего развития. Президент Российской Федерации в одном из своих посланий Федеральному Собранию РФ отмечал: «Корни многих наших неудач — в неразвитости гражданского общества и в неумении власти говорить с ним и сотрудничать. Власть все время бросает в крайность — то она не замечает, то чрезмерно опекает общество»¹. Гражданское общество выступает посредником между человеком и государством. Реализацией интересов человека служат различные союзы.

Для гражданского общества главными являются степень независимости и автономии от государства, гарантии безопасности личности от произвола и злоупотреблений государственной власти. Развитое гражданское общество делегирует государству столько полномочий, сколько само общество считает необходимым, главным образом при помощи Конституции. Поэтому роль Конституции в становлении действительно гражданского общества огромна.

Государство с помощью Конституции закрепляет рамки государственного вмешательства в отношения гражданского общества и конституционные основы действия институтов гражданского общества.

В России сегодня учреждены только конституционные основы гражданского общества, позволившие построить лишь каркас этого общества. Для создания полноценного гражданского общества необходима длительная кропотливая работа.

Не закончено формирование многопартийности. Активное участие политических партий на основе нового избирательного законодательства, а также закона о политических партиях должно способствовать становлению российского парламентаризма и политического плюрализма.

Парламентские партии — это составной компонент нарождающейся политической системы российского общества и одновременно с этим часть гражданского общества.

Политическая система более динамична, чем гражданское общество; изменения в политической системе оказывают существенное влияние на характер многих отношений гражданского

¹ Российская газета. 2000. 2 июля.

общества. Политическую систему в действии, образно говоря, можно сравнить с уснувшим вулканом. Конституционность — это тот горизонт, за который не должно выйти извержение вулкана, ибо в противном случае грядет взрыв, крушение. Аналогично этому, если в обществе политическая система не сдерживается Конституцией, то неизбежен конституционный кризис и общество возвращается в прошлое.

Касаясь сферы взаимоотношений власти и гражданского общества, следует обратить внимание еще на одну проблему — проблему оппозиции власти. Оппозиция необходима, ибо она имманентно вытекает из природы нового строя и имеет конституционные основы. Нам необходима конституционная оппозиция, главное предназначение которой должно состоять в созидании, а не в разрушении, она должна быть ответственной за свои действия и функционирующей только в рамках конституционного строя России. Отсутствие оппозиции — это застой.

Насущной проблемой конституционного развития России является проблема качества власти. На эти вопросы неоднократно обращает внимание Президент России В.В. Путин в посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации. Эта проблема для России традиционная, поскольку власть в России всегда выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся.

В Конституции РФ содержатся достаточные основы для того, чтобы аппарат власти выполнял свои функции, отвечающие потребностям экономического, политического и социально-психологического развития современного общества.

Да! В стране функционирует постоянно действующий федеральный парламент, в четвертый раз избираемый на принципах смешанной избирательной системы. Создаются правовые предпосылки для того, чтобы судебная власть стала действительно независимой, действующей только на основе закона.

Необходимо отметить, что в становлении конституционной законности, в формировании элементов правовой государственности в России огромную роль играет Конституционный Суд РФ. Именно Конституционный Суд России стал хранителем конституционных ценностей в нашей стране¹.

Конституция России — это документ высокого демократического звучания, отвечающий мировым стандартам прав и свобод

¹ См. подробнее: *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001.

человека. Величайшим достижением мировой цивилизации является тот факт, что свобода и права человека стали определяющим критерием в развитии конкретного государства.

Для России сегодня идея свободы личности стала неотъемлемой частью ее конституционного развития. Утверждение в России идеалов свободы и социальной справедливости имеет глубинные основы. Поэтому симптоматично, что человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Это единственная высшая ценность, все остальные общественные ценности по отношению к ней занимают иной конституционный уровень и не могут ей противоречить.

Конституционное закрепление обязанности Российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека есть выражение сущности нового конституционного строя, строя, в котором учредительная власть принадлежит суверену — многонациональному народу. Следует отметить, что у нас сложился определенный правовой механизм защиты прав и свобод человека: деятельность Президента РФ как гаранта прав и свобод, институт Уполномоченного по правам человека, конституционная юстиция, судебная защита, административные действия органов исполнительной власти, международно-правовой механизм защиты прав и свобод человека. Однако, несмотря на этот широкий набор конституционно-правовых средств защиты прав и свобод человека, практика свидетельствует о значительных нарушениях прав и свобод человека в России.

С одной стороны, мы можем гордиться, что у нас получили свое конституционное закрепление в качестве основ конституционного строя свобода экономической деятельности, равенство форм собственности; закреплено и получило свое развитие право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности; гарантированы многие политические и личные права.

В целом конституционный вектор в данном случае отражает тот императив, что права государства не могут быть выше прав человека, а само оно не свободно от обязанностей перед личностью.

И все же права и свободы человека и гражданина не стали в Российской Федерации реальностью. Достаточно ознакомиться, например, с докладом о деятельности в 2002 году Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова. Картина складывается весьма не радостная... Не добавляет оптимизма и фраза из последнего Послания Президента Российской

Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию России о том, что четверть населения страны по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Не замечать этого, принимать позу умолчания — значит поступать не только безнравственно, но и наперекор конституционным принципам, закрепленным в действующей Конституции России.

Конституция Российской Федерации закрепила новый тип федерации, соединяющей территориальные и этнические факторы. Федерализм есть одна из основ конституционного строя Российского государства. В реализации федерализма как в фокусе сконцентрировались многие социальные, экономические, политические и юридические аспекты становления Российского государства — как правового, федеративного, демократического.

Современный федерализм в России уникален и неповторим. Асимметричность Российской Федерации объективно обусловлена как многообразием, так и самобытностью составных частей Российского государства. Федерализм в его современном прогрессивном понимании не противостоит ни интересам регионов, ни идеям самоопределения народов и развитию национальной государственности, стремлению к повышению своей самостоятельности, обеспечивает надежные гарантии, препятствующие возрождению унитаристских, авторитарных начал в деятельности государства. С другой стороны, федерализм должен иметь достаточный потенциал в противостоянии сепаратизму и безудержному регионализму. Именно такой федерализм, основанный на подлинно демократических принципах, устоях правового государства, позволяет в полной мере выявить его достоинства: общий крупный рынок, свободное движение капитала, товаров и услуг, свободу передвижения людей, более благоприятные условия для развития экономики, социальной сферы, повышения благосостояния народа.

Путь России к созданию оптимальной модели федеративного устройства протекает весьма болезненно. За короткое время после принятия Конституции РФ 1993 года мы пережили различные крайние формы конфликта: «парад суверенитетов», «войну законов», «бюджетно-финансовые войны», сепаратизм, рост национализма, терроризм и вооруженные столкновения (Чечня).

На фоне кризисных явлений в развитии федеративных отношений мы, саратовцы, можем гордиться: в Саратовской области — полноправном субъекте Российской Федерации, где проживает 111 национальностей, — удалось достичь стабильности,

взаимопонимания и согласия в межэтнических отношениях, что является общим достоянием населения области. Это стало возможным в результате согласования и координации усилий органов государственной власти и местного самоуправления Саратовской области, национальных общностей и объединений.

Проблема федерализма многомерна, для нашей страны — это вопрос судьбоносный. От его положительного решения зависит будущее многонациональной России.

Еще один вопрос несомненно имеет важное значение. Это проблема эффективности, реальности Конституции и связанные с ней вопросы необходимости внесения изменений и дополнений в Основной Закон.

Мнения о Конституции РФ 1993 года далеко не однозначны, нередко звучат голоса: что дала эта Конституция — закрепила развал Союза, конец эры «советского социализма», привела к глубокому социально-экономическому, политическому кризису российского общества? Не Конституция России 1993 года явилась причиной нынешнего кризиса, охватившего страну, трудностей, вставших перед нами, а глубокие формационные изменения в советском обществе в целом, в советской политической системе и государственном строе СССР.

Главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти, не в Конституции, а вне ее самой. Причина кроется в реальном соотношении социально-политических сил, в правовой культуре общества, в том, как действует юридическая Конституция в жизни. Скорость и частота политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень.

Конституция только констатировала наступление принципиально иного строя. Она юридически фиксирует определенный рубеж в развитии общества, нормативно определяет сложившееся состояние общественных отношений, баланс социальных сил. Рожденная в жесточайшей борьбе различных социально-политических сил советского общества, в борьбе между исполнительной и законодательной властями этого времени — Конституция России 1993 года, конечно, несет на себе печать драматизма российского общества в 1992–1993 годах XX столетия.

Несколько замечаний по поводу изменений действующей Конституции. Вопрос этот возникает периодически и, как правило, носит сиюминутный политический характер. На этот счет в науке, среди политиков существует две точки зрения. Одни, например, полагают, что необходимо прежде всего внести изменения в

распределение полномочий таких институтов власти, как «президент — парламент — правительство», и добиться размежевания полномочий между Федерацией в целом и ее субъектами. Другая точка зрения состоит в том, что Конституцию трогать не следует, поскольку не исчерпан ее демократический потенциал, приняты не все федеральные конституционные законы. Считается, что не следует этого делать прежде всего в целях обеспечения незыблемости конституционного строя России. При этом говорят, что процесс преобразования Конституции без ее модернизации осуществляется как Конституционным Судом путем ее толкования и нормоконтроля, так и законодательным путем, когда законодатель решает конституционные вопросы, касающиеся избирательного права, формирования Совета Федерации и т. д.

Позволю высказать свою точку зрения. Уверен, что менять Конституцию на нынешнем этапе не следует. В целом она отвечает сегодняшним реалиям. Но обсуждать эту проблему, причем на квалифицированном уровне, а не митинговом, необходимо. Почему?

Во-первых, напомним, что в 90-е годы, накануне конституционных реформ, отечественная юридическая мысль в целом оказалась неготовой воспринять те конституционные новеллы, которые были предложены рядом ученых. Во-вторых, мы накопили за десять лет огромный опыт конституционно-правового развития. Наконец, если мы говорим: нельзя менять Конституцию, то поступаем вопреки логике истории. В науке поиск истины идет через столкновение мнений. И запрет на обсуждение данной проблемы антиконституционен. Где тогда свобода слова, мысли, политического и идеологического плюрализма? Ответьте, например: преобразования Конституции путем издания указов Президента (скажем, образование федеральных округов), путем принятия федерального закона — это ведь конституционные вопросы — соответствуют верховенству Конституции? Верховенство Конституции есть юридическое выражение сущности Основного Закона. Поэтому подобные преобразования Конституции умаляют ее ценность и не способствуют укреплению конституционной законности в государстве — этого еще весьма хрупкого элемента конституционного строя.

Конституция заложила основы создания правового государства. Сегодня Конституция фактически сама выступает как программа модернизации российского общества и государства Конституция

нормативно провозглашает и закрепляет не только реалии действительности, но и должное состояние государственности.

Реализация Конституции Российской Федерации 1993 года, к сожалению, оказалась неадекватной тем эйфорическим ожиданиям, которые господствовали в российском обществе в начале 90-х годов XX столетия. Конституция все это десятилетие «жила» не так, как этого хотели и замыслили ее идеологи, ибо Конституция есть своего рода идеал должного состояния государственности, демократии, гражданского общества. Идеал постоянно нацелен в будущее, а жизнь всегда богаче любых правовых форм. Стабильность конституционного строя не определяется буквальным соответствием фактической и юридической конституции. Фактическая, реальная конституция практически никогда не соответствует в полном объеме юридической конституции. Основной вектор фактической конституции должен состоять в том, чтобы не изменялись основы конституционного строя страны. На это должна быть направлена конституционно-правовая практика государства

Конституция Российской Федерации 1993 года представляет высшую правовую ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и свободам человека в одночасье нельзя. Реализация Конституции России — многогранный, длительный процесс. Главное — это неуклонное соблюдение и применение конституционных норм и принципов.

**ЕРЕМЕНКО ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ —
ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ
(10 марта 1938 г. — 15 октября 2000 г.)***

Юрий Петрович Еременко родился 10 марта 1938 г. в селе Крутец Турковского района Саратовской области. Детские годы прошли в г. Сталинграде. После окончания школы работал секретарем-делопроизводителем школы, потом слесарем, токарем Сталинградского тракторного завода им. Ф.Э. Дзержинского. В 1957 г. поступил в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского, после окончания которого в 1961 г. начал работать оперуполномоченным дознания, следователем Тракторозаводского РОМ г. Волгограда.

В 1964 г. Юрий Петрович поступил в очную аспирантуру на кафедру государственного права Саратовского юридического института, возглавляемую в то время доктором юридических наук, профессором Исааком Ефимовичем Фарбером. После окончания аспирантуры в 1967 г. Ю.П. Еременко начинает работать во вновь открытой Высшей следственной школе МВД СССР старшим преподавателем, потом доцентом. С 1976 по 1991 гг. он — начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, а в 1991–1992 гг. — заместитель начальника Высшей следственной школы МВД РФ по научной работе.

В 1992 г. он был назначен начальником вновь образованной Ростовской высшей школы МВД РФ и проработал в данной должности свыше пяти лет.

Уйдя в отставку из системы МВД РФ, Ю.П. Еременко вернулся в родной Волгоград. Здесь он продолжал работать заведующим кафедрой Волгоградской академии госслужбы, одновременно занимая должность профессора Волгоградской академии МВД РФ.

В центре научных интересов Ю.П. Еременко были проблемы конституционной законности, конституционной системы, государственно-правовой (конституционной) ответственности. Кандидатская диссертация, успешно защищенная им в апреле 1968 г., была посвящена нормам советских конституций. Помимо

* © Кабышев В.Т. Еременко Юрий Петрович — видный ученый и педагог (10 марта 1938 г. — 15 октября 2000 г.) // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. Выпуск 4. С. 6–10.

понятия самих конституционных норм, их сущности, содержания и формы, Ю.П. Еременко одним из первых в науке советского государственного права в середине 60-х годов обратился к вопросам конституционной законности, конституционного контроля и надзора. Тогда же им было выдвинуто предложение о необходимости создания в СССР специального органа конституционного контроля. В то время решение всех этих проблем находилось под негласным запретом. Монополия партийного всевластия никакого контроля над собой не допускала. Безусловно, не только это, но и другие демократические предложения ученых-государствоведов смогли быть реализованы в практике конституционного строительства лишь в 90-х годах, когда были учреждены Комитет конституционного надзора СССР и Конституционный Суд Российской Федерации.

В 1977 г. Ю.П. Еременко было сформулировано понятие конституционализма как единства конституционного строя, конституционной идеологии и конституционной практики. Свои концептуальные позиции Ю.П. Еременко развил в монографии «Советская Конституция и законность» (Саратов, 1982). Конституционный строй он рассматривал как систему господствующих экономических, политических и идеологических отношений в конституционной форме их выражения, воплощающих суверенитет (полновластие) советского народа. Не конституция в конечном счете определяет конституционный строй, а конституционный строй — конституцию. Поэтому конституционный строй можно рассматривать и как совокупность конституционно-правовых отношений. Одновременно к нему можно подходить и с позиций механизма конституционного регулирования общественных отношений. С этой точки зрения конституционный строй представляет собой систему, элементами которой выступают: конституционные отношения как предмет конституционного регулирования, их оптимальная конституционная регламентация, реализация конституционных норм в соответствии с принципами конституционного сознания и требованиями конституционной законности, конституционный правопорядок.

Безусловно, теоретические концепции Ю.П. Еременко отражали идеологию государственного социализма, несли на себе печать времени, в котором он жил, работал и формировался как ученый.

Исследуя генезис законности, ее становление, он отмечал неразрывную связь законности с властью, подчеркивая, что

«фактическое ее содержание выходит за пределы юридического бытия...». Законность, писал Ю.П. Еременко, выступает «...объективно необходимым, а при социализме закономерным явлением конституционного строя» (Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность. Саратов, 1982. С. 23). Не утратили своей актуальности и сегодня мысли Ю.П. Еременко о понятии конституционной практики. Последнюю он определял как единство конституционного правотворчества, способа реализации и охраны конституционных норм, конституционного воспитания трудящихся (там же. С. 99). Необходимо отметить, что проблема конституционного воспитания масс, утверждения конституционной культуры (особенно у властвующей элиты) в современных условиях приобретает особую актуальность.

Большое внимание Ю.П. Еременко уделял разработке теоретических и практических аспектов конституционной законности. Этой проблеме была посвящена его докторская диссертация, защищенная в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1983 г. Конституционная законность в понимании Ю.П. Еременко представляет собой ядро законности. Ее значение предопределяется тем, что прежде чем говорить о законности вообще, необходимо решить более глобальную проблему — соблюдение Основного Закона. В противном случае все разговоры о законности теряют смысл. Конституционная законность выступает основой взаимоотношений личности, общества и государств.

В 1974 г. в соавторстве с профессором Ф.М. Рудинским была опубликована статья, в которой авторы впервые в науке конституционного права доказали наличие в праве государственно-правовой, то есть конституционной ответственности (см.: Еременко Ю.П., Рудинский Ф.М. Проблема ответственности в советском государственном праве // Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград, 1974). Основные положения этой работы не потеряли актуальности и в наши дни, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на нее в исследованиях современных ученых и политиков.

В последние годы научные интересы Ю.П. Еременко были связаны и с теорией права и государства. Заслуживает внимания статья о предмете юридической науки (см.: Еременко Ю.П. О предмете юридической науки // Личность и власть (конституционные вопросы: Межвуз. сб. науч. ст. Ростов н/Д; Саратов, 1995. С. 16–25)). В этой работе автор обосновывает свое понимание данной

проблемы. По его мнению, объект юридической науки составляют общественные отношения и соответствующее общественное сознание. В рамках этого объекта находится предмет юридической науки, который включает правовые отношения и правовое сознание. Правовые явления, средства и процессы, взятые в единстве, в конечном итоге образуют правовую систему общества. Именно правовая система и составляет предмет юридической науки.

Основные работы Ю.П. Еременко: Советская государственная власть и следственный аппарат. Волгоград, 1973; Государственное право социалистических стран, Волгоград, 1976; Советская Конституция и законность. Саратов, 1982; Предмет российского конституционного права. Ростов н/Д, 1966.

Деятельность Ю.П. Еременко — талантливою педагога, прошедшего большой путь и посвятившего себя воспитанию кадров для системы МВД СССР, впоследствии МВД России, получила высокую оценку — ему было присвоено специальное звание генерал-майор милиции. Он был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», избран академиком РАЕН, награжден медалями «За трудовую доблесть», «За охрану общественного порядка», «Ветеран труда».

Юрию Петровичу были присущи целеустремленность, настойчивость в достижении своей цели. Он любил быть лидером и это ему удавалось. Он любил жизнь, друзей, семью. В связи с этим следует отметить еще одну черту — преданность в самом лучшем человеческом смысле слова, особую признательность и уважение к своему научному руководителю — доктору юридических наук, профессору Исааку Ефимовичу ФАРБЕРУ, которые он пронес через всю свою активную научно-педагогическую и руководящую деятельность до конца жизни.

Вспоминается один из приездов Юрия Петровича на юбилей профессора И.Е. Фарбера. Юрий Петрович произнес яркую речь в честь Исаака Ефимовича и в конце, опустившись на колени, с пафосом произнес: «Учитель, позволь пред именем Твоим смиренно преклонить колени!». Видно было, что Юрий Петрович сделал это от души, и зал, в котором находились и ученики профессора И.Е. Фарбера, и его коллеги — профессора, доценты, восторженно аплодировал и Юрию Петровичу, и Исааку Ефимовичу.

Юрий Петрович Еременко использовал любую возможность побывать в альма-матер, на кафедре государственного (впоследствии конституционного) права. Не только свидание с молодостью

и друзьями руководило им. Общение с преподавателями СЮИ, которые его учили, и друзьями было для него источником, питавшим его творческую, неумную натуру, вселявшим страсть и твердость в отличавшие его яркие выступления на многочисленных конференциях, диспутах.

Мне, знавшему Юрия Петровича еще с аспирантских времен — с 1966 г., когда я поступил в аспирантуру на кафедру государственного права СЮИ, было все понятно. Любовь к науке, убежденность в правоте своих научных позиций он воспринял у своего Учителя — профессора И.Е. Фарбера. Не случайно между ними установились особые отношения. И.Е. Фарбер видел в Юрии Петровиче себя, продолжателя своего дела, своих научных идей, поисков.

И в академии права, и на кафедре конституционного права внимательно следили за научным, профессиональным и служебным ростом Юрия Петровича и гордились им.

Питомцы Саратовского юридического института, а ныне Саратовской государственной академии права, работают во многих городах нашей Родины, на различных постах и в должностях. И мы рады этому. Юрий Петрович был и остается гордостью вуза, воспитавшего его.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О В.А. РЖЕВСКОМ*

С Владимиром Алексеевичем Ржевским я познакомился в октябре 1966 г., когда поступил в очную аспирантуру по кафедре государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. Он уже был кандидатом юридических наук, доцентом кафедры. В тот же год у него вышла монография «Территориальная организация советского государства», в основу которой была положена его кандидатская диссертация.

В 1967 г. Владимир Алексеевич уехал работать на кафедру государственного и международного права Ростовского государственного университета. Впоследствии мне приходилось встречаться с В.А. Ржевским на различных конференциях, заседаниях диссертационных советов, государственных экзаменах на юридическом факультете РГУ, где в качестве председателя ГЭК я был дважды — в 1984 и 1988 гг.

В данном воспоминании не собираюсь делать анализ научных и методических работ В.А. Ржевского. Эта задача требует глубокого, всестороннего исследования. Я попытаюсь поделить только отдельными воспоминаниями об этом удивительно талантливом ученом.

Общение с Владимиром Алексеевичем оставило заметный след в моей жизни. Во-первых, начало знакомства с ним и общение в течение года (1966–1967 гг.), когда он работал доцентом кафедры государственного права Саратовского юридического института (СЮИ), возглавляемого профессором И.Е. Фарбером, пришлось на период моего «вхождения» в науку государственного (конституционного) права.

Аспирантские годы ученого незабываемы. Впервые постигаешь категории, понятия, закономерности развития науки.

Мир юридической науки государственного (конституционного) права даже в ту эпоху 60-х гг. мне был очень интересен, особенно после работы следователем в органах МВД.

Молодой (ему шел 31 год), красивый доцент В.А. Ржевский, ученик ленинградского профессора С.М. Равина, обладал обширными знаниями прежде всего в области государственного права. Он удивительно дополнял теоретика права, доктора юридических наук профессора И.Е. Фарбера. Их совместное учебное пособие «Вопросы теории советского конституционного права» (Саратов, 1967 г.) имело значительный успех, внесло большой вклад в конституционно-правовую науку и определило научный творческий путь многих учеников как профессора И.Е. Фарбера, так и профессора В.А. Ржевского.

Владимир Алексеевич был интеллигентом в подлинном смысле слова. Всегда аккуратный, собранный, он относился ответственно и к учебным занятиям, и к научной работе. В.А. Ржевский обладал аналитическим складом ума. Его выступления на конференциях, «круглых столах» были обстоятельны, логичны, приносили новизну в обсуждаемые проблемы развития конституционно-правовой науки. Свои выводы Владимир Алексеевич обосновывал, опираясь на глубокое знание философии, истории и других отраслей науки. Его книги и статьи о сущности конституции, общественном политическом строе, территориальной организации государства, судебной власти выделялись своей фундаментальностью и оригинальностью выводов.

Владимир Алексеевич обладал даром преданности своим коллегам независимо от их возраста. Особенно мне хотелось отметить отношение его к моему учителю, профессору И.Е. Фарберу. Всего каких-то три года их совместной работы на кафедре тогда еще государственного права СЮИ легли в основу творческого сотрудничества, определили дружбу, взаимное уважение друг к другу на долгие годы. При встречах Владимир Алексеевич всегда с неподдельным особым интересом расспрашивал о профессоре Фарбере И.Е., его творческих замыслах, здоровье.

Отдельно хочу сказать о дружбе В.А. Ржевского с Ю.П. Еременко. Они встретились в 1964 г. в Саратове, на кафедре государственного права СЮИ. В.А. Ржевский после окончания аспирантуры в ЛГУ был направлен на работу в СЮИ, где и защитил кандидатскую диссертацию. В этом же году Ю.П. Еременко поступил в очную аспирантуру по кафедре государственного права Саратовского юридического института. Три года, в течение которых В.А. Ржевский и Ю.П. Еременко общались в СЮИ, переросли в крепкую дружбу, научное творчество. Это находило свое выражение в раз-

* © Кабышев В.Т. Мои воспоминания о Ржевском В.А. // Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации // Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2006. С. 17–19.

личных формах: научном редактировании трудов, оппонировании кандидатских диссертаций аспирантов В.А. Ржевского и т. д.

Государствоведы 70–80-х гг. наблюдали (в Москве, Звенигороде, Саратове, Ростове, Воронеже, Волгограде и т. д.), что В.А. Ржевский и Ю.П. Еременко всегда были вместе, спорили, соглашались. Но причина была дружеской, носила характер поиска научной истины. Вспоминаю об этом еще и потому, что это были и годы моей научной юности, годы становления меня как конституционалиста.

В личном общении Владимир Алексеевич был интересным собеседником. Он обладал музыкальным слухом, любил петь, танцевать, шутить. В нем было что-то от гусара времен I четверти XIX столетия. Поэтому мы не случайно в своем аспирантском кругу звали его в шутку «поручик Ржевский».

Мне импонировали его талант ученого, интеллигентность и порядочность по отношению к друзьям.

Бесспорно, профессор В.А. Ржевский был видным ученым-государствоведом (конституционалистом), его работы способствовали дальнейшему развитию конституционно-правовой мысли 60–90-х гг. XX столетия в нашей стране. Это была яркая личность.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. Часть первая*

Общепризнанно, что к предмету науки российского конституционного права относится: во-первых, исследование сущности и системы построения отрасли российского конституционного права, ее источников; во-вторых, анализ самих фактических отношений, регулируемых нормами конституционного права; в-третьих, обобщение и исследование практики реализации норм российского конституционного права; в-четвертых, история самой науки, ее идей, научных гипотез, концепций, доктрин.

Именно поступательное развитие любой науки невозможно без изучения ее истории, учета накопленного опыта, анализа ее успехов и пробелов.

В развитии науки российского конституционного права принято выделять три этапа:

с середины XX в. до октября 1917 г.;

советский этап развития (с 1917 г. до второй половины 80-х гг. XX в.);

современный этап развития (со второй половины 80-х гг. XX в.).

Каждая цивилизация в различные периоды времени создает свои ценности. Соответственно и этапы исторического развития Российского государства характеризуют адекватные общественно-теоретические воззрения.

Так, для первого этапа типичным было теоретическое обоснование российского самодержавия и эволюционных государственных преобразований.

Русские государственноведы, прекрасно зная западные конституционно-правовые теории, пытались привнести в науку российского государственного права ряд таких научных воззрений, как теория естественного права, разделения властей, правового государства, парламентаризма и другие. В основу теоретико-методологических

* © Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть I // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Вып. 5. С. 4–17.

воззрений русских дореволюционных государствоведов были положены европейский либерализм, позитивизм, социал-демократизм, неприятие марксизма.

В большинстве же своем русские государствоведы были сторонниками конституционной монархии¹.

Советский этап развития науки конституционного (государственного) права неоднозначно оценивается учеными как с точки зрения определения временных рамок, так и по своей сути.

В целом советская наука государственного права была построена на признании научной ценности исключительно марксистско-ленинской методологии в исследовании государства, права, реалий советского строя.

Характерными чертами ее были: классовость, политизированность, идеализация советской государственности и руководящей роли КПСС, отрицание ценностей западной демократии, принципов разделения властей, политического и идеологического плюрализма, оправдание культа личности И.В. Сталина и его последствий, злоупотреблений властью до 60-х гг. XX столетия.

В 60-е гг. начинается отход от чисто классовых позиций, хотя последние все равно считались определяющими.

Конечно, в условиях сверхцентрализации и монополизации власти советская наука исходила из постулатов полного отрицания возможности «возрождения» антикоммунизма, сохранения незыблемости СССР как государства, превосходства советского строя и права над строем и правом буржуазным².

В конце 80 — начале 90-х гг. XX в. начался «обвальный процесс» отказа от методологии диалектического материализма при исследовании проблем государства и права. Начался этап тотального отрицания советского конституционного права с позиций общечеловеческих ценностей.

Мы не касаемся здесь дискуссии о названии нашей отрасли права и соответственно отрасли науки, а также учебной дисциплины, последний всплеск которой пришелся на 60-е гг. XX в. (сторонниками «конституционного права» активно выступали профессоры В.Ф. Коток, И.Е. Фарбер, В.А. Рянжин). В современный

период данный вопрос несколько актуализировался, но, прежде всего, в связи с содержанием отрасли права¹.

Эта проблема затрагивается нами потому, что для современного этапа развития науки конституционного права характерна неоднозначная оценка советского этапа развития конституционно-правовой мысли. Общеизвестно, что любое теоретическое исследование включает в себя анализ и историю развития идей, научных концепций. Еще Н.Г. Чернышевский писал: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»². Поступательное развитие любой науки невозможно без изучения ее истории, учета накопленного опыта, анализа ее достижений и пробелов.

Но эта истина не всегда учитывалась. В советской науке конституционного (государственного) права была нарушена преемственность в развитии государственно-правовой мысли. В оценке правовых идей XIX в. господствовал только критический тон. К сожалению, и после распада СССР, принятия Конституции РФ 1993 г. в отдельных работах используется тот же подход. Так, советский этап развития науки государственного (конституционного) права или замалчивается или искажается. При этом акцент делается на негативные стороны развития советского строя, на то, что ученые этого этапа были только адептами советского тоталитаризма. Для сравнения приведем мнения видных отечественных государствоведов (конституционалистов). Так, профессор М.В. Баглай пишет: «Современная наука конституционного права переживает трудный период. Перед ней стоит задача решительно перестроить свою методологическую базу, освободившись от тотального засилья марксизма-ленинизма. Но для этого, по-видимому, должно смениться поколение ныне работающих государствоведов, которые в своем большинстве не знали реалий и теорий зарубежного конституционного права или занимались его сознательной фальсификацией. Многочисленные произведения «марксистско-ленинской» науки государственного права стали

¹ Более подробно см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2: Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М., 1999. С. 1–3; *Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А.* Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. Ч. 1. Основы теории конституционного права. М., 2002. С. 30–39; *Белкин А.А.* Наименование отрасли: государственное и конституционное право // Правоведение. 1997. № 4. С. 141–145.

² *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 11. С. 265–266.

достоянием истории ... их теоретическое значение практически полностью утрачено»¹.

И.М. Степанов писал следующее: «Наша новая конституционно-правовая мысль, например, никак не может выбрать взвешенный тон в оценочных суждениях относительно советской науки государственного права — то ли ее вообще не было, то ли все-таки была и не во всем исключительно тоталитарной»².

Конечно, социализм в России в конце XX столетия проиграл в историческом соревновании двух общественных систем. Но значит ли это, что советский этап развития конституционно-правовой мысли следует вообще забыть? Так ли уже нечего взять из этого уже прошлого в XXI в.? Безусловно, идеализировать наше прошлое нельзя. В истории Советского государства были разные периоды развития. Соответственно и ученые государствоведы-конституционалисты были детьми своего времени. Ведь наука советского государственного (конституционного) права — это не только юридическая, но и политическая, и общественная наука.

Ученым этого этапа было свойственно, следуя господствующей идеологии, мировоззрению, формулировать и свои научные концепции. Излишняя идеологизация, политизация конституционно-правовых идей, к сожалению, превалировала в науке советского государственного права. Но уже в 60–70-е гг. XX столетия в советской науке государственного (конституционного) права активно разрабатывались такие элементы конституционализма, как: конституционный строй, конституционная законность, конституционная ответственность, права человека.

Безусловными достижениями советской науки государственного (конституционного) права, особенно периода 60–80-х гг. прошлого столетия, следует считать определение предмета государственного (конституционного) права, развитие научных концепций об отдельных институтах отрасли: народного представительства, народовластия, народного суверенитета, государственного и общественного устройства, представительной демократии, гражданства, прав человека³. Работы многих ученых советского этапа развития

науки государственного (конституционного) права — В.Ф. Котока, А.И. Лепешкина, С.С. Кравчука, Д.Л. Златопольского, Л.Д. Воеводина, Л.А. Григоряна, Б.В. Щетинина, А.И. Кима, В.С. Основина, И.Е. Фарбера, В.А. Ржевского, Ю.П. Еременко и других — не утратили своего значения и ныне. По нашему глубокому убеждению, в основе и современного этапа развития науки конституционного права лежат многие научные теории, концепции ученых советского периода (о механизме конституционного регулирования, реализации конституционных норм и конституционных прав, о конституционно-правовых отношениях, прямом действии Конституции и др.).

Мы сделали эти замечания, чтобы подчеркнуть, что советский этап развития науки государственного (конституционного) права нуждается в глубоком, тщательном исследовании с позиций нынешнего времени и в контексте достижений мировой конституционной мысли.

Современный же этап развития науки российского конституционного права характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, следует констатировать, что практически закончился процесс «освобождения» науки российского конституционного права от идеологизмов марксизма-ленинизма. Это позволяет отойти от монополизма в научном познании реальных процессов российской действительности. Следует согласиться с мнением Е.И. Колюшина о том, что современная наука российского конституционного права исчерпала свои аргументы, критикуя советское государственное право¹. Познание сути конституционно-правового регулирования общественных отношений, механизма его реализации в современных условиях России стало главным направлением в развитии теории конституционного права.

Во-вторых, формационные изменения государственного и общественного строя России предопределили сущность конституционной реформы, приведшей в конечном счете к принятию Конституции РФ 1993 г. С этого момента, по сути, начинается становление подлинно конституционного права. Последнее приобретает важнейшую социальную роль в качестве главного рычага всех общественных преобразований. Именно через призму конституционного права воспринимается правовой образ государства как целостного явления².

¹См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М., 1999. С. 20.

²См.: Тихомиров Ю.А. Конституционное право: уроки прошлого и взгляд в будущее // Правоведение. 1992. № 6; Он же. Развитие теории конституционного права // Государство и право. 1998. № 7.

¹Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1997. С. 5–9.

²Парламентское право: Учебное пособие / Под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хариной. М., 1999. С. 8.

³См.: Кутафин О.Е. Современное состояние и перспективы развития науки конституционного права Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции. Конституционное и административное право. М., 2000. С. 3.

Регулируя большой круг общественных отношений, конституционное право исходит из постулата, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Конституционная норма ст. 3 Основного Закона нашего государства в центр политической системы ставит российский народ. Это положение является основополагающим для всех институтов отрасли конституционного права. Именно суверенитет народа неразрывно связан с правами и свободами человека и гражданина. В этом его гуманистическая сущность. Механизм трансформации данной конституционной нормы многослойный. Познание правовой детализации субстанции «народный суверенитет» составляет важную задачу науки конституционного права.

В-третьих, демократические преобразования в обществе и государстве способствовали свободе развития самой науки конституционного права, расширению ее методологического инструментария. Поэтому систематизированное, обоснованное знание о нормах отрасли конституционного права как в прошлом, настоящем, так и будущем представляет сегодня большой практический интерес. Это особенно важно и в связи с тем, что мы столкнулись с ситуацией, когда конституционно-правовая практика в значительной степени стала обгонять развитие конституционно-правовой мысли. Наиболее остро это проявилось в начале конституционной реформы, особенно при разработке и принятии действующей Конституции России.

Заимствование конституционных институтов из различных правовых систем (романо-германской и англо-американской) без учета российских национальных традиций пока не дает желаемого позитивного результата.

Не случайно американский ученый-политолог профессор Р. Шарлет замечает: «В Конституции РФ 1993 г. можно увидеть конституционный эквивалент европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах»¹.

В связи с этим обращение исследователей к функциям науки конституционного права, методам познания самой науки представляет характерную особенность современного этапа развития

науки российского конституционного права¹. На это обращалось особое внимание на Всероссийской научной конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий». «Юридическая наука, — отмечал Б.Н. Топорнин, — не может играть роль «пожарной команды», вызываемой каждый раз для разрешения критических ситуаций: она должна усилить свою методологическую, прогностическую функцию. И в этом отношении еще очень много нужно сделать, вернувшись к решению фундаментальных, а не сиюминутных проблем»². Поэтому научное прогнозирование прежде всего конституционных отношений, эффективности конституционно-правового регулирования реализации Конституции РФ и выработки научно обоснованных рекомендаций составляет суть прогностической функции науки конституционного права.

В-четвертых, особенностью развития современного этапа науки конституционного права является существенное расширение круга ее источников. Традиционно к источникам науки конституционного права относят: труды отечественных и зарубежных ученых о проблемах, имеющих значение для науки конституционного права; нормативно-правовые акты (действующие и в том числе утратившие силу), содержащие нормы конституционного права; конституционно-правовую практику (результат реализации норм конституционного права или, как ее еще именуют, практику функционирования конституционно-правовых норм). Относительно первой группы источников ныне произошло буквально стремительное обращение как к трудам русских дореволюционных ученых, порой гиперболизирующее их значение, так и к работам западных конституционалистов. Явление это отрадное, но не всегда при этом учитываются российские реалии, традиции, менталитет наших народов.

Приобретает права гражданства и все более заявляет о себе такой вид источников науки, как конституционная доктрина. Как отмечает Т.М. Пряхина, о конституционной доктрине следует говорить в двух значениях — в широком смысле и узком. В широком смысле под конституционной доктриной понимают синтезированную совокупность основополагающих взглядов и теоретических

¹ См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001; также см.: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 298–324; Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России: В 2 т. М., 2002. Т. 1. Гл. 2. С. 100–230.

² Государство и право. 2000. № 7. С. 5.

¹ Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 18.

концепций, устанавливающих стратегические перспективы конституционного развития России. В узком — официально признанные, формально определенные положения, раскрывающие нормативное содержание конституционных принципов¹.

Интересная мысль в связи с этим высказана М.П. Авдеенковой и Ю.А. Дмитриевым о том, что одна из причин необъективного развития отечественной конституционно-правовой науки заключается в узком наборе источников, не используются доктрины политические, экономические, социальные, реже философские и религиозные².

В связи с учреждением новых конституционных институтов власти важное место ныне стали занимать решения Конституционного Суда РФ, его правовые позиции. Следует отметить, что деятельность Конституционного Суда вызвала обилие не только научно-популярных, но и прежде всего, конечно, публикаций научного характера, количество которых сегодня уже не поддается учету. Решения Конституционного Суда, его правовые позиции охватывают широкий спектр конституционно-правовых проблем, затрагивающих все отрасли права, и, безусловно, отрасли юридической науки. Сегодня трудно представить себе исследование любой проблемы науки конституционного права, конституционно-правового института без анализа тех или иных решений Конституционного Суда. Можно без преувеличения констатировать, что его решения, правовые позиции оказывают глобальное влияние на развитие конституционно-правовой мысли и конституционную доктрину³ современной России.

Относительно признания решений Конституционного Суда РФ источниками позитивного права мы порассуждаем далее.

Несомненный интерес для науки конституционного права имеют и особые мнения судей Конституционного Суда РФ. Судья в особом мнении дает свое прочтение конституционной нормы, конституционного принципа, формулирует концепцию прочтения Конституции.

Особые мнения судей Конституционного Суда РФ, несомненно, являются образцом высокой конституционной культуры, вносят определенный вклад в развитие науки конституционного права,

российского конституционализма. Отдельные судьи Конституционного Суда РФ свои «особые мнения» сделали в жанре эссе о конституционных проблемах¹.

Что касается такой группы источников науки конституционного права, как нормативно-правовые акты, содержащие нормы конституционного права, то отметим следующее. В сущности это вопрос об источниках отрасли права. В последнее время он получил довольно глубокую и обстоятельную проработку².

Расширение круга источников позитивного права выдвинуло как перед юридической наукой в целом, наукой конституционного права в частности, так и перед практикой целый ряд принципиально новых проблем.

Стремительный рост количества источников конституционного права вызвал появление идей об отпочковании от конституционного права ряда новых отраслей права, таких как: парламентское право, избирательное право, судебное конституционное право и процесс³.

В принципе следует, что таким подотраслям конституционного материального права, как избирательное право и конституционное судебное право, корреспондируют соответствующие подотрасли конституционного процессуального права — избирательное процессуальное право (избирательный процесс), парламентское процессуальное право (парламентский процесс) и конституционное судебное процессуальное право (конституционный судебный процесс). Идея оформления отрасли конституционного процессуального права (метаотрасли) весьма интересна⁴.

Но, по нашему мнению, она носит скорее идеальную теоретическую модель. Сегодня можно говорить о подотраслях конституционного права. Выделять же их в качестве самостоятельных отраслей права преждевременно. Ибо такое деление приведет к распылению и вообще утрате предмета правового регулирования конституционного права как отрасли права. Да и не количество источников права определяет подразделение на отрасли права.

¹ См.: Лучин В.О. «Указное право» в России. М., 1996.

² См.: Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002; Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998.

³ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М., 1998; Парламентское право: Учебное пособие / Под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М., 1999.

⁴ См.: Конституционный судебный процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. М.С. Саликов. М., 2003.

¹ См.: Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2002. С. 15.

² См.: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 322.

³ См.: Лазарев А.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003.

Новеллой для науки конституционного права стало признание плюрализма источников отрасли права и прежде всего таких, которые несвойственны были советскому этапу развития отрасли государственного конституционного права. К числу новых форм конституционного права относятся общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ выше-названные акты составляют часть российской правовой системы. Включение международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права в национальные правовые системы стало определяющей тенденцией мирового процесса для государств в конце XX — начале XXI в.

К общепризнанным принципам международного права относятся, прежде всего, принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Об общепризнанных принципах и нормах международного права упоминается кроме ч. 4 ст. 15 также в ч. 4 ст. 17, ч. 3 ст. 46, ст. 62, 63, 69 и 79 Конституции РФ. В силу этого проблема взаимодействия национального права России и международного права стала активно разрабатываться не только учеными-международниками, но и представителями науки конституционного права¹. Конституционализация международного права сегодня все ярственнее проявляется как тенденция развития российского права. Необходимо отметить, что в науке международного права существуют три основных теории о соотношении международного и национального права: теория примата международного права, теория примата внутригосударственного права и дуалистическая теория. Если в теории спорят, какую доктрину принять за основу, то в правоприменительной практике и прежде всего судебной отклонение от общепризнанных принципов международного права недопустимо². В связи с этим обобщение судебной практики по применению

судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации должно стать одним из приоритетных направлений развития науки конституционного права.

Осмысление 10-летнего периода действия Конституции РФ 1993 г. позволяет понять, чем же занималась все это десятилетие наука конституционного права, что же было в центре внимания ее представителей, какие проблемы исследовались?

В краткой статье практически невозможно проанализировать все богатство идей, высказанных в нашей конституционно-правовой литературе. Ведь только библиография по конституционному праву России в период 1993–2003 гг., опубликованная в журнале «Конституционное право: Восточно-европейское обозрение» (2003. № 4), насчитывает около трех тысяч публикаций. Естественно, их анализ заслуживает специального монографического исследования. В данной статье мы попытаемся обозначить блоки важных научных проблем, которые были в это время в центре внимания науки конституционного права.

Итак, что же удалось сделать в науке российского конституционного права за минувшее десятилетие?

Необходимо отметить, что в первое пятилетие во многих исследованиях практически любого жанра (учебная, монографическая литература, научные статьи) преобладали элементы либо восхваления Конституции РФ 1993 г., либо просто комментирования ее статей без какого-либо критического тона. Доминировал основной аргумент: Конституцию ни менять, ни вносить в нее изменения не следует, так как ее потенциал еще не реализован. То же самое утверждалось и на официальном уровне. Лишь отдельные авторы, как, например: С.А. Авакьян, А.А. Белкин, Е.И. Колюшин, В.О. Лучин, Е.А. Лукьянова и другие пытались, причем в ряде случаев довольно аргументированно, весьма критически подойти к анализу тех или иных конституционных институтов. В основном это касалось взаимоотношений полномочий института Президента — Федерального Собрания — Правительства, а также обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Одной из центральных проблем, которая была и продолжает находиться в сфере пристального научного внимания, является проблема реализации действующей Конституции. Среди огромного количества публикаций, во-первых, следует выделить фундаментальные монографии профессоров С.А. Авакьяна и В.О. Лучина (Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современ-

¹См.: Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Государство и право. 1996. № 2, 3; Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3–12; Хиженяк В.С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2002.

²См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 12.

ность. 2-е изд. М., 2000; Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002). Несомненным «прорывом» в познании механизма реализации Конституции России явилось введение в широкий научный оборот категории конституционных деликтов, так ювелирно, образно говоря, обоснованной В.О. Лучиным. Нельзя не сказать при этом и о такой проблеме, как конституционный кризис. О различных причинах конституционного кризиса в России, путях выхода из него, пожалуй, больше всех писал В.О. Лучин. С присущей ему непримиримой критикой существующего конституционного строя, он делает вывод о том, что было бы большим преувеличением утверждать бескризисное функционирование Конституции РФ¹.

Исследование общих проблем теории Конституции, механизма реализации действующего Основного Закона государства существенно активизировали и такую вытекающую из нее проблему, как конституционализм. Конституционное право и конституционализм неразрывно связаны, интегрированы единым методологическим подходом. Сегодня теория конституционализма представляет собой сердцевину, ядро науки конституционного права, она концентрирует весь спектр конституционных проблем. Конституционализм в науке российского конституционного права выступает как синтезированное понятие, воплощающее наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики. По нашему мнению, понятие «российский конституционализм» включает в себя пять элементов: конституционная доктрина (конституционные идеи), Конституция, конституционно-политический режим как воплощение конституционных ценностей и конституционных норм, конституционный контроль как система защиты конституционного строя и Конституции, конституционное мировоззрение и конституционная культура должностных лиц и всего населения. Конституционализм — это философия конституционного мировоззрения, выраженная в Основном Законе государства, это обеспечение верховенства Конституции, правление в рамках Конституции².

Проблема конституционализма сегодня активно разрабатывается философами, историками, юристами. Непосредственно исследованием различных аспектов конституционализма зани-

маются такие представители науки конституционного права, как Н.А. Боброва, И.А. Кравец (см.: Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003; Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск, 2002). Ранее писали по данной проблеме Ю.П. Еременко, И.М. Степанов (см., например: Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. М., 1996), касаются ее в своих работах С.А. Авакьян, Н.А. Богданова, Н.В. Витрук, Т.М. Пряхина и другие ученые.

Необходимо отметить, что отдельные аспекты российского конституционализма исследуются в постсоветский период настолько противоречиво, что содержат порой взаимоисключающие и даже неприемлемые позиции, а в ряде случаев делаются и ошибочные выводы. Поэтому проблема российского конституционализма ждет своего анализа с учетом накопленных знаний о потребностях и тенденциях развития Российского государства и общества.

В структуре любой российской юридической науки весьма важное место всегда занимал вопрос о предмете отрасли права. Не является исключением и конституционное право, тем более что в советский период велась длительная и острая дискуссия по данному вопросу. Радикальное обновление существа конституционного регулирования общественных отношений в России вновь поставило в повестку дня проблему предмета российского конституционного права.

Высказаны различные суждения. Их детальный анализ содержится в фундаментальной монографии О.Е. Кутафина (см.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001). Не имея возможности, в рамках, естественно, данной статьи, более подробно остановиться на этом вопросе, отметим, что в целом доминирует широкий подход к предмету конституционного права. Объектами конституционного регулирования выступают: человек — государство — публичная власть. В одних работах речь идет о двух уровнях правового регулирования. В других (Е.И. Колюшин, Ю.А. Дмитриев, В.И. Мухачев) авторы полагают, что предмет конституционного права есть совокупность общественных отношений, определяющих: основы конституционного строя; отношения, возникающие в процессе реализации многонациональным народом России государственной власти; основы правового статуса человека и гражданина, а также содержание процесса реализации политических прав и свобод (см.: Дмитриев Ю.А., Мухачев В.И. Понятие, предмет и метод консти-

¹ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 446.

² См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 63.

туционного права Российской Федерации — от исторических истоков — к современности. М., 1998).

Своеобразный взгляд на предмет конституционного права высказывает А.Н. Кокотов, который, во-первых, в структуре конституционного права как отрасли права выделяет конституционное право как общую часть российского права (в основу его закрепления положены социально-экономические, политико-управленческие, духовно-культурные устои российского общества, правовое положение человека и гражданина, задающие структуру российского права, единые цели, принципы, ценности всех его отраслей...) и конституционное право как обычную отрасль российского права, в основу регулирования которого положены властеотношения (см.: Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М. Кукушкин. М., 2003. С. 25, а также см.: *Кокотов А.Н.* Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. 1998. № 1. С. 21–22).

Интересные суждения высказаны Е.И. Козловой, М.В. Баглаем, А.А. Безугловым, С.А. Солдатовым, В.Е. Чиркиным, И.А. Конюховой и рядом других отечественных конституционалистов.

В заключение заметим следующее: во-первых, несмотря на не утихающее внимание к предмету отрасли конституционного права, существенного «прорыва» в исследовании предмета не произошло. В ряде случаев наблюдается возврат в прошлое (например, двойственность конституционно-правового регулирования).

Во-вторых, по сути в подавляющей части мнений ход рассуждений идет от норм права, а не от общественных отношений, отсюда и структура предмета отрасли конституционного права практически совпадает со структурой Конституции РФ.

В-третьих, вряд ли чрезмерное «усложнение» предмета отрасли конституционного права, наблюдаемое сегодня в отдельных публикациях, способствует его познанию не только специалистами конституционного права, но, прежде всего, студентами, аспирантами и всеми теми, кто участвует в процессе реализации норм конституционного права. Все это свидетельствует о том, что проблема предмета отрасли конституционного права требует своего дальнейшего исследования.

Таким образом, современное состояние проблем предмета отрасли конституционного права позволят сделать неутешительный вывод — к сожалению, вопросу о теории норм российского конституционного права уделялось недостаточное внимание.

Во второй части обозначенной нами статьи «К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России» мы предлагаем остановиться на таких блоках научных проблем, которые были в центре внимания конституционно-правовой мысли, а именно: основы конституционного строя России, конституционная ответственность гражданства, права и свободы человека и гражданина, российский федерализм, избирательное право и избирательный процесс, конституционная система власти и местного самоуправления.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. Часть вторая*

щита прав человека, разделение властей, политический и идеологический плюрализм.

Необходимо отметить, что исследованию проблемы конституционного строя, его отдельных элементов были посвящены работы И.Е. Фарбера, Ю.И. Скуратова, Б.А. Страшуна. Более активно и ближе всех к истокам научной конструкции конституционного строя стоял профессор Ю.П. Еременко, находившийся, однако, в доминанте господствовавшей тогда политической и идеологической системы социализма.

Справедливо в данном случае звучат слова судьи Конституционного Суда РФ, профессора Н.С. Бондаря: «Без преувеличения можно сказать, что разработкой и обоснованием понятия конституционного строя, анализом сущности и конституционного содержания, места и роли данной категории в системе конституционного регулирования и в правореализационном процессе Юрий Петрович опередил время, по крайней мере, на полтора-два десятилетия»¹.

Конституционный строй, по мнению Ю.П. Еременко, есть система господствующих экономических, политических и идеологических отношений в их конституционной форме выражения, которые воплощают полновластие (суверенитет) народа и определяют сущность и основные черты общества в целом².

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. категория «конституционный строй» используется почти в каждом учебнике по конституционному праву. Соответственно большинство авторов повторяют название раздела вслед за действующей Конституцией. Однако в учебниках по конституционному праву зарубежных стран употребляется понятие «общественный строй». В соответствующих главах речь идет о конституционно-правовых основах общественного строя, куда включены подсистемы: экономические отношения, социальные отношения, духовно-культурные отношения и политические отношения. И это несмотря на то, что уже в Основном Законе ФРГ 1949 г. содержится термин «конституционный строй» (ст. 20, 28), отражающий существо правового государства.

Включение в Конституцию РФ 1993 г. термина «конституционный строй» явилось стремлением ее разработчиков подчеркнуть

¹ Бондарь Н.С. Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов, 2003. С. 62.

² См.: Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность / Науч. ред. В.А. Ржевский. Саратов, 1982. С. 18.

В системе категорий науки конституционного права России центральное место принадлежит категории «конституционный строй».

По справедливому замечанию Н.А. Богдановой, категория «конституционный строй» есть основная интегрирующая и предельная категория, которая выстраивает понятийную систему науки конституционного права в аспекте как составляющих ее компонентов (блоков), так и складывающихся между ними отношений¹.

Термины «конституционный строй», «основы конституционного строя» ныне прочно вошли в научный оборот, конституционную практику.

Как прежде советское законодательство, так и юридическая наука использовали термины «общественное устройство, основы общественного строя и политики». В конституциях зарубежных социалистических стран также применялись термины, аналогичные советской конституционной системе: «общественный строй», «политический строй», «общественно-экономический строй».

В конституционном законодательстве бывшего Союза ССР термин «конституционный строй» появился в связи с учреждением поста Президента СССР и изменением редакций ст. 6 и 7 Конституции СССР 1977 г. В конституционном законодательстве РСФСР термин «конституционный строй» был введен Первым съездом народных депутатов РСФСР, также конституционно изменившим редакцию ст. 6 и 7 Основного Закона РСФСР.

Разработка проекта Конституции России 1993 г. выявила необходимость существенно иных подходов к регулированию основ общественного строя. Поэтому была предложена принципиально новая концепция конституционного строя России, отвечающая общепризнанным стандартам конституционализма: судебная за-

* © Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 2 // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. Выпуск 6. С. 6–24.

¹ См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 160.

идею конституционализма, легитимности, обязанности государства и всех участников правоотношений действовать на основе Конституции, в соответствии с ней.

Следует отметить, что проблема конституционного строя России, его основ постоянно находятся в центре внимания конституционалистов. Как в учебниках по конституционному праву России, различных комментариях Конституции РФ, так и в монографиях, статьях ей по-прежнему уделяется пристальное внимание. Среди монографий, посвященных комплексному исследованию категории «конституционный строй», к сожалению, можно назвать только две работы:

Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994;

Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003.

В монографии О.Г. Румянцева, вышедшей буквально после принятия новой Конституции РФ, наряду с теорией конституционного строя в основном анализировался ход конституционной реформы 1990–1993 гг. Ценность и уникальность данной книги состоит, во-первых, в том, что ее автор — О.Г. Румянцев, будучи народным депутатом РСФСР, являлся и ответственным секретарем Конституционной комиссии, избранной Первым съездом народных депутатов РСФСР, и принимал настолько деятельное участие в подготовке официального (до середины 1993 г.) проекта Конституции России, что последний получил в средствах массовой информации название «румянцевского».

Справедливо будет привести слова доктора юридических наук, профессора, Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, которые опубликованы в послесловии данной книги: «Перед нами не только глубокое научное исследование, но и своего рода обращение к согражданам — если мы не научимся сверять нашу жизнь с безусловными ценностями, то будем вечно барахтаться в трясине произвола.

...Я счастлив, что в России есть люди, подобные автору представляемой книги, и это, может быть, залог того, что все вернется в нормальное русло, воспрянет и возродится»¹.

Во-вторых, в данной книге содержится немало количество идей о справедливом конституционном строе, к сожалению, не

¹ *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994. С. 222.

нашедших отражения в действующей Конституции, а потому, несомненно, имеющих ценность как для науки конституционного права, так и для практики российского конституционного строительства. Надеемся, что эти идеи будут востребованы.

Спустя десятилетие после принятия Конституции РФ 1993 г. вышла названная ранее книга Н.А. Бобровой. Следует заметить, что если монография О.Г. Румянцева есть цельное обобщение этапа романтического конституционализма в России, то монография Н.А. Бобровой олицетворяет этап несбывшихся надежд, разочарований.

Книгу отличает жесткая критика существующего конституционного строя, главным образом конституционно-политического режима современной России. «Конституция и общественная практика в современной России, — пишет в предисловии к данной книге доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России В.О. Лучин, — как бы разведены по разным орбитам и пересекаются лишь в удобных и выгодных для власти координатах.

...своеобразный конституционный децильный коэффициент как соотношение между юридической и фактической конституцией достиг опасных отметок. Мы постоянно живем на грани опасного конституционного дефолта. Это и ряд других положений, высказанных ранее мною, получили дальнейшее развитие в работе Н.А. Бобровой. Привлечение внимания к этим вопросам представляется мне чрезвычайно важным и своеобразным»¹.

Несмотря на то, что в книге имеется слишком много элементов популярно-газетных сентенций, в ней содержится и ряд удачных научных выводов, позволяющих постичь сущность конституционализма и конституционного строя и формы их выражения в постсоветский период. Ниже мы коснемся отдельных весьма интересных положений.

Следует отметить, что в науке конституционного права нет единого, общепризнанного понятия конституционного строя. Не выработаны до настоящего времени определения данной категории и в законодательстве, хотя оно используется в официальных документах².

¹ *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С. 8, 9.

² На это верно обращается внимание в научной литературе (см.: *Мамонов В.В.* Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10. С. 42).

К сожалению, распространена точка зрения, что конституционный строй является неотъемлемым признаком любого государства, имеющего конституцию. Это ошибочный вывод.

Еще во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. говорилось (ст. 16), что «общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции». Наличие конституции не ведет автоматически к учреждению конституционного строя. Необходимо, как минимум, реальная судебная защита прав человека, разделение властей, независимая судебная власть. Это — азбука мирового конституционализма. Следует обратить на это внимание потому, что неадекватное понимание сущности конституционного строя, его природы, закономерностей его становления и развития, особенно властвующей элитой, приводит к искажению, к его отрицанию, выхолащиванию сути конституционализма, а соответственно и конституционного строя.

В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести ряд определений конституционного строя.

Так, О.Е. Кутафин дает следующее определение: «Конституционный строй — это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство»¹.

В учебнике М.В. Баглая под конституционным строем понимается «порядок, при котором соблюдаются права и свободы гражданина, а государство действует в соответствии с конституцией»².

«Конституционный строй, — определяет О.Г. Румянцев, — есть совокупность социальных отношений, а его основы — система принципов, их регламентирующих»³.

Рассматривая понятийную систему науки конституционного права, Н.А. Богданова считает уместным наиболее широкое (абстрактное) определение данной категории. «Конституционный строй, — по ее мнению, — это логическое построение, отражающее объективированное в нормах конституционного права устройство государства и общества, а также положение человека в системе отношений: государство — общество — личность»⁴. В другой работе

она подчеркивает, что понятие конституционный строй отражает конкретное по времени и месту устройство государства и общества и означает обращение теоретической модели в политическую и правовую реальность¹.

А.А. Безуглов и С.А. Солдатов делают следующее уточнение: конституционный строй закрепляется не всеми нормами конституционного права, а только теми, что содержатся в Конституции РФ. Поэтому, по их мнению, конституционный строй — это устройство гражданского общества и государства, закрепленное Конституцией РФ².

В.В. Невинский определяет конституционный строй как установленный демократической конституцией и нормами конституционного (государственного) права вообще порядок экономической, социальной, духовной и политической жизни общества, организации государства, основанный на признании сбалансирования интересов личности, общества и государства, подчинении их праву и закону³.

По нашему мнению, при характеристике конституционного строя следует исходить из того, что необходимо различать конституционный строй в фактическом и юридическом смысле слова. Фактический конституционный строй — есть система конституционных отношений, выражающих суверенитет народа, свободы и права человека. Понятие «конституционный строй в юридическом смысле слова» — это конституционные нормы и конституционные принципы, регулирующие отдельные виды общественных отношений (по реализации суверенитета народа, по фактическому состоянию свобод и прав человека в государстве) существующего социально-экономического и общественного строя.

Впервые на такое различие обратил внимание еще в советский период профессор И.Е. Фарбер. Он писал: «Конституционные отношения есть общественный механизм, превращающий социальную власть классов (народа) в их государственную власть. В своей совокупности они образуют *конституционный строй*, как основу

¹ См.: Богданова Н.А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999. С. 137.

² См.: Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 232.

³ См.: Невинский В.В. Основы конституционного строя как система основополагающих конституционных принципов // Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание, значение. Барнаул, 2003. С. 36.

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е изд. М., 2003. С. 121.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1997. С. 98.

³ Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 28.

⁴ Богданова Н.А. Указ. соч. С. 161.

общественно-политического или государственного строя»¹ (выделено нами. — В. К.). Такую же позицию, то есть разграничение фактического конституционного строя и юридического конституционного строя, разделяют ныне В.Т. Кабышев, В.О. Лучин, А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин, С.М. Шахрай².

Фактический конституционный строй свое юридическое, правовое выражение получает в основах, или, как пишут, принципах конституционного строя. По существу, между понятиями «основы» и «принципы» нет особых различий.

В конституционном смысле термин «основы» подчеркивает особенности и специфику конституционного регулирования общественных отношений, указывает на источник, на то главное, на чем базируется определенное явление. Свою конкретизацию основы получают в конституционных принципах. «Конституционные принципы, — отмечает доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России Г.А. Гаджиев, — воплощают в себе в наиболее концентрированном виде дух и смысл Конституции»³. В своей весьма содержательной книге, основанной на анализе практики применения Конституционным Судом РФ конституционных принципов правового регулирования экономических отношений, Г.А. Гаджиев раскрывает нормативное содержание конституционных принципов рыночной экономики, которые образуют основы экономического строя России и представляют естественно-фундаментальные устои социально-экономического, правового и, в частности, конституционного строя (Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002).

К основам конституционного строя России Конституция РФ, как известно, относит: народовластие, разделение властей, политическое многообразие, местное самоуправление, приоритет прав и свобод человека, республиканскую форму правления, фе-

дерализм, многообразие форм собственности, верховенство права, социальное и светское государство.

Анализ содержания основ конституционного строя России, несомненно, занимает важное место в трудах конституционалистов исследуемого нами этапа. В связи с этим необходимо, прежде всего, отметить ряд особенностей.

Во-первых, как в развитии конституционных идей, так и соответственно модернизации постсоветской России принято выделять два этапа.

Первый этап мы называем романтический конституционализм¹. Он начался сразу после принятия Конституции и характеризовался гиперболизацией курса либерально-демократических реформ с безудержной приватизацией, значительным ослаблением роли государства, а в федеративных отношениях — курсом на конфедерацию.

Второму этапу присущи следующие тенденции: в экономике — продолжение либерально-демократических реформ с акцентом на усиление при этом роли государства, в политике — попытки построения вертикали власти с ориентацией на централизацию. По сути, наметились общие контуры формирования новой политической системы, в центре которой расширяющаяся многопартийность с элементами гиперболизации роли политических партий.

Данный этап именуется — «управляемая демократия».

Во-вторых, в исследованиях основ конституционного строя России наблюдаются противоположные идейно-политические подходы.

В первой части нашей статьи (см.: Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 5) уже обращалось на это внимание.

Полагаем, что разный подход, в том числе и с политико-идеологических позиций, естественен, так как в ином случае начисто отвергается конституционный принцип политического и идеологического плюрализма.

Анализ сущности и содержания конституционного строя, его основ неизбежно затрагивает и проблему гражданского общества.

Как известно, парламентский вариант проекта Конституции наряду с разделом «Основы конституционного строя» предусма-

¹ См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 67. А.Н. Медушевский называет этот этап номинальным (см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 597).

¹ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 25.

² См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1993; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 61; Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М., 2003 (гл. 5); Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 77–82.

³ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002. С. 8.

тривал и раздел, посвященный гражданскому обществу. Однако действующая конституция России такой главы не содержит. Интересную в связи с этим мысль высказывает Ю.В. Пуздрач. Отсутствие в Конституции РФ упоминания о гражданском обществе свидетельствует о нежелании власти иметь жесткого и хорошо организованного соперника в лице гражданского общества (см.: *Пуздрач Ю.В.* История российского конституционализма IX–XX веков. СПб., 2004. С. 467).

Вместе с тем проблемы конституционного строя и гражданского общества неизменно присутствуют в публикациях, посвященных основам конституционного строя. Связано это прежде всего с крахом авторитарного режима, с необходимостью ограничения пределов государственной власти, с созданием условий, при которых возможно достижение требований справедливости и меры достигнутой свободы личности, переходящей в конечном счете в свободу всего общества, когда люди сами управляют социальными процессами.

В работах В.И. Гавриленко исследуются конституционные основы формирования гражданского общества, обосновывается конституционная природа институтов гражданского общества, раскрывается характер конституционных принципов гражданского общества (см.: Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 1993. Вып. 1; Там же. 1996. Вып. 2; Там же. 2003. Вып. 4; Вестник СГАП. 1998. № 3).

В работе Н.С. Бондаря обосновывается вывод: конституционный строй есть государственно-правовое выражение гражданского общества в России, гражданское общество — это сфера достижения баланса частных и публичных интересов, новая конституция России выступает как юридическое средство социального компромисса, поддержания и обеспечения гражданского мира и согласия в обществе (см.: *Бондарь Н.С.* Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: Учебное пособие. М., 2004; *Он же.* Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 4; *Он же.* Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11).

Необходимо отметить, что в науке конституционного права относительно гражданского общества как объекта конституционного регулирования есть особая позиция, высказываемая профессором

В.Е. Чиркиным. Он полагает, что словосочетание «гражданское общество» призвано подчеркнуть свободу личности от вмешательства государства. Но, во-первых, термин этот этимологически неудачен: гражданин — понятие государственное (а не личность, освобожденная от государства). Во-вторых, этот термин был создан общественной мыслью в XVIII в., сегодня его истолкование в зарубежной науке не идентично. В-третьих, в современных условиях невозможно представить себе общество и личность, совершенно свободные от государственного вмешательства, правовыми нормами государство регулирует пределы личной свободы (см.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право в Российской Федерации: Учебник. М., 2001. С. 78).

В.Е. Чиркин считает, что понятие «гражданское общество — это такая же идеологема, как базис и надстройка, но, в отличие от последней, первая даже не пытается объяснить природу права, просто оставляя его в стороне. Развитие же современного конституционного права идет не по пути все большего обособления, а, напротив, *все большего охвата различных сфер общества*, используя, однако, разные, в том числе гибкие методы регулирования, и оставляя определенные сферы для *саморегулирования* (см.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 12).

В другой работе он замечает: модель современной конституции далеко ушла вперед по сравнению с основными законами XVIII — XIX вв. В то же время именно в вопросах общественного строя российская Конституция больше всего, пожалуй, отстает от стандарта современного основного закона, от международного опыта... Поэтому нужно идти не назад, а вперед, реформируя прежние идеи с позиций в определенной мере социализированного и коллективизированного, интегрированного, постиндустриального, информационного общества. Жизнь движется не к рыночной стихии и надуманному «цивилизму» (вместо социализма) абстрактного «гражданского общества», а к социально ориентированной рыночной экономике, регулируемой в определенной мере государством, к социальной (а не только политической) демократии, к социальной справедливости, к сочетанию индивидуальных прав человека с общественными потребностями и правами различных общностей людей, к социальной функции частной собственности, вместо объявления ее «священной и неприкосновенной» (см.: *Чиркин В.Е.* Конституция: российская модель. М., 2002. С. 73, 26; см. также: *Он же.* О «сильном государстве» и его конституции // Государство и

право на рубеже веков: Матер. Всерос. конф. «Конституционное и административное право». М., 2000. С. 15–16).

Сущность строя, как известно, проявляется в характере и природе власти, существующей в государстве.

«Народовластие, — пишет Н.А. Боброва, — вот сущность конституционного строя» (см.: *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С. 49).

Народовластие — одна из основ конституционного строя. Но именно от системы власти зависит очень многое в любом государстве, а тем более в России. Ведь власть в России всегда выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности, Россия в полной мере испила чашу цезаризма. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России, к сожалению, продолжающий повторяться и в постсоветский период. Поэтому и современная конституционная модель государственной власти несет на себе печать прошлого.

Проблеме конституционного регулирования и обеспечения власти в постсоветской России уделяется в науке значительное внимание. Идеино-теоретическим предпосылкам современной концепции народовластия, ее конституционным формам посвящена коллективная монография (см.: *Дмитриев Ю.А., Журавлев А.Л., Комарова В.В., Мухачев И.В., Новиков Ю.А., Черемных Г.Г.* Народовластие в России — очерк истории и современного состояния / Под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 1997).

В.Н. Руденко, используя метод сравнительного правоведения, на основе дифференциации «мобилизационных» и «согласительных» политических систем, провел обстоятельное исследование двух групп институтов прямой демократии: институты, регулирующие принятие гражданами управленческих решений, и прямое правотворчество граждан — референдум, народная правотворческая инициатива, народное вето, общие собрания (сходы) граждан; институты, обеспечивающие прямое участие граждан в формировании системы публичной власти, — прямое волеизъявление граждан на выборах, отзыв депутата (выборного, должностного лица), институт роспуска выборного органа власти. Автор подробно рассматривает проблемы развития институтов прямой демократии в современном российском законодательстве. В контексте будущего политического устройства России важное значение имеет проблема «электронной демократии», получившая широкое развитие на

Западе (см: *Руденко В.Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003).

Заметным явлением стали работы В.В. Комаровой, Л.А. Нудненко, А.Н. Костюкова, в которых исследовались институты прямой демократии в современной России, продолжил исследование ее и автор настоящей статьи (см.: *Комарова В.В.* Формы непосредственной демократии в России: Учебное пособие. М., 1998; *Она же.* Референдумный процесс в Российской Федерации: Учебное пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, академика РАН О.Е. Кутафина. М., 2004; *Нудненко Л.А.* Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления России. М., 2002; *Костюков А.Н.* Непосредственное участие населения в осуществлении местного самоуправления. Омск, 2002; *Кабышев В.Т.* Конституционно-правовые институты непосредственного осуществления власти в субъектах Российской Федерации / Отв. ред. профессор В.А. Кряжков. М., 2002. С. 335–393).

В системе конституционного строя, в сущности его альфой и омегой, является принцип разделения властей. Его различные аспекты, грани присутствуют во многих работах. В российских условиях еще не выработаны достаточные цивилизованные формы разрешения противоречий между законодательной и исполнительной властями, независимость и самостоятельность судебной власти оставляет желать лучшего. Проблемам разделения властей федерального центра и субъектов РФ было посвящено много исследований, решений Конституционного Суда России (см.: *Чеботарев Г.Н.* Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Тюмень, 1997; *Сомов М.Д.* Разделение власти: Российский федеральный аспект: Учебное пособие. М., 1998; *Кабышев В.Т.* Конституционная система власти в современной России // Вестник СГАП. 1998. № 3).

Несомненно, познанию природы особенностей современной российской модели власти способствует и анализ событий конституционного кризиса в России 90-х гг. XX столетия (см.: *Шаблинский И.Г.* Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 годов). М., 1997). К сожалению, ни нынешняя российская элита, ни российская власть не извлекают из этого уроки, а зачастую делают наоборот.

Особое внимание в науке уделялось проблемам судебной власти. Известно, что в советский период данная проблема не являлась традиционной для науки отечественного конституционного права, она как бы находилась за пределами магистральных путей ее

развития. Даже само понятие судебной власти нашей правовой науке практически было не известно, так как система судебных органов исследовалась ею не с позиции понятия власти, а в аспекте организации судебной деятельности. Конституционные основы судебной деятельности были по существу не разработаны в отечественной правовой теории. Поэтому попытки рассмотреть судебную власть с общих позиций концепции народовластия, в качестве самостоятельной сферы государственно-властной деятельности и в контексте системы разделения властей вносили позитивный момент в познание механизма становления конституционного строя России. Раскрытие специфики правосудия в контексте современной конституционной модели судебной власти помогает как совершенствованию конституционного регулирования всей системы власти, так и ее правоприменительной деятельности (см.: *Ржевский В.А., Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998).

Вопрос о судебной власти, конституционном правосудии будет рассматриваться далее, в том числе и при анализе литературы, посвященной правам и свободам человека и гражданина, конкретно их судебной защите.

В этом контексте следует обратить внимание на книгу доктора юридических наук, профессора, судьи Конституционного Суда России Эбзеева Б.С. «Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд» (Учебное пособие для вузов. М., 1996).

Как уже отмечалось, за прошедшее десятилетие после принятия Конституции РФ 1993 г. вышло огромное количество научных источников, в том числе и посвященных конституционному правосудию в России. Но ценность вышеназванной книги состоит, во-первых, в том, что ее автор, известный конституционалист, одновременно и действующий судья Конституционного Суда РФ. На основе анализа правоприменительной практики Конституционного Суда и особенно судебного процесса с 16 мая по 30 ноября 1992 г. по делу КПСС он одним из первых в науке конституционного права исследовал ряд актуальных вопросов российского конституционализма, имеющих чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение.

Во-вторых, ценность данной монографии состоит и в том, что в ней практически впервые так детально аргументирован и с удивительной, по нашему мнению, конституционной филигранностью, присущей именно профессору Б.С. Эбзееву, дан анализ

конституционных аспектов взаимоотношений государства и политических партий.

Не касаясь других многочисленных вопросов конституционного права (сущности Конституции, ее прямого действия и непосредственного применения, правового статуса Конституционного Суда РФ), рассмотренных в данной книге и безусловно вносящих существенный вклад в теорию отечественного конституционного права, следует отметить, что в контексте анализируемой нами проблемы, а именно конституционного строя, взаимодействия отношений партии и власти, подходов к размещению этих проблем, сформулированных судьей Конституционного Суда Б.С. Эбзеевым в его особом мнении, имеют конституционно-методологическое значение как для этапа становления конституционного строя России в целом, так и для процесса формирующейся ныне политической системы, ее элементов политического и идеологического плюрализма, в частности.

Несомненно, нельзя обойти молчанием и огромный труд, посвященный судебному процессу по «делу КПСС», участником которого был видный государствовед, доктор юридических наук, профессор Ф.М. Рудинский, специалист, прежде всего, по проблемам демократии и прав человека и гражданина. Авторское видение процесса перехода к новому конституционному строю чрезвычайно интересно, дает настоящим и будущим исследователям дополнительный материал для размышлений. Разумеется, эти авторские оценки не бесспорны, но важно то, что пафос книги пронизан глубочайшим гуманистическим отношением к правам человека, которые должны определять пределы государственной власти. В этом и заключается сущность конституционного строя (см.: *Рудинский Ф.М.* «Дело КПСС» в Конституционном Суде. М., 1999).

У каждой страны свой путь к демократии, парламентаризму, в том числе и многопартийности. Особенность российского пути обусловлена 70-летним господством тоталитарной однопартийной системы, а также стремительными реформами 90-х гг. В аспекте дальнейшего развития основ конституционного строя интерес представляют работы С.А. Авакьяна, В.В. Лапаевой (см.: *Авакьян С.А.* Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996; *Лапаева В.В.* Право и многопартийность в современной России. М., 1999.).

Небезынтересны работы А.Д. Ермакова, в которых раскрывается содержание конституционных основ функционирования

политических партий как института конституционного строя, анализируется программно-целевая деятельность политических партий, декларируемые и реализуемые партиями конституционные цели (см.: *Ермаков А.Д.* Политические партии — институт конституционного строя Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; *Ермаков А.Д.* Конституционные цели в программах политических партий современной России / Под ред. В.Т. Кабышева. Смоленск, 2004).

В рассматриваемый период определенное, по нашему мнению, и явно недостаточное внимание уделялось институту собственности (см.: *Гошуляк В.В.* Институт собственности в конституционном праве России. М., 2003; *Ржевский В.А.* Проблемы собственности в конституционном праве // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвуз. сб. науч. раб. Ростов н/Д; Саратов, 1995).

В конституционном (государственном) праве еще в советский период данная проблема исследовалась в рамках общественного строя и экономической основы общества. Разрушение моноцентризма государственной собственности, создание правовой основы современной рыночной экономики в первые годы постсоветского этапа привело к колоссальному переделу имущества, который до сих пор продолжается. В результате как в литературе, так и в праве происходила своего рода канонизация частной собственности, что предопределяло нравственный дух и политико-правовую реальность данного этапа развития. В то же время Конституция РФ 1993 г. провозгласила признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Реально государственная и муниципальная собственность, собирательным понятием их именуют как «публичная собственность», занимают значительное место в национальной экономике страны, их доля составляет свыше 60%.

Анализу отношений публичной собственности в системе конституционного строя посвящена монография В.Д. Мазаева (см.: *Мазаев В.Д.* Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004). В ней исследуется конституционная природа данного вида собственности. Автор обосновывает многоаспектность публичной собственности: а) важнейший элемент экономической системы общественного строя наряду с частной собственностью; б) материальная основа экономических функций публичной власти; в) имущественная база публичной власти.

Автор полагает, что публичная собственность есть субинститут конституционного права. По мнению В.Д. Мазаева, это совокуп-

ность конституционно-правовых норм, закрепляющих отношения народа, народов, населения по поводу общественного блага в целях реализации публичного интереса с использованием, прежде всего, публичных образований, а также непосредственного волеизъявления народа и населения определенной территории (с. 144).

Важной составляющей в конституционно-правовом механизме реализации субинститута публичной собственности, считает В.Д. Мазаев, выступают ее конституционные принципы. Он полагает, что какова модель экономики в конкретном обществе, таковы и принципы права, регулирующие рыночные отношения. Поэтому построение эффективной модели экономической системы предполагает трансформирование рыночных принципов в общие и специальные правовые принципы, прежде всего, конституционные принципы данного общественного строя.

Через все исследование проходит главная мысль В.Д. Мазаева: недостаточная конституционная регламентация отношений публичной собственности, перекос в сторону экономического радикализма, отсутствие надлежащего парламентского контроля за экономическими процессами противоречат конституционным целям построения гражданского общества в России.

В книге содержатся многочисленные предложения о повышении роли публичной собственности в конституционном строе государства (об уточнении полномочий органов исполнительной власти, а также Президента РФ по управлению, прежде всего, объектами федеральной собственности, о повышении роли прямого волеизъявления народа в механизме правового определения статуса национального достоинства страны, а также по вопросам использования и распоряжения важнейшими объектами публичной собственности, о необходимости принятия системного акта о статусе публичной собственности и др.).

Одной из основ конституционного строя является суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного государства, распространяющийся на всю ее территорию. Мы проанализируем данную проблему при освещении российского федерализма. В данном случае считаем необходимым обратить внимание на следующее. В последнее время актуализировался вопрос о целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации. Это органичная часть территориального верховенства Российской Федерации как суверенного государства. В связи с этим интерес представляет новая монография академика РАН О.Е. Кутафина, посвященная многим аспектам неприкосновенно-

сти: в вопросах территории Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, в системе органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также неприкосновенности иностранцев и лиц без гражданства.

В последующих частях исследуемой нами темы мы коснемся еще ряда положений этой фундаментальной монографии. Необходимо отметить при этом следующее обстоятельство. В каждой из своих книг (о предмете конституционного права, источниках конституционного права, гражданстве) О.Е. Кутафин дает глубокий и детальный анализ исторического развития исследуемых категорий конституционного права, делая, безусловно, свои выводы. Образно говоря, историю науки конституционного права, а точнее ее отдельные разделы сегодня можно изучать исключительно по монографиям О.Е. Кутафина.

Применительно к конституционному строю интересны суждения автора об обеспечении неприкосновенности территории Российской Федерации (см.: *Кутафин О.Е.* Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004).

Конституционное десятилетие России открыло для нее возможность войти в число развитых демократий. «Сегодня, — отмечал Президент России В.В. Путин на приеме в честь 10-летия принятия Конституции РФ, — мы уже не представляем свою жизнь без свободных выборов, без целой палитры партий, политических движений и объединений, без преимуществ рынка и открытости миру. Без необходимых атрибутов демократии, успевших утвердиться и как норма нашей юридической жизни, нашего юридического языка, и как человеческая норма жизни» (*Путин В.В.* Наш долг — бережно относиться к Конституции // Журнал российского права. 2004. № 1. С. 3).

Однако мы живем в быстро меняющемся мире, в который человечество вступило в XXI в., его чаще называют эпохой глобализации. Планета вступает в новую эру своей истории. Глобализация как новое явление грандиозна, таинственна и до конца еще не познана. Влияние глобализации на процессы, происходящие как в мире, так и в России, — огромно.

В связи с этим уместно привести мнение М.С. Горбачева, который в статье «Уроки мировой политики» писал: «Мы уже живем в глобальном мире, но часто пытаемся жить и управлять делами по правилам старых времен. И отсюда много ошибок, просчетов в мировой политике. Это осложняет поиск миропорядка, который отвечал бы открывшимся возможностям и способствовал

бы укреплению свободы, демократии, становлению и развитию демократических систем, вообще демократическим преобразованиям, обеспечивал бы безопасность и решение жгучих проблем современности» (Российская газета. 2003. 1 сент.; см. также: *Бельков О.* Осмысление глобализации // Безопасность Евразии. 2003. № 3; *Лукашук И. И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2001; *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. М., 2003; Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М., 2004; *Кабышев В.Т.* Российский конституционализм в условиях глобализации // Вестник СГАП. 2004. № 1 и др.).

Конституционное десятилетие новой России актуализировало ранее неизвестную проблему — угрозы конституционному строю России в XXI в. В науке обращают внимание на различные аспекты этих угроз. Так, Зорькин В.Д. выделяет четыре угрозы:

1) атака на Вестфальскую систему мироустройства, то есть отрицание суверенитета национального государства и демократии как таковой. Это способствует выдвижению идеи управления по сетевому принципу и построения по этому принципу организаций для решения глобальных проблем;

2) угроза, связанная с наступлением на конституционные права человека в условиях борьбы с новыми вызовами и угрозами;

3) угроза, связанная с ограничениями в реализации конституционного принципа «социального государства»;

4) угроза, связанная с проблемами в обеспечении конституционного принципа «правового государства»¹.

Злободневны и чрезвычайно актуальны идеи, выдвигаемые В.В. Мамоновым: Национальная безопасность есть фактор стабильности конституционного строя Российской Федерации. Автор предлагает систему мер, направленных на предотвращение внешних и внутренних угроз конституционному строю Российской Федерации².

Созвучны в данном случае мысли В.О. Лучина и А.В. Мазурова об институте референдума. Как известно, Федеральный конституционный закон от 27 сентября 2002 г. «О внесении изменения

¹ См.: *Зорькин В.Д.* Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004.

² См.: *Мамонов В.В.* Конституционные основы национальной безопасности России / Науч. ред. В.Т. Кабышев. Саратов. 2002; *Он же.* Конституционные гарантии национальной безопасности России / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2004.

и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» ввел ограничения референдумов Российской Федерации. Законом (в ред. от 27 сентября 2002 г.) установлено, что граждане Российской Федерации не могут выступать с инициативой о проведении референдума Российской Федерации в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации в соответствии с решением, принятым уполномоченным федеральным органом, а также в случае, если проведение референдума Российской Федерации приходится на последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Проведение референдума Российской Федерации не допускается (за исключением случаев, когда референдум Российской Федерации инициируется в соответствии с международными договорами Российской Федерации) в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации на основании решения уполномоченного федерального органа, или если проведение референдума Российской Федерации приходится на последний год полномочий Президента РФ, иных выборных федеральных органов государственной власти.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 11 июня 2003 г. признал данный Федеральный конституционный закон не противоречащим Конституции РФ. Судья Конституционного Суда России В.О. Лучин в своем особом мнении по этому вопросу констатировал: «Народ, учредивший основы конституционного строя, вправе во всякое время своей непосредственной властью, являющейся высшей перед властью любых (выборных и не выборных) органов, изменить эти основы. Поэтому только народ (опять же путем референдума) вправе решать, когда и по каким вопросам можно или нельзя проводить референдум» (см.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 4. С. 44). «Право на референдум является неотчуждаемым правом народа, важнейшим практическим инструментом реализации его суверенитета. Истолкование, допускающее ограничение права народа на референдум законом, противоречит ст. 16 (ч. 1) Конституции РФ. Такое ограничение означает присвоение принадлежащих только народу властных полномочий, что запрещено ст. 3 (ч. 4) Конституции РФ (там же. С. 41).

Новый Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» еще больше ужесточил требования к подготовке и проведению референдума по инициа-

тиве граждан России (народа), но существенно облегчил его для органов власти. «Новые условия подготовки и проведения референдума, — отмечают В.О. Лучин и А.В. Мазуров, — беспрецедентно ужесточены, забюрократизированы и не имеют с демократией ничего общего» (Лучин В.О., Мазуров А.В. Новый Закон о референдуме // Право и политика. 2004. № 8. С. 9).

Следует констатировать, что вышеназванными Федеральными конституционными законами (от 27 сентября 2002 г. и от 28 июня 2004 г.) парламент России создал угрозу одной из основ конституционного строя Российской Федерации, а именно — народовластию. Федеральные выборные органы — Президент и Государственная Дума, — пишут В.О. Лучин и А.В. Мазуров, — не являются заместителями народа, поскольку они, не представляя собой источники власти, лишь осуществляют как представители народа отдельные властные полномочия. Такие полномочия могут быть переданы им по решению самого народа посредством выборов. Вместе с тем выборы не являются самоцелью народа и в демократическом правовом государстве не могут рассматриваться как самодостаточное выражение народовластия (Лучин В.О., Мазуров А.В. Референдум в России: конституционно-правовое регулирование и практика // Право и поэтика, 2003. № 9. С. 52).

Итак, в заключение заметим, что обозначены лишь важнейшие аспекты, круг авторов (безусловно, далеко не полный), основные теоретические источники, которые, надеемся, помогут будущим исследователям постичь — чем же занималась наука конституционного права постсоветской России, исследуя категорию «конституционный строй» и соответствующую конституционную практику Российской Федерации.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. Часть третья*

В системе понятий современной науки конституционного права важное место занимает категория «конституционная ответственность».

Следует отметить, что для науки конституционного (государственного) права советского этапа данной проблеме уделялось незаслуженно мало внимания.

Первой работой, посвященной проблеме ответственности в государственном праве в советский период, была статья Ю.П. Еременко и Ф.М. Рудинского «Проблемы ответственности в советском государственном праве»¹.

Исследованием данной проблемы занимались С.А. Авакьян, Н.А. Боброва, Т.Д. Зражевская². Столь недостаточное внимание к проблеме ответственности в советском государственном праве было обусловлено прежде всего идеологическими причинами. Для обеспечения реализации норм советской Конституции не нужно было собственного (отраслевого) механизма принуждения.

Режим советской политической системы обеспечивался монополией руководства аппарата КПСС. «В условиях строгой партийно-государственной дисциплины, — отмечает С.А. Авакьян, — трудно было представить поведение, не соответствующее конституционным нормам.

В частности, просто было невозможно создание общественных объединений с целями, не соответствующими официальной идеологии, или не соблюдающих норм права»³.

* © Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть третья // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. Выпуск 7. С. 6–15.

¹См.: Труды высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1974. Вып. 9. С. 29–41.

²См.: Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10; Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980; Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты). Воронеж, 1985.

³Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 90.

В постсоветский период ситуация с проблемой конституционной ответственности становится принципиально иной. Обусловлено это новым этапом в развитии российской государственности, усилением конституционно-правовых основ его построения и функционирования. Практика конституционного строительства постсоветской России вызвала к жизни огромное количество конституционных нарушений, которые потребовали введения значительного числа конституционно-правовых санкций, предусматривающих ответственность органов и должностных лиц публичной власти. Это расширение сфер государственного принуждения, если оно основано на праве, отмечает Ж.И. Овсепян, является одним из важнейших условий формирования сильного демократического правового государства и соответствует потребностям прогресса в общественном развитии¹.

В новейшей российской науке конституционного права проблематика конституционной ответственности становится наиболее популярной. Появилось много интересных исследований², практически ныне в каждом учебнике по конституционному праву России имеется глава, посвященная конституционной ответственности³. Причем данная глава находится в разделе «Предмет отрасли конституционного права». Это позволяет делать вывод (С.А. Авакьян, Ж.И. Овсепян), что конституционная ответственность наряду с предметом отрасли и методом является также основополагающим критерием разграничения отраслей права.

¹См.: Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005.

²См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000; Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000; Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006.

³См., например: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (гл. 2); Колюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М., 2006 (Лекция 8). А.Н. Кокотов конституционную ответственность рассматривает как одну из мер публичного принуждения в конституционном праве, куда он включает меры пресечения, защиты, восстановления прав, меры ответственности (см.: Кокотов А.Н. Конституционное право России: Курс лекций: Учебное пособие. М., 2006. С. 14–17).

Проблемам ответственности в конституционном праве была посвящена научно-практическая конференция, проведенная в МГУ в марте 2001 г.¹

Следует отметить, что в действующей Конституции России термин «ответственность» содержится в преамбуле, ст. 41, 54, 122 и в разд. 2 «Заключительные и переходные положения», где речь идет об ответственности Правительства РФ. Статья 122 посвящена исключительно уголовной ответственности. Однако прямого законодательного закрепления конституционной ответственности в Российской Федерации еще нет, и это существенный пробел. Лишь в постановлении Конституционного Суда РФ сформулирована правовая позиция Конституционного Суда РФ, например, о «конституционной ответственности Президента РФ за деятельностью Правительства РФ»².

В данной статье мы не претендуем на обстоятельный анализ идей о конституционной ответственности, уже высказанных в литературе. Наша цель иная. Представляется, что следует обозначить главные вопросы данной проблемы, которые неоднозначно освещаются в науке. Полагаем, что проблема конституционной ответственности еще ждет своего пристального исследования. Уместно в связи с этим привести слова академика РАН Садовниченко В.А.: «Производство знания — это бесконечный процесс. Никогда не наступит время, когда человек будет знать ответы на все, что его интересует. Всегда будет существовать тяга человека к новым знаниям»³.

Уникальность юридической ответственности, многогранность данного явления обусловлены прежде всего разнообразной практикой правоприменения. Учреждение института президента, Конституционного Суда в России, постоянно действующего парламента породили со всей остротой и проблему конституционной ответственности, ибо возникла необходимость обеспечения должного поведения участников конституционно-правовых отношений.

Ныне происходит становление правового института конституционной ответственности.

В системе науки конституционного права сделан серьезный задел для формирования общего учения о конституционной ответ-

ственности. Последняя постепенно становится одним из элементов конституционного строя России. Применительно к институтам конституционного права конституционная ответственность становится элементом статуса субъекта конституционно-правовых отношений (федеративных, властеотношений и т. д.).

Но несмотря на обилие исследований юридической ответственности как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, пока нет единого понимания ответственности. Современные попытки переосмыслить сущность юридической ответственности, сформулировать новое, оригинальное понятие юридической ответственности, отмечает Н.Н. Черногор, указывают на существование двух тенденций. Первая выражается в стремлении одних авторов максимально упростить понимание юридической ответственности, вторая — в искусственном усложнении соответствующих дефиниций¹. Отождествление ответственности с другими правовыми явлениями свидетельствует об умозрительных построениях в аргументации различных авторов. Ответственность — санкция, ответственность внутреннее отношение субъекта права к своему долгу, ответственность перед кем-то и т. д.

В конституционном праве преимущественно пишут о конституционной ответственности в негативном смысле, то есть ретроспективной ответственности (обращенной назад), наступающей за ранее совершенные действия. О позитивной ответственности пишут редко. Некоторые авторы даже отрицают ее существование в конституционном праве. Такой подход в общей теории права и в отраслевых юридических науках — рассматривать юридическую ответственность как негативные последствия, как кару, как обязанность претерпевать меры государственно-правового принуждения за совершение правонарушения — сложился под влиянием криминологических и цивилистических представлений об этом феномене правовой реальности².

Итак, актуальными вопросами конституционной ответственности, на наш взгляд, являются: понятие конституционной ответственности, ее структура, виды конституционной ответственности, основания и вина как субъективное основание ответственности.

Прежде всего попытаемся осветить некоторые из них. В России нет единства в понимании этого феномена. Одни ученые ответ-

¹См.: Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.

²СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

³Садовнический В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вестник Воронежского гос. ун-та, серия гуман. науки. Воронеж, 2005. № 2.

¹См.: Черногор Н.Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105.

²См.: Эбзеев В.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 209.

ственность данного вида называют «конституционно-правовая ответственность», «государственно-правовая ответственность», «конституционная ответственность», «ответственность в конституционном праве», рассматривая их как идентичные понятия (О.Е. Кутафин, В.О. Лучин). Другие, наоборот, считают, что предпочтительным является понятие «конституционная ответственность», пределы применения которой ограничены рамками конституционного права. Конституционная ответственность, по мнению А.В. Зиновьева, это только та ответственность, которая наступает за нарушение Конституции и которая предусмотрена нормами конституционного права¹. Б.А. Страшун полагает, что ответственность, установленную только Конституцией, точнее будет именовать конституционной ответственностью. Ответственность, установленную нормами конституционного права, то есть не только Конституцией, но и законами и другими нормативными актами, регулирующими отношения публичной власти, следует именовать конституционно-правовой ответственностью. Ибо между этими понятиями есть не только формальное, но и содержательное различие.

Конституционная ответственность имеет выраженную политическую подоплеку, ей присущи специфические основания и характер санкций, характер публично-властных органов, эту ответственность реализующих².

Неоднозначно подходят к позитивной ответственности в конституционном праве. Одни авторы считают, что позитивная и негативная ответственность неотделимы одна от другой. Чем выше уровень ответственности в позитивном смысле — тем реже имеет место ответственность в ретроспективном смысле³.

Однако О.Е. Кутафин полагает возможным отказаться от понятия «позитивная ответственность», поскольку его использование приводит к тому, что одно и то же явление именуется и обязанностью, и ответственностью, и может привести к размыванию предназначения ответственности как одного из эффективных регуляторов поведения⁴.

¹См.: *Зиновьев А.В.* Конституционная ответственность // Правоведение. 2003. № 4.

²См.: *Страшун Б.А.* К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001. С. 71–76.

³См.: *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 277.

⁴См.: *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 400.

Столь категоричное высказывание вызывает много вопросов. Во-первых, о каком виде конституционной ответственности идет речь в преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 года, где говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... исходя из **ответственности** (выделено нами. — В.К.) за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...». Ведь никто не будет отрицать, что эта ответственность имеет своим основанием Конституцию, так как преамбула Конституции РФ имеет нормативное значение, а также прямое действие. Во-вторых, отрицая наличие конституционной ответственности в позитивном смысле, мы придем к отрицанию и ответственности личности, а следовательно, прав и свобод человека.

Позитивная ответственность, отмечает Б.С. Эбзеев, своеобразный рефлекс свободы выбора личностью того или иного варианта поведения, что, в свою очередь, составляет существо демократии. Поведение личности, соответствующее нормам, установленным в обществе и закрепленным в Конституции, — есть объект позитивной ответственности¹.

Следует отметить, что в общей теории права так же неоднозначно мнение об ответственности в позитивном смысле. Ряд теоретиков решительно признают позитивную ответственность, называя ее статусной. «Статусная ответственность — это и есть позитивная ответственность, т. е. ответственность за надлежащее выполнение своих обязанностей, морально-правового долга»². Позитивная ответственность — это мера требовательности к себе и другим. Она постоянная, добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое надлежащее поведение. «Позитивная ответственность, — писали Н.А. Боброва и Т.Д. Зражевская, — это мера социально-правовой активности субъекта»³.

Позитивная ответственность, образно говоря, есть двигатель прогресса, она в первую очередь воздействует на поведение (правомерное) человека, она есть отражение объективного характера взаимоотношений государства и личности, граждан между собой и с различными социальными структурами с точки зрения

¹См.: *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. С. 210–214.

²*Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 124; *Он же.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 57–61; см. также: *Черных Е.В.* Методологические вопросы исследования структуры юридической ответственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Серия Юриспруденция. Вып. 43. Тольятти, 2004.

³*Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Указ. соч. С. 12.

сознательного осуществления предъявленных к ним взаимных требований, которые находят правовое выражение в форме юридических обязанностей¹.

И все же в юридической науке доминирует позиция, в соответствии с которой юридическую ответственность следует рассматривать только как ответственность «негативную», то есть ретроспективную. Еще И.С. Самошенко и М.Ф. Фарукшин считали, что юридическая ответственность с момента ее возникновения всегда была ответственностью за прошлое, за противоправное деяние. В противном случае пришлось бы признать, что лицо, не совершившее преступление, уже несет правовую ответственность. «Ни научные соображения, ни тем более интересы практики не дают основания для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствие правонарушения»². Ретроспективный взгляд на юридическую ответственность, только ее государственно-принудительный характер, имеет под собой прочные исторические причины. Основным субъектом реализации ответственности выступало государство, его органы, должностные лица, наделенные властными полномочиями.

Кара, наказание — вот эффективные регуляторы поведения людей, они оказывали самое глубокое психологическое воздействие на сознание человека. Они отвечали сущности государственной власти прошлого. Преодолеть этот стереотип в сознании людей в одиночку невозможно.

Мы коснулись структуры ответственности, ее позитивного и негативного аспекта, чтобы подчеркнуть все многообразие существующей объективной реальности, а также всю палитру порой противоречивых взглядов³.

Одним из важнейших элементов конституционной ответственности является основание ее наступления.

¹См.: *Эбзев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. С. 214.

²*Самошенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43.

³Анализ различных позиций о структуре юридической ответственности в общей теории права, в конституционном, в частности, дан в следующих работах: *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004; *Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А.* Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 1: Основы теории конституционного права. Ч. 2: Основы конституционного строя. М., 2004. С. 142–188; *Кондрашев А.А.* Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006.

Одни авторы полагают, что ответственность наступает при наличии правонарушения (конституционного деликта¹), другие допускают при отсутствии правонарушения, отсутствия вины.

При этом необходимо учитывать, какой вид ответственности имеется в виду — позитивный или негативный. Так, С.А. Авакьян выделяет пять аспектов вины при применении мер конституционной ответственности: наличие ее и субъекта ответственности (есть или нет); применительно к коллективному субъекту; при правомерном поведении субъекта; при применении санкции к одному субъекту, когда последствия ощущают на себе иные субъекты; соотношение «репрессивного» фактора и просто отрицательных последствий в конституционно-правовых отношениях².

Что касается мер конституционной ответственности, то этот вопрос наиболее подробно исследован в науке конституционного права. Можно полагать, что это центральный вопрос в проблеме конституционной ответственности. Центральным он выступает не только в социально-психологическом смысле, но, прежде всего, в практически-политическом. И здесь внимание перемещается на ретроспективный аспект, ибо, прежде всего встает вопрос: а какие меры государственного принуждения наступают для субъекта, совершившего конституционный деликт.

В.О. Лучин ставит вопрос: перед кем несет ответственность народ, принявший такую, а не другую Конституцию, ведь безответственный участник правоотношений — нонсенс для права³. Можно, конечно, ответить, что народ в данном случае несет ответственность перед будущими поколениями. И в связи с этим уместно еще одно замечание. Если в 80-е гг. Н.А. Боброва еще обосновывала наличие позитивной ответственности, то сегодня называет это научным романтизмом: «Именно романтизм проявила в своих прежних научных трудах об ответственности и автор настоящих строк. Как это ни парадоксально, но увлечение позитивной ответственностью власти, государства, его органов и должностных лиц, увело в сторону от индивидуальности их ответственности в собственно юридическом смысле и в каком-то смысле явилось

¹Теория конституционного деликта подробно разработана в работах В.О. Лучина (см.: *Лучин В.О.* Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1; *Он же.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 288–358).

²См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. С. 110–111.

³См.: Конституционное право: Учебник / Отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 134.

научным «обоснованием» фактической безответственности власти, якобы ответственной, прежде всего, в позитивном смысле. Этот научный романтизм не только не преодолен, но и получает дополнительные стимулы для своего культивирования, применительно к нынешней власти»¹.

Конституционное законодательство постсоветской России, словно чувствуя этот упрек романтиков — конституционалистов, закрепляет все более широкий круг мер ретроспективной конституционной ответственности. Так, если Е.И. Колюшин при издании своего курса лекций в 1999 г. насчитывает 19 мер конституционной ответственности (признание Конституционным Судом РФ акта или его отдельных положений неконституционными; признание Конституционным Судом РФ неконституционным не вступившего в силу международного договора РФ; признание Конституционным Судом РФ издание акта не входящим в компетенцию соответствующего органа государственной власти; приостановление Президентом РФ действия акта органа исполнительной власти субъекта РФ; выражение Государственной Думой недоверия Правительству РФ; роспуск Президентом РФ Государственной Думы в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ч. 4 ст. 117 Конституции РФ; отрешение от должности Президента РФ в соответствии со ст. 93 Конституции РФ и др.)², то А.А. Кондрашев уже в 2006 г. насчитывает 39 мер конституционной ответственности, правда, замечает — как негативной, так и позитивной³.

Мы не ставим целью анализировать отдельные разновидности конституционной ответственности, поскольку многие из них исследовались вышеназванными авторами, но здесь необходимо отметить следующее. В избирательное законодательство вновь (в который раз) введены новые меры конституционной ответственности: запрет на переход в другую фракцию, исключена графа в избирательном бюллетене «против всех»⁴.

¹ Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С.244.

² См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М., 1999. С. 23–26

³ См.: Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 69–73.

⁴ См.: Федеральный закон от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // Российская газета. 2006. 15 июля.

Исключение графы «против всех», по сути, есть законодательное ограничение свободы выборов. Это ограничение антиконституционно. Свободные выборы как институт конституционного строя России ограничиваются политической целесообразностью, целью определенных политических сил искусственно формировать построение развитой партийной системы. Установление данного запрета (иначе это нельзя назвать) не будет способствовать формированию правового государства. При этом естественно возникают вопросы: какое правонарушение (деликт) совершил избиратель, которому запрещается впредь голосовать «против всех»; в чем вина данной категории избирателей, которые в соответствии с предоставленными им Конституцией РФ правом свободно выразить свою волю в форме «за» конкретного кандидата или партию, «против» данного кандидата, партии, или вообще проголосовать «против всех»? В сущности введение данного запрета свободы выбора есть ограничение высшей конституционной ценности, закрепленной в ст. 2 Конституции РФ. Следует согласиться с мнением Михаила Горбачева, который считает, что такие изменения в избирательном законодательстве в сумме ведут к перерождению избирательной системы; на основе такого законодательства невозможно провести подлинно демократические выборы, обеспечить действительное участие народа в политическом процессе¹.

Но, видимо, такова судьба России, где власть существует ради власти. Последняя, устанавливая подобные меры конституционной ответственности, преследует цель — не ограничить вседозволенность носителей власти, а, наоборот — исключить оппозицию, ввести единомыслие. Такова метаморфоза мер конституционной ответственности.

Но все это уже было в нашей истории.

Таким образом, завершая краткий обзор точек зрения ученых на проблемы конституционной ответственности, отметим следующее. Особенностью конституционной ответственности является и то обстоятельство, что субъектом ее применения в конечном счете является народ как носитель и источник власти, имеющий естественное право выступать против любых форм узурпации власти. Поэтому, как отмечается в научной литературе, необходимо с исчерпывающей полнотой перечислить случаи права народа на со-

¹ См.: Горбачев М. Выборы, которые мы выбираем // Российская газета. 2006. 19 июля.

противление законной власти¹. В заключение заметим, мы только обозначили основные аспекты, круг авторов (конечно, далеко не полный), основные теоретические источники, которые, возможно, помогут будущим исследователям уяснить — чем же занималась наука конституционного права постсоветской России, исследуя категорию «конституционная ответственность» и соответствующую ей конституционную практику Российской Федерации.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. Часть четвертая*

В системе науки конституционного права исключительно важное место принадлежит категории гражданства. Понятие гражданства неотделимо от жизни любого государства и в том числе каждого человека в отдельности. Гражданство — это важнейшее условие обладания всем комплексом прав, свобод и выполнения юридических обязанностей. Институт гражданства изучается в курсах конституционного и международного права, но прежде всего он относится к конституционному праву. Поэтому для науки конституционного права данная проблема является традиционной. Изучением ее активно занимались многие ученые в советский период. Было написано немало работ о гражданстве. Так, за всю историю России гражданству (подданству) было посвящено семь монографий: В.М. Гессен «Подданство, его установление и прекращение» (СПб., 1909); С.С. Кишкин «Советское гражданство» (М., 1925); В.С. Шевцов «Гражданство в советском союзном государстве» (М., 1969); О.Е. Кутафин «Российское гражданство» (М., 2003); С.А. Авакьян «Гражданство Российской Федерации» (М., 1999); С.А. Авакьян «Россия: Гражданство, иностранцы, внешняя миграция» (СПб., 2003); О.О. Миронов «Гражданин Отечества» (М., 2006), а также защищено несколько кандидатских диссертаций. Но есть темы, как образно заметил профессор О.О. Миронов, вечные, как сам мир — это демократия, права человека, гражданство, ибо в них воплощается мечта людей о счастье, гармонии, благополучии¹.

Учеными-государствоведами советского этапа развития науки много было сделано в изучении содержания, основных особенностей советского гражданства, а также для анализа его принципов, обобщения правоприменительной практики².

* © Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть четвертая // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2007. Выпуск 8. С. 6–18.

¹ См.: Миронов О.О. Гражданин Отечества. М., 2006. С. 7.

² Подробный анализ различных точек зрения о содержании, понятии советского гражданства дается в фундаментальной монографии (см.: Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2003).

¹ См.: Эбзеев В.С. Конституция, правовое государство, Конституционный Суд. М., 1997. С. 25; Боброва Н.А. Указ. соч. С. 252.

Современный период характеризуется существенно возросшим интересом к исследованию института гражданства. Обусловлено это рядом факторов:

Во-первых, распад СССР изменил геополитическую карту мира. Территория Союза ССР стала территорией многих государств — бывших союзных республик в составе СССР, ставших суверенными государствами с проживающими в них гражданами.

Во-вторых, возрождение суверенной государственности России, юридически констатируемое в таком ее качестве Конституцией РФ 1993 г., обуславливает непереносимое правовое регулирование лиц, связанных с состоянием гражданства России.

В-третьих, конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью ставят это положение в ряду основ конституционного строя на первое место. Из данной конституционной ценности вытекает ряд обязанностей государства: признание прав и свобод человека и гражданина, их соблюдение и защита. Данный принцип пронизывает все содержание Конституции РФ. Эта конституционная реальность есть конституционный вектор практики законотворчества и применения законодательства, что принципиальным образом меняет характеристику российского гражданства, его понятие, основные элементы. Именно такое «прочтение» Конституции России позволило сместить акцент в дефиниции «гражданство» от принадлежности к государству до принадлежности к народу государства, а это существенно меняет характеристику юридической природы российского гражданства, отражает глубинную связь с необходимостью преобразований в нашей политической системе, в основе которой народовластие и гуманизм.

В-четвертых, российское гражданство в действующей Конституции — также одна из основ конституционно строя новой России, принципиальный существенный момент, не присущий прежним (советским) Конституциям России.

В-пятых, интерес к дальнейшему исследованию проблемы российского гражданства обусловлен динамизмом и противоречивостью российского законодательства о гражданстве.

Как известно, первый закон о гражданстве РФ был принят накануне распада СССР — 28 ноября 1991 г. Но вступил он в силу 6 февраля 1992 г., когда Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование. Последующие бурные изменения в политических, экономических, социальных и иных сферах государственной и общественной жизни

России и на международной арене привели к необходимости принятия нового Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.). К сожалению, в силу ряда причин, прежде всего субъективных, впоследствии пришлось вносить в данный Закон изменения и дополнения.

В-шестых, признание Россией общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в качестве источников российского права, составной части ее правовой системы заставляет Российскую Федерацию постоянно «сверять» свою правовую систему с нормами международного права. Процессы глобализации в государствах Европы и Азии могут впоследствии привести к такому виду гражданства, которое подобно союзному. Примечателен в связи с этим пример Европейского Союза, учредившего гражданство ЕС для стран ЕС. В Конституции ЕС предусмотрено «Гражданство Союза»¹.

В-седьмых, одной из тенденций современного развития науки конституционного права является введение в ее арсенал исследований дореволюционных российских государствоведов. Первый шаг в данном направлении сделан академиком РАН О.Е. Кутафиним в вышеназванной монографии «Российское гражданство».

Как известно, исследование вопросов гражданства ранее авторами ограничивалось лишь определенными историческими периодами развития России. Однако академик О.Е. Кутафин подробно исследует и взгляды русских государствоведов о понятии подданства и гражданства в дореволюционной России, охватывая, таким образом, все этапы развития российского государства, связанные с гражданством (подданством).

В-восьмых, современное российское право представляет собой сочетание нескольких принципиально разных правовых систем: советского законодательства, многие элементы которого сохранились, и «постперестроечного», то есть сформировавшегося за последние пятнадцать лет.

В свою очередь, «постперестроечные» элементы отчасти заимствованы из современных западных демократических систем. Не являются исключением в данном случае и нормативно-правовые акты по вопросам современного российского гражданства.

В-девятых, отличительной особенностью современной жизни стали массовые въезд и выезд. Миграция, эмиграция создают

¹ См. Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием). М., 2005.

проблемы для граждан, иностранцев и органов Российского государства.

После распада СССР за пределами Российской Федерации осталось свыше 25 млн русских и лиц иных национальностей, относящихся к титульным нациям Российской Федерации. Это обстоятельство вызвало появление целого ряда законов, нормативных актов по вопросам гражданства, правового положения иностранных граждан в Российской Федерации, миграции, статуса беженцев, вынужденных переселенцев и т. д. Таким образом, проблема гражданства оказалась в тесной связи с вышеназванными правовыми состояниями. Поэтому не случайно отдельные авторы исследование отношений гражданства сопрягают с правовым статусом иностранцев в Российской Федерации, миграцией¹.

Анализируя труды российских конституционалистов постсоветского этапа развития науки конституционного права, мы вновь возвращаемся к вопросу, что же сделано наукой в этот период вообще и применительно к предмету нашего исследования в частности. Автор ранее в предыдущих очерках формулировал ряд особенностей, характерных для современного этапа развития науки российского конституционного права, это — иная мировоззренческая направленность, «освобождение» ее от идеологизмов марксизма-ленинизма; формационные изменения государственного и общественного строя России, предопределяющие сущность конституционного строя и социальную роль конституционного права; расширение методологического инструментария науки конституционного права; существенное увеличение круга источников науки².

Развитие науки — процесс непрерывный. Каждый новый шаг в развитии науки открывает новые горизонты и ставит новые проблемы как перед самой наукой, так и перед практикой государственно-правового строительства. Сегодня, отмечает профессор Б.С. Эбзеев, требуется пересмотр и формирование во многом заново фундаментальных основ конституционного права России, адекватных историческому опыту отечественной государственности и потребностям переживаемого страной периода государственно-политического развития.

Чрезвычайно важны при этом как конституционализация всех сфер жизни государства, так и укоренение в обществе самого духа конституционализма¹.

Нельзя сказать, что все авторы, писавшие в постсоветский период о российском гражданстве, учитывали вышеназванные факторы.

Один из центральных вопросов гражданства — вопрос о его понятии, составных элементах.

Еще один из первых советских исследователей проблем гражданства С.С. Кишкин в 1925 г. писал: «Очень трудно дать более или менее удовлетворительное не только определение, но хотя бы описание понятия гражданства. Понятие это юридически представляется весьма трудно уловимым. В самом деле, что такое гражданство? Есть ли это известная совокупность прав и обязанностей, или это нечто вроде наиболее общей правоспособности, или, может быть, определенное юридическое отношение, или, наконец, особое состояние (статус)? Мне кажется, что на все эти вопросы можно было бы ответить отрицательно»².

Далее С.С. Кишкин писал, что этими перечислениями вовсе не разрешается проблема гражданства. Гражданство, по мысли С.С. Кишкина, это и не общая правоспособность, и не юридическое отношение. «Гражданство — это только формально-предварительный статус, который лишь в дальнейшей зависимости от целого ряда условий и обстоятельств заполняется уже конкретным содержанием. Можно лишь отметить, что этот статус действительно является первоначальным статусом лица, который подлежит установлению в первую очередь, ибо обосновывает порядок и границы определяемости данного лица соответствующими элементами правовой и политической системы страны»³.

Позднее С.С. Кишкин внес уточнения, отметив, что гражданство есть личная связь индивида с государством, обуславливающая возможность применения к данному лицу всех законов, определяющих правовое положение граждан данного государства⁴.

Строительство социализма в СССР, развитие его законодательства и соответственно взгляды ученых, в том числе и на отноше-

¹ См.: Эбзеев В.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 6.

² Кишкин С.С. Советское гражданство. М., 1925. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ См.: Кишкин С.С. Советское гражданство // Советский федерализм / Под ред. М.О. Рейхеля. М., 1930. С. 59.

¹ См.: например: Авакьян С.А. Россия: Гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб., 2003.

² См.: Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 1 // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2004. Вып. 5. С. 7–12.

ния гражданства, были адекватным отражением как юридической мысли, так и правосознания ученых¹.

В 60-х гг. XX столетия профессор И.Е. Фарбер обосновал широкий комплексный подход к пониманию гражданства как многогранного явления.

Полагаем, что цитирование идей И.Е. Фарбера по вопросу гражданства будет уместным. Профессор И.Е. Фарбер, обобщая взгляды теоретиков и государствоведов по проблеме гражданства, выделил главные моменты.

Гражданство он рассматривал в морально-политическом аспекте (патриот) и в юридическом. Как юридическую категорию гражданство он понимал в трех смыслах: субъективное право, правоотношение, правовой институт. Как субъективное право гражданство, по мысли И.Е. Фарбера, состоит из следующих четырех правомочий:

- 1) каждый человек имеет право на гражданство;
- 2) гражданство есть право индивида на защиту его прав человека со стороны государства;
- 3) гражданство есть право пребывать на территории своего государства;
- 4) гражданство означает право на равенство перед законом².

Идеи И.Е. Фарбера были развиты Б.С. Эбзеевым, дополнившим широкий подход к пониманию гражданства социальным, морально-нравственным и психологическим аспектами.

В свете сказанного чрезвычайно важен (мы, конечно, не умаляем значения и иных смыслов понимания гражданства) психологический аспект гражданства. Он позволяет соотнести в сознании принадлежность к числу граждан РФ, причастность к историческому прошлому, настоящему и будущему своей Родины

и восприятие самого себя как носителя частицы власти многонационального народа Российской Федерации¹.

Данный аспект имеет важное значение в контексте реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Проблема соотечественников для России это не только решение демографической ситуации, характерной для современного этапа. Она имеет духовную, нравственную основу. Выступая на Конгрессе соотечественников, Президент РФ отмечал: «соотечественник — категория далеко не только юридическая. И уж тем более — не вопрос статуса или каких бы там ни было льгот. Это в первую очередь вопрос личного выбора. Вопрос самоопределения. Я бы сказал точнее — духовного самоопределения. Этот путь не всегда прост. Ведь понятие «русский мир» испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса². Государственная поддержка соотечественников отражена юридически в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (в ред. от 31 декабря 2005 г.)³, основных направлениях поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на 2002–2005 гг. (распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2002 г.)⁴, Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637)⁵.

В Государственной программе подчеркивается: «Воспитанные в традициях русской культуры, владеющие русским языком и не желающие терять связь с Россией соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества». В связи с анализируемой проблемой гражданства особую актуальность имеет следующая констатация Государственной программы: «Участие в Государственной программе дает соотечественнику и членам его семьи, являющимися иностранными гражданами, или

¹ Детальный анализ взглядов ученых советского этапа на проблему гражданства см.: *Кутафин О.Е.* Указ. соч. С. 35–68.

² См.: *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в советском государстве. Саратов, 1974. С. 54–55. Аналогичные взгляды высказывал и О.О. Миронов. Гражданство как субъективное право, писал О.О. Миронов, складывается из ряда правомочий: правомочие находиться, проживать на территории государства; пользоваться защитой прав и законных интересов со стороны государства как на его территории, так и вне ее; иметь весь комплекс политических прав, предусмотренных советской Конституцией; замещать любые государственные должности (см.: *Миронов О.О.* Содержание категории «Советское гражданство» // Проблемы конституционного права. Саратов, 1974. Вып. 1(2). С. 89; см. также: *Мещеряков А.В.* Структура гражданства: история вопроса // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник науч. статей. Саратов, 2003. Вып. 4. С. 148–155).

¹ См.: *Эбзеев Б.С.* Указ. соч. С. 274–275.

² *Митрофанова Э.* Мать и мачеха // Российская газета. 2003. 3 сентября.

³ См.: СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670; 2002. № 22. Ст. 2031; 2004. № 35. Ст. 3607; 2006. № 1. Ст. 10.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. Ст. 4899.

⁵ См.: СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

лицами без гражданства, в приоритетном порядке право на получение разрешения на временное проживание, вид на жительство и на приобретение гражданства Российской Федерации»¹ (курсив наш. — В. К.).

Правовое регулирование статуса соотечественников, их исторической связи с многонациональным народом Российской Федерации вытекает из адекватного понимания и истолкования следующих положений преамбулы Конституции РФ 1993 г.: «...чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Как известно, преамбула Конституции РФ есть неотъемлемая составная часть Основного Закона России. Это, в частности, было подтверждено Конституционным Судом РФ в его постановлениях от 20 декабря 1995 г. и от 7 июня 2000 г.² Именно в преамбуле Конституции, отмечает Б.С. Эбзев, содержится универсальный социально-политический, нравственный и юридический критерий адекватности правоприменения в Российской Федерации³.

Таким образом, психологическая (широкая) трактовка российского гражданства находит выражение и в нормативном регулировании, открывает широкие возможности для наших соотечественников. Психологическое «прочтение» понимания российского гражданства соединяет историческое прошлое, настоящее и будущее России.

Итак, каковы структурные элементы гражданства?

Уместно напомнить мысль профессора И.Е. Фарбера. Он считал, что гражданство включает три необходимых элемента: а) распространение суверенной государственной власти на лицо и обязанности лица по отношению к государству; б) обеспечение гражданину прав человека, их охрана и защита при помощи законодательства и деятельности государственного аппарата; в) обеспечение гражданину прав на осуществление государственной власти и управление государством⁴.

В постсоветский период, высказываются иные идеи. Профессор Е.И. Колюшин писал, что понятие «российское гражданство» в современном конституционном праве имеет три качества: а) гражданство как устойчивая правовая связь человека с Российской

Федерацией; б) гражданство как конституционное право; в) гражданство как одна из основ конституционного строя России. Второе и третье качества не могут существовать без первого... В реальной жизни нельзя разделить гражданство как правовое состояние и гражданство как одну из основ конституционного строя России, так как они взаимопроникают друг в друга. Государство не может существовать без граждан и соответственно института гражданства. Поэтому целесообразно, делает вывод Е.И. Колюшин, под российским гражданством понимать устойчивую правовую связь человека с Российской Федерацией, в силу которой он может пользоваться правами и свободами, находиться под защитой государства как внутри страны, так и за границей¹.

Итак, по Е.И. Колюшину, гражданство — устойчивая правовая связь человека с Российской Федерацией.

Профессор А.Н. Кокотов в термине «гражданство» различает три основных значения: одно из суверенных прав государства; публично- правовое состояние индивидов; конституционно-правовой институт. В качестве суверенного права государства гражданство, по мнению А.Н. Кокотова, означает возможность государства в одностороннем порядке регулировать отношения гражданства.

Гражданство как публично-правовое состояние индивидов, есть их устойчивая правовая связь с государством в целом, выражающаяся в состоянии принадлежности индивидов своему государству. Данная связь является устойчивой и носит первичный характер по отношению к иным правовым связям индивидов и государства².

Следует заметить, что акцент в этих определениях гражданства на принадлежность лица к государству не согласуется с определением гражданства РФ, которое дается в ст. 3 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». «Гражданство, — отмечает С.А. Авакьян, — не делает человека «придатком» государства, не создает абсолютной подчиненности личности государству»³.

Гражданство — это неотъемлемый элемент современной государственной организации общества. Постоянное проживание на территории государства является выражением фактической, прочной и устойчивой связи лица с государством. Институт гражд-

¹См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М., 1999. С. 104–105.

²См.: Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М., 2003. С. 157–158.

³Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб., 2003. С. 18.

¹СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

²См.: СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54; 2000. № 25. Ст. 2728.

³См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В.Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2004. С. 21.

⁴См.: Фарбер И.Е. Указ. соч. С. 52.

данства, отмечает О.Е. Кутафин, в любом государстве выполняет двойную социально-юридическую функцию.

С одной стороны, гражданство является средством и способом защиты прав человека, с другой — институтом защиты прав и институтов государства.

Равновесие между этими двумя аспектами гражданства есть выражение соотношения интересов и прав личности, и прав и интересов общества и государства. Поэтому, пишет О.Е. Кутафин, наиболее правильным будет определение гражданства как принадлежности лица к народу государства, порождающей устойчивую правовую связь лица с государством и выражающуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей¹.

Такая трактовка понятия российского гражданства, а именно смещение акцента от принадлежности лица к государству к принадлежности лица к народу государства, соответствует духу, смыслу Конституции РФ 1993 г. Подобное «прочтение» Конституции РФ есть элемент формирования в науке, обществе и государстве духа конституционализма, соответствующего потребностям современного этапа развития России.

Немалое количество публикаций о гражданстве было вызвано изменением законодательства о гражданстве. О причинах просчетов и ошибок российского парламента по данному вопросу высказаны различные точки зрения².

Рамки настоящей статьи не позволяют представить детальный их анализ.

В механизме правового регулирования отношений гражданства принято выделять отношения признания гражданства, приобретение гражданства, прекращения гражданства. Есть особенности правового регулирования гражданства детей, двойного гражданства, лиц без гражданства.

Все это подробно изложено в учебниках, статьях, вышеназванных публикациях. Считаем, что по ряду этих вопросов следует высказать несколько соображений. Действующее законодательство о гражданстве не использует термин «признание гражданства». Справедлива в данном случае ремарка О.О. Миронова о том, что

¹См.: Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 79–81.

²См., например: Авакян С.А. Указ. соч.; Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 170–194; Михалева Н.А. Комментарий к Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации». М., 2003; Головистикова А.Н. Комментарий к Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации». М., 2005; Миронов О.О. Гражданин Отечества. М., 2006. С. 80–147; Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 276–296.

разработчики законопроекта отказались от понятий «признание гражданства», «почетное гражданство» без достаточных к тому оснований.

Верными представляются замечания О.О. Миронова о спорности ряда условий при приеме в гражданство Российской Федерации¹.

Особый интерес вызывает вопрос о двойном гражданстве. Институт двойного гражданства для России новый институт. Как известно, в советский период двойное гражданство категорически отвергалось как в законодательстве, так и в науке.

В правовой литературе отмечалось, что обладание лица двойным гражданством нарушает государственный суверенитет, ибо тем самым подрывается основополагающий принцип гражданства — осуществление полной юрисдикции суверенной государственной власти над своими гражданами².

Впервые двойное гражданство было официально признано Законом о гражданстве РФ 1991 г., а затем и в Конституции РФ 1993 г. (ст. 62). Признание института двойного гражданства, как отмечается в литературе, было вызвано необходимостью обеспечить со стороны России защиту прав, свобод русских, проживающих за рубежом, миллионы которых оказались за пределами территории Российской Федерации после распада СССР.

Но практика показала, что выигрыш для России был минимальным. Искусственное насаждение двойного гражданства в России, вопреки ее многолетним традициям, ничего положительного не дало. Бывшие союзные республики, входившие в состав СССР, отрицают двойное гражданство. Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 23 декабря 1993 г. двусторонним протоколом от 10 апреля 2003 г. прекратило свое действие. Безусловно, это вызвало негативные последствия для лиц с двойным гражданством, в основном русских, имеющих гражданство РФ³.

Необходимо отметить, что еще на Конституционном совещании в 1993 г. высказывались возражения против института двойного гражданства и его конституционного закрепления⁴. Двойное

¹См.: Миронов О.О. Указ. соч. С. 90–100.

²См.: Шевцов В.С. Гражданство в советском союзном государстве. М., 1969. С. 55.

³См.: Государство и право. 2005. № 6. С. 24.

⁴См.: Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 295; см. также: Авакян С.А. Указ. соч.; Кутафин О.Е. Указ. соч.; Миронов О.О. Указ. соч.

гражданство создает ряд негативных проблем с реализацией права наследования в другом государстве; при возможности занятия государственных должностей; избрании в российский парламент; допуске к государственной тайне, а также при желании выступать учредителями определенных видов СМИ.

В литературе совершенно верно отмечается, что второе («спящее») гражданство — ничего человеку не даст. Конституция РФ только констатирует факт возможности наличия у гражданина РФ гражданства иностранного государства, если Российская Федерация признает это второе гражданство в соответствии с международным договором. Но Россия считает данное лицо прежде всего гражданином РФ поэтому в имущественных отношениях приоритет отдается гражданству РФ.

Это положение подтверждается ч. 2 ст. 1195 ГК РФ, в которой сказано: «Если лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство, его личным законом является российское право».

Понятие «личный закон физического лица» — это распространенный вид коллизионной привязки в международном частном праве. Коллизионная привязка — это составная часть коллизионной нормы, представляющая собой указание на закон, то есть на правовую систему, которая подлежит применению к данному виду гражданских правоотношений с иностранным элементом¹.

В то же время ряд авторов считают, что двойное гражданство следует поощрять. Оно дает человеку в эпоху глобализации возможность расширять экономические и гуманитарные контакты, уменьшает разобщенность населения государств мира. Поэтому целесообразно внести упрощенный порядок получения двойного гражданства для тех, кто инвестировал деньги в экономику России².

С проблемой гражданства тесно связаны и вопросы миграции. Россия занимает второе место после США по количеству мигрантов. Миграционные процессы в России имеют два аспекта: международная миграция в России и внутренняя миграция по

территории России. Правовое регулирование этих отношений фрагментарно и несистемно¹.

В настоящее время наметились контуры формирования миграционного права как комплексной отрасли права и соответствующего комплексного законодательства².

Миграционные процессы тесным образом связаны с отношениями в сфере российского гражданства, осуществлением и защитой прав граждан Российской Федерации. Поэтому исследование данной проблемы актуально не только в научном плане, но, прежде всего, в практическом: обеспечение национальной безопасности РФ; увеличение трудового потенциала за счет мигрантов; прирост населения страны за счет лиц, добровольно переселяющихся в Российскую Федерацию и т.п.

Таким образом мы затронули только один аспект проблемы гражданства — его понятие, структуру элементов. Цель данной статьи — дать краткий обзор научной разработки исследуемой категории в постсоветский период, привлечь внимание начинающих исследователей к пониманию того, что проблема гражданства должна и в будущем быть в центре внимания науки конституционного права.

Полагаем, что принципы российского гражданства, признание, приобретение, прекращение гражданства несомненно имеют актуальность и также должны быть в сфере научных интересов.

¹См., например: Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с измен. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2700; № 46 (ч. 1). Ст. 4437; 2004. № 35. Ст. 3607; № 45. Ст. 4377; 2006. № 30. Ст. 3285; Российская газета. 2007. 10 января; Федеральный закон от 18 июля 2006 г. «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

²См.: Андриченко Л.В., Васильева Л.Н. Законодательство в сфере миграции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2006. № 1; Хабриева Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. № 7.

¹См.: Пиляева В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. Ч. 3. С. 178.

²См.: Михалева Н.А. Комментарий к Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации». М., 2003. С. 33–34; Розенфельд В.Г., Сиринько В.А., Бурицева М.В. Миграция в Российскую Федерацию и ее правовое регулирование // Правовая наука и реформа юридического образования: Сборник научных трудов. Вып. 20: Судебная реформа и правосудие в Российской Федерации: соотношение, правовое качество и проблемы / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2006. С. 177.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. Часть пятая*

Свободной Мысли вечная Душа, —
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода!
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.

Джордж Байрон. Шильонский узник

Проблема «права и свободы» человека и гражданина — одна из центральных в науке конституционного права. Свобода и права человека — это тот камертон, по которому определяют уровень демократизма, законности, конституционности, цивилизованности общества и государства.

Свобода и права человека — это идеал, к которому стремится человечество. Это душа жизни любого человека.

Права человека — это мерило его свободы, определяемое конкретно-историческими условиями бытия человека. Вся история развития общества свидетельствует, что каждая ступень его развития была вехой в обретении и расширении объема свободы человека.

«Всемирная история, — писал Гегель, — это прогресс в сознании свободы, прогресс, как в смысле познания объективной истины, так и внешней объективации достигнутых ступеней познания свободы в государственно-правовых формах»¹.

Проблема прав и свобод исследуется различными науками: философией, историей, юриспруденцией. В конституционном праве — это конституционный статус личности. Институт прав и свобод — центральный институт в конституционном праве. Он закрепляет свободу народа и каждого человека от произвола государственной власти. Институт прав и свобод человека и гражданина — сердцевина конституционного строя современной России.

* © Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть пятая // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. Выпуск 9. С. 22–36.

¹ Гегель. Соч. Т. 8. М.; Л., 1934. С. 98–99.

Свобода — естественное состояние человека, эта высшая ценность в ряду других ценностей после жизни.

Примечательно, что еще в Декларации независимости США 1776 г. было провозглашено: «Мы исходим из следующих самоочевидных истин, что все люди созданы равными, и все наделены их Создателем определенными неотчуждаемыми Правами, к числу которых относятся Жизнь, Свобода и стремление к счастью»¹.

История человечества свидетельствует, что стремление к свободе народа, человека — это двигатель его развития. Для России, чрезвычайно богатой, удивительно интересной и трагичной историей, проблема свободы человека всегда была тем оселком, который являлся стержнем ее развития.

Поэтому для современной России идея свободы личности стала неотъемлемой частью ее конституционной истории.

Конституция РФ 1993 г., учитывая тенденции мирового цивилизационного процесса, восприняла концепцию «человек — гражданское общество — государство».

Видимо, не случайно в действующей Конституции РФ термин «Свобода» используется 56 раз, причем в данный термин вкладывается различный смысл. Но в конечном итоге все значения термина «Свобода» относятся к характеристике конституционного статуса человека и гражданина.

В предыдущих очерках, анализируя труды российских конституционалистов постсоветского этапа развития науки конституционного права, автор сформулировал ряд особенностей, характерных для современного этапа развития науки российского конституционного права. Повторим, они сводятся к следующему: это — иная мировоззренческая направленность; «освобождение» ее от идеологизмов марксизма-ленинизма; формационные изменения государственного и общественного строя России, определяющие сущность конституционного строя и социальную роль конституционного права; расширение методологического инструментария науки конституционного права; существенное расширение круга источников науки; конституционализация всех сфер жизни государства, укоренение в обществе духа конституционализма².

¹ Цит. по кн.: Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества о древности до наших дней. М., 2003. С. 264.

² См.: Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Ч. 2 // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 10; а также: Там же. Вып. 8. Саратов, 2007. С. 9.

Необходимо отметить при этом следующее. Автор отдает себе отчет, что написание данного очерка — самая сложная, самая объемная, самая значимая в научном, практическом плане задача.

В реферативном, по сути, очерке невозможно проанализировать все богатство идей, мыслей, высказываний исследователей в этот 15-летний период по проблеме конституционного статуса личности. Безусловно, будущим исследователям интересно будет узнать и в таком формате — каких успехов достигла наука, какие гипотезы, концепции, идеи она выдвигала, к каким выводам приходила.

Несомненно, что проблема прав человека — одна из центральных в науке конституционного права. Но не менее она важна и для таких наук, как теория государства и права, международное право. Вклад этих наук имеет также большое значение для познания теории прав человека.

Сделать анализ их вклада задача посильная только многим научным коллективам. Исследователи отмечают, что социальная эволюция серьезно ускорилась во второй половине XX столетия. Если с начала нашей эры объем знаний человечества удвоился за 1650 лет, то за 70–90 гг. XX в. объем информации удваивался каждые 8–10 лет¹.

В конце XX в. в системе общественных наук сформировалась отрасль знаний, именуемая сегодня наукой прав человека. Идея ее возникновения зародилась на Западе в 70–80 гг., в СССР в начале 90-х гг. Она охватывала все науки как общественные, так и естественные. В России историю этого вопроса сначала описал В.А. Карташкин².

В 1992 г. профессор Ф.М. Рудинский опубликовал программу учебного курса «История, теория и практика прав человека», в которой обосновал, что теория прав человека не только учебный курс, но и самостоятельная наука, дающая целостное представление о социальном бытии человека³.

Впоследствии были изданы учебники «Права человека», в которых обосновывалась концепция научной и учебной дисциплины, синтезирующей политические, философские, правовые, этические, исторические учения о правах человека. Именно в эпоху

глобализации современного мира, усиления противоречий общественного развития проблема прав человека как неотъемлемое, неотчуждаемое достижение человеческой цивилизации приобретает исключительно важное значение. Ибо, как справедливо отмечает Е.А. Лукашева: «... без осуществления прав человека невозможно устойчивое развитие современного мира. Права человека, его свободы при всех возникающих катаклизмах — это ценностный ориентир в развитии общественных процессов»¹.

Наука прав человека, отмечает Ф.М. Рудинский, осуществляет следующие функции: теоретическую, методологическую, мировоззренческую, прагматическую и прогностическую, все они тесно взаимосвязаны². Поэтому достижения науки о правах человека, исследующей природу и сущность этого явления, его генезис, социальные, философские, политические, этические, религиозные предпосылки, помогают юридической науке вообще, конституционному праву в частности, глубже раскрыть, понять конституционный статус прав человека. Отражением данной закономерности в научном осмыслении теории прав человека явилось написание большого количества учебников, монографий, в которых дан комплексный анализ различных аспектов теории прав человека³.

После Второй мировой войны и позднее широко исследуется проблема международной защиты прав человека. Если в XX в. данная проблема находилась исключительно в сфере научных интересов ученых-специалистов международного права, то с принятием Конституции РФ 1993 г. наука российского конституционного права стала уделять пристальное внимание институту международно-правовой защиты прав человека. Конституция России 1993 г. при регулировании прав и свобод человека исходит

¹Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002. С. 4.

²См.: Рудинский Ф.М. Указ. соч. С. 28.

³См.: Права человека. История, теория и практика: Учебное пособие / Отв. ред. Б.Л. Назаров. М., 1995; Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999; Глушкова С.И. Права человека в России: Учебное пособие. М., 2005; Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2005; Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. 2-е изд. / Под ред. Ф.М. Рудинского. М., 2006; Готов С.А., Мазаев В.Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы. Путеводитель по специальному лекционному курсу для студентов / Институт национальной стратегии реформ. М., 2001; Эжитаин К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции: Учебное пособие для вузов. М., 2004; Конституционные права в России: дела и решения: Учебное пособие / Отв. ред. А. Шайо. М., 2002; Глухарева Л.И. Современные проблемы теории права человека. М., 2004.

¹См.: Хайтун С. Эволюционизм VS дарвинизм. Теория естественного отбора — одно из множества эволюционных учений // Независимая газета. 2007. 28 марта.

²См.: Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 56–58.

³См.: Государство и право. 1992. № 10. С. 39–53; см. также: Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права (труды разных лет). М., 2006.

из основополагающих принципов: многонациональный народ Российской Федерации сознает себя частью мирового сообщества (преамбула); в основе правового регулирования в Российской Федерации лежат и общепризнанные стандарты, принятые в международном сообществе (ч. 4 ст. 15); общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав и свобод человека и гражданина получили свое конституционное закрепление в Российской Федерации (ч. 1 ст. 17).

Прежний позитивистский подход в правовом регулировании прав человека, означавший, что свои права каждый человек получает исключительно от усмотрения государства, уступил место примату международного права в сфере определения конституционного статуса человека и гражданина¹.

Учреждение Конституционного Суда РФ, института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации обусловило такое обилие научных исследований по правам человека, что можно со всей определенностью сделать вывод: ныне сформировалось целое направление теории прав человека как в научном, так и практически-политическом, психологическом и мировоззренческом аспектах. И название ему уже определено — конституционализация. Конституционализация — это императив как в реальных отношениях участников общественных отношений, всех субъектов права, во всех сферах жизни общества и государства, так и в социально-психологическом сознании каждого. Следование правилам, установленным Основным Законом государства, уважение к конституционным ценностям всех членов гражданского общества независимо от их статуса, мировоззрения — есть гарантия соблюдения, прежде всего прав человека, залог нормального функционирования государства, государства, обеспечивающего поступательное развитие общества по пути цивилизованности.

Начало этому процессу, движению положила Конституция РФ 1993 г. Конституция, по образному выражению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, — это математика

свободы¹. Игнорирование, несоблюдение этой математики создает дисбаланс прежде всего между властью и свободой, ведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Идея прав человека, как известно, возникла еще в эпоху феодализма. Проблема неотчуждаемых, естественных прав человека впервые была широко обоснована в работе Д. Локка «Два тракта о правлении», в которой он на первое место ставил права человека, а не права правительства. Эти идеи легли впоследствии в основу первых конституций Запада.

Советское конституционное законодательство не употребляло термин «права человека», хотя он был присущ международно-правовым документам. В 70-х гг. XX столетия в советской науке государственного права предпринимаются попытки провести разграничение между понятиями «права человека», «права гражданина» и «права лица». Профессор И.Е. Фарбер в своей статье «Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе», опубликованной еще в 1967 г. (Правоведение. 1967. № 1), предложил данную конструкцию и критерии их разграничения. Права человека рассматривались как социальная категория, как социальные возможности человека иметь блага жизни. Включение этих прав в Конституцию придает им конституционно-юридическое качество, они становятся правами гражданина.

Права человека существуют вне правоотношений, права гражданина в общих правоотношениях, права лица в конкретных правоотношениях. Между правами человека, гражданина и лица нет абсолютных граней². Данная конструкция в то время встретила как поддержку (И. Сабо, В.А. Кучинский), так и возражения (Г.В. Мальцев, В.М. Корельский и др.).

Так, например, Н.В. Витрук в рецензии на книгу И.Е. Фарбера «Свобода и права человека в Советском государстве» писал, что права человека с точки зрения их формы бытия, по существу, представляют собой определенные идеи, требования (притязания) политического, морального, правового сознания передового класса общества. Они продиктованы условиями общественной жизни, уровнем социального прогресса, выражают общественное мнение, направлены на достижение идеалов трудящихся классов.

¹См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В.Д. Зорькин. М., 2007. С. 38.

²См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 35–42; см. также: Советское государственное право / Под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 135–139.

¹См.: Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. С. 60–144, 281–334; Хиженяк В.С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы / Под ред. В.Т. Кабышева. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2007; Готов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека. Саратов, 1999; Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права. М., 2002.

Овладев массами, они становятся серьезной материальной силой. Реальную значимость категории прав человека нельзя *применять*... Поэтому вызывает сомнение необходимость обособления категории прав лица (субъективного права)¹.

Впоследствии юридическая наука преодолела это противоречие².

Основной смысл данной конструкции состоял в том, чтобы показать юридический механизм превращения прав человека в субъективные права — как права гражданина. В тот период господствовала точка зрения: конституционные права — это не субъективные права, они существуют вне правоотношений, правоспособность не применима к конституционным правам и т. д.

Ныне юридическая наука преодолела такое понимание прав человека. Государственное признание прав человека — это форма их трансформации в права гражданина, которые, по образному выражению Б.С. Эбзеева, есть лишь *превращенные* (выделено нами. — В. К.) права человека³.

Следует отметить еще одно суждение профессора И.Е. Фарбера о соотношении социального и юридического в механизме конституционного регулирования.

Во-первых, отмечал И.Е. Фарбер, социальная основа прав человека коренится в социальных возможностях человека иметь блага.

Во-вторых, идея прав человека независимо от государственного признания (как возможность иметь блага) позволяет предметно изучать народное правосознание, общественное мнение, выяснить, что же понимают граждане под правами человека и насколько созрели условия закрепления этого сознания в законах государства⁴.

Необходимы были глубокие формационные изменения в нашем обществе и соответственно государстве, чтобы преодолеть данный вид правового нигилизма в правосознании ученых, в правопонимании. Сегодня утверждение — права человека, есть общесоциальная категория, они складываются объективно в результате развития и совершенствования общественного производства и политической

системы общества в виде социальных возможностей пользоваться различными благами и существуют еще до их государственного признания — считается аксиомой. Права человека, развивает эту идею Б.С. Эбзеев, как идея и социальная категория обладают внеформационным характером, являются атрибутом каждой личности и всякого демократически организованного общества и входят в систему общечеловеческих ценностей; права же гражданина — это такие права человека, которые признаны государством в конституции и находятся под его охраной¹.

Данным пассажем мы хотели показать, как отдельным ученым (из приведенных выше высказываний профессора И.Е. Фарбера) приходилось высказывать прогрессивные идеи. Конечно, они носили оттенок своего времени — классово-идеологический. Но иного и не могло быть в этот период.

Огромное количество источников в области исследования конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина обязывает нас обозначить главные проблемы, которые занимали умы ученых-конституционалистов в обозначенный в заголовке статьи отрезок времени.

Так, внимание ученых-конституционалистов в постсоветский период было обращено:

во-первых, на исследование понятия конституционных прав, свобод и обязанностей;

во-вторых, на раскрытие конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина;

в-третьих, на анализ классификации данных прав и свобод, исследование как выделяемых групп прав, так и детальный анализ отдельных прав и свобод;

в-четвертых, на особую актуальность, которую приобрела проблема ограничений прав и свобод;

в-пятых, на проблему защиты прав и свобод человека и гражданина, которой было посвящено значительное количество работ.

Существенным моментом в исследованиях выступает вопрос понятия конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Новое видение данной категории вытекает прежде всего из современного понимания роли и сущности Конституции России. Нельзя не учитывать и две противоречивые тенденции в динамизме прав человека в современном мире: с одной стороны, глобализация

¹ См.: Советское государство и право. 1976. № 3.

² См.: Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4; Он же. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003 и др.

³ См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 176.

⁴ См.: Советское государственное право / Под ред. профессора И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 138–139.

¹ См.: Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 176–178 и др.

общественных отношений, с другой — стремление к национальному и культурному самоутверждению, связанному с некоторым отторжением европейских стандартов¹.

В советский период профессор Л.Д. Воеводин писал: все записанные в советской Конституции права и обязанности являются Основными *по форме, по содержанию* они опосредствуют наиболее существенные, коренные, принципиальные отношения и связи между обществом и его членами, государством и его гражданами. Именно содержание прав и обязанностей выделяет их из всех основных прав и обязанностей граждан, обеспечивает им определяющее значение².

В своем более позднем труде, написанном с учетом положений Конституции РФ 1993 г., профессор Л.Д. Воеводин дает следующее определение понятия конституционного права и конституционной свободы:

«Конституционные права и свободы — это закрепленные в Конституции и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения, созидать и пользоваться предоставленными ему социальными благами как в личных, так и в общественных интересах»³.

Профессор Е.И. Козлова понятие основных прав и свобод человека и гражданина формулирует следующим образом: «Конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина — это его неотъемлемые права и свободы, принадлежащие ему от рождения (в надлежащих случаях в силу его гражданства), защищаемые государством и составляющие ядро правового статуса личности»⁴.

Следует отметить, что в литературе понятия «конституционные», «основные» права человека и гражданина употребляют как идентичные. Это вытекает из смысла ст. 17 и 55 Конституции РФ. Исходя из формального принципа, отдельные авторы считают, что под основными правами человека следует понимать права, содер-

жащиеся в конституции государства и международно-правовых документах по правам человека, в частности в Международном Билле о правах человека, а также в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г., Европейской социальной Хартии 1961 г.¹

Безусловно, это верно, так как в части прав и свобод Конституция РФ 1993 г. отвечает международным стандартам о правах человека.

При характеристике фактического содержания основных прав и свобод человека в науке всегда исходили из сущности характера Конституции.

В постсоветский период произошло переосмысление методологии познания сущности конституции от закрепления «действительного соотношения сил в классовой борьбе» к балансу многообразных интересов в обществе.

Человек, его права и свободы конституционно признаны высшей ценностью. Что это, отражение баланса интересов, складывающихся в обществе, или модель должного и программа переустройства общества и государства, отвечающая потребностям цивилизационного прогресса? С одной стороны, да! Но фактически в реальной жизни мы наблюдаем обратное. Права — это и реальность, но и декларация.

Так, в литературе отмечается, что доходы 10 % самых богатых в 15 раз превышают доходы самых бедных. Но данным же Мирового банка такое различие оценивается в 20 раз².

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 г. в разделе «Соблюдение прав человека в России» дается следующая общая оценка: «В последние годы Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации неизменно характеризовал ситуацию с правами и свободами человека в России как по многим параметрам неудовлетворительную». Главная из нерешенных проблем — сохранение огромного социально-экономического и психологического разрыва между «бедными» и «богатыми». Да, уровень жизни россиян постепенно возрастает, но он по-прежнему остается оскорбительно низким по

¹См.: Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999. С. 121.

²См.: *Примаков Е.* Россия в 2004 году: взгляд в будущее // Российская газета. 2005. 15 января; см. также: *Примаков Е.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Российская газета. 2008. 15 января.

¹См.: Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / По общей ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002. С. 9.

²См.: *Воеводин Л.Д.* Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 41–42.

³*Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М., 1997. С. 135.

⁴*Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 217.

сравнению со всеми развитыми и большинством развивающихся стран¹.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 г. отмечается, что несмотря на достигнутые в последние годы позитивные сдвиги в экономике, уровень жизни большинства населения все еще низок в сравнении со стандартами развитых стран... Существуют немалые проблемы и с реализацией декларированных в Конституции РФ политических и гражданских прав граждан... Несмотря на устойчивый характер роста экономики социально-экономическая политика государства не ознаменовалась пока сопоставимыми успехами в борьбе с бедностью, а социальная защищенность граждан по-прежнему находится на крайне невысоком уровне... Существовавшие проблемы с обеспечением социально-экономических прав граждан плавно «перетекли» в 2007 г. и в целом остаются нерешенными до настоящего времени².

Не случайно поэтому в науке такую ситуацию с правами и свободами человека и гражданина характеризуют как виртуальность, то есть нереальность многих конституционных прав и свобод³.

Можно соглашаться или не соглашаться со столь категоричным утверждением, но логично в таком случае возникают вопросы: какой же баланс интересов социальных групп (и каких) выражает Конституция РФ 1993 г. — 10% богатых и 90% бедных? И когда же наступит осуществление конституционной цели, провозглашенной в преамбуле Конституции: «обеспечить благополучие и процветание России»? И каким методологическим инструментарием руководствоваться, определяя сущность основных прав и свобод человека и гражданина в России? Определяя сущность Конституции России как баланс интересов социальных групп в обществе в данном случае *желаемое* выдается за *реальность*. А нужен ли миллионам бедных россиян такой баланс интересов?

В постсоветский период высказываются и другие мнения о сущности Конституции, определяющие природу конституционных прав свобод человека и гражданина. Справедливости ради следует отметить и иное мнение. Так, А.С. Автономов, характеризуя Кон-

ституцию как политический документ, подчеркивает, что Конституция как основной регулятор политических отношений «отражает соотношение политических сил, выражающих интересы различных социальных общностей к моменту одобрения конституционного акта или внесения в него изменений»¹.

Ф.М. Рудинский, анализируя сущность российской Конституции, отмечает, что познание сущности конституции должно охватывать не только исследование юридической конституции, но и подвергать исследованию фактическую конституцию, то есть реальный порядок управления в государстве, действительную ситуацию с осуществлением гражданами своих прав. Исходя из указанного методологического подхода, профессор Ф.М. Рудинский делает вывод: сущность современной российской Конституции можно определить как Конституцию государства капиталистической реставрации².

В контексте исследуемой проблемы представляет интерес следующая полемика. Н.С. Бондарь, характеризуя конституционное содержание основных прав и свобод, отмечает, что при этом необходимо исходить из объективного содержания самих общественных отношений, которые подвергаются конституционному регулированию. Именно материальное содержание этих отношений есть «доюридическое» существование прав и свобод, как выражение фактической конституции общества. «Естественный» потенциал прав человека как бы удваивается при конституционном закреплении прав и свобод, что юридически выражено в ст. 17 Конституции РФ³.

В.И. Крусс, осмысливая данный тезис Н.С. Бондаря, отмечает: не совсем ясно, однако, в какой момент эти отношения возникают и к каким именно правам относится сказанное, к собственно естественным, или к тем, «естественный» потенциал которых, по словам Н.С. Бондаря, «как бы удваивается», «усиливается ярко выраженными социальными факторами в силу того, что соответствующие возможности (права человека) складываются объективно в результате социально-экономического и политического развития общества и не зависят от государственного признания»⁴.

¹ Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2005. С. 59.

² См.: Рудинский Ф.М. Указ. соч. С. 1077–1089, 1104.

³ См.: Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005. С. 213–215.

⁴ Там же.

¹ См.: Российская газета. 2007. 13 апреля; Гонтмахер Е. Не доступная норма. 80 % — живут бедно. 20 % — трудно // Независимая газета — сценарии. 2008. 26 февраля.

² См.: Российская газета. 2008. 14 марта.

³ См.: Глухарева Л.И. Современные проблемы теории прав человека. М., 2004. С. 69.

Прочитав данный тезис Н.С. Бондаря, В.И. Крусс далее поясняет: отмеченных неясностей можно избежать, отказавшись от баснословной метафизики теории естественных прав (уже исчерпавшей свою историческую роль) и придав, тем самым, гораздо большее (и заслуженное) значение акту национального (общенародного) конституирования, хотя бы и происходящего под решающим влиянием глобального феномена международного (всеобщего) признания прав и свобод человека¹.

Не оспаривая право автора (В.И. Крусса) на исследование онтологии конституционного права — понимания, полагаем, что ни мировоззренческий, ни онтологический, ни гносеологический, ни аксиологический и другие научные дискурсы не могут, да у авторов и не получается, опровергнуть выводы, сделанные наукой конституционного права еще в советский период о том, что сущность основных прав и свобод человека и гражданина определяется фактическими, общественными отношениями, выражающими реальное отношение социальных сил. Это соотношение определяет соответствующие интересы сил, находящихся у власти. И механизм конституционного правоупотребления, модель которого обосновывает В.И. Крусс, представляет возможность каждому человеку пользоваться теми конституционными благами, которые он полагает для себя необходимыми².

Говоря об основных правах и свободах граждан, необходимо отметить, что в современный период высказывается мнение о том, что при определенных условиях носителями основных прав могут быть признаны юридические лица. Буквальное прочтение Конституции РФ говорит, что возможность обладания основными правами есть свойство лишь одного субъекта конституционно-правовых отношений — человека. Однако анализ российской арбитражной практики и практики Европейского суда по правам человека свидетельствуют о том, что юридические лица при определенных условиях могут быть признаны носителями основных прав. К.А. Рывкин на основе анализа правоприменительной практики выделяет следующие основания, когда юридические лица могут выступать носителями основных прав:

1) признание основных прав юридического лица необходимо для защиты прав и свобод физических лиц, стоящих за этим юридическим лицом;

2) юридические лица могут оказаться в ситуации, когда государство способно нанести существенный ущерб их правам и интересам подобно тому, как оно может угрожать правам, свободам и интересам физического лица;

3) вмешательство в деятельность юридического лица со стороны государства может затруднить реализацию прав и свобод неопределенного круга лиц (особенно применительно к средствам массовой информации, когда речь идет не только о правах граждан — учредителей юридического лица, но и о правах его работников, а также о правах потребителей его услуг);

4) вмешательство в деятельность юридического лица может нанести ущерб конституционным принципам и ценностям, поэтому защита юридического лица при помощи основных прав направлена на обеспечение публичного интереса.

В итоге автор делает вывод: юридические лица как в России, так и в европейских странах признаются носителями основных прав¹.

К сожалению, как в теории, так и в практике российского конституционализма данные идеи пока не находят своего широкого признания.

Несколько слов о соотношении понятий «основные права» и «основные свободы». Как в учебной, так и научной литературе отмечается, что юридическое различие между правом (субъективным) и свободой провести довольно трудно. По своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны. Различие в терминологии является скорее традиционным, сложившимся еще в XVIII—XIX вв.²

Конституционно-правовой смысл свободы М.В. Баглай определяет следующим образом: все люди свободны от рождения и никто не вправе отчуждать их естественные права; свобода человека не может быть абсолютной, она ограничена таким же состоянием других людей; закон есть мера свободы; часть дозволенного опреде-

¹См.: Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления / В.И. Крусс. М., 2007. С. 24–25; см. также: Журнал российского права. 2007. № 5. С. 157.

²См.: Колесников Е.В., Плотникова И.Н. Исследование актуальной проблемы теории российского конституционного права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 146–150. (Рец. на кн.: Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007. 752 с.)

¹См.: Рывкин К.А. Юридические лица как носители основных прав: российская и европейская практика // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 30–39.

²См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Рук. авт. кол. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М., 2005. С. 146; Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999. С. 132–133.

ляется через права человека. Закрепление прав необходимо для того, чтобы помочь человеку осознать свои возможности, но ни один набор прав не исчерпывает содержания свободы¹.

Б.С. Эбзеев, раскрывая диалектику свободы и прав личности, акцентирует внимание на конституционном аспекте свободы. Именно конституция как форма научного познания законов социально-исторического прогресса и способ их политико-юридического выражения и освоения в государственно-организованном обществе определяет общие границы достигнутой всем обществом социально-исторической свободы. Конституция закрепляет основы личной свободы, политической и экономической свободы граждан².

В условиях процессов глобализации XXI в. и новых вызовов современной эпохи важное значение приобретает проблема взаимоотношения власти и свобода личности как основа самоорганизации населения и формирования гражданского общества, что проявляется через призму формально-юридических, правовых форм ее движения. Н.С. Бондарь выделяет при этом три уровня правового значения свободы: свобода воли (в юридическом плане свобода воли выражается в правоспособности, дееспособности, деликтоспособности физического лица как субъекта права); свобода личности — состояние, положение человека в обществе; свобода как деятельная характеристика личности. Это предполагает широкие возможности для выбора различных вариантов активного поведения, для преобразующей деятельности личности.

На правовом уровне это реализуется в позитивном методе нормативного регулирования общественных отношений³.

Конституционный статус личности в качестве неотъемлемого элемента включает и обязанности человека и гражданина. Известный тезис — нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав — не получил широкого закрепления в действующей Конституции РФ. Об обязанностях сказано в самом тексте как бы вскользь.

«В отличие от прав и свобод, — отмечал Л.Д. Воеводин, — основные обязанности внешне не символизируют демократию, идею свободы личности. Они как бы стесняют и даже ограничивают их»¹. Это и понятно, ибо конституции многих стран мира об обязанностях своих граждан не упоминают, будто их совсем не существует (кроме обязанности платить налоги). Большинство современных демократических конституций ограничиваются установлением минимума конституционных обязанностей. В связи с этим и в науке российского конституционного права постсоветского этапа проблема конституционных обязанностей человека и гражданина не была объектом пристального научного внимания. Исключением является вышедшая в 2007 г. монография Б.С. Эбзеева «Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности». В ней обстоятельно исследуются генетические корни и историческое развитие взаимной ответственности и конституционных обязанностей личности и государства. Детальный анализ идей, излагаемых в указанной монографии, требует обстоятельного исследования. Однако рамки настоящей статьи не позволяют этого сделать.

В следующем очерке мы продолжим анализ работ конституционалистов постсоветского этапа по проблеме «конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина».

¹См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд., изм. и доп. М., 2006. С. 165–167.

²См.: Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 187–195.

³См.: Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: Учебное пособие. М., 2004. С. 17–26; Он же. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005. С. 165–170.

¹Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М., 1997. С. 35.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РОССИИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ*

Прошло 15 лет с тех пор, как действует Конституция Российской Федерации 1993 г. Общеизвестно, что нынешняя Конституция занимает выдающееся место в истории России.

Принятие в 1993 г. Основного Закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, «стало беспрецедентным событием в истории российской нации»¹, отметил Президент России Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации.

Конституция РФ закрепила слом советского тоталитаризма и переход к новому конституционному строю. В ней закреплены принципиально иные (чем ранее) ценности, нормы, принципы, которые определяют ориентиры социально-экономического, политического и духовного развития России в XXI в.

Прошедшие годы убедительно подтверждают, что российское общество приняло ценности подлинного конституционализма: свободу слова и совести, многопартийность и открытость границ, рыночные отношения и судебную защиту прав человека, суверенитет и народовластие, парламентаризм и разделение властей, верховенство закона, федерализм и местное самоуправление, признание и защиту всех форм собственности.

В то же время следует отметить, что рожденная в жесточайшей борьбе различных социально-политических сил российского общества, в борьбе между исполнительной и законодательной властями Конституция России несет на себе печать драматизма российских реалий того времени².

* © Кабышев В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 43–51.

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // РГ. 2008. 6 ноября.

² История создания Конституции РФ 1993 г. изложена в 6-томном издании. См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации: Конституционная Комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / Под общ. ред. О.Г. Румянцев. М., 2008; см. также: Батулин Ю.М. Конституционные этюды. М., 2008.

Конституция РФ стала одним из важнейших факторов стабильности в нашей стране. Несомненно, сегодня она выступает правовой основой модернизации государства и общества.

Пятнадцатилетний юбилей Конституции России актуализировал ряд проблем как теории, так и особенно практики ее действия и реализации.

Необходимо отметить, что в последние годы возросло внимание исследователей к различным аспектам теории конституции: (гносеологическому, аксиологическому, онтологическому, социологическому), а также механизму ее реализации¹.

Экстраполируя теоретическую систему развития науки — парадигму (термин, предложенный американским философом и историком науки Т. Куном) на российский конституционный процесс, позволим высказать еще ряд предварительных соображений. Т. Кун так определял научные парадигмы: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»², «парадигмы — источник методов, проблемных ситуаций и стандартов решения, принятых неким развитым научным сообществом в данное время»³, «парадигма — это то, что объединяет членов сообщества и наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму»⁴.

Высказанные идеи Т. Куна относились, прежде всего, к естественным наукам и, казалось бы, в нашем случае никакого отношения к теории конституции не имеют. Однако это не так. Парадигмы — это категории науковедения, модели роста научного знания. В данном случае мы вновь обращаемся к вопросу: как и почему случилось, что социалистическая модель конституции была отброшена, и в качестве основы Конституции России была предложена иная парадигма?

¹ См., например: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000; Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007; Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. М., 2008; Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Я. Теория современной Конституции. М.: Норма, 2005; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.

² Кун Т. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов. М., 2003. С. 17.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 229.

На первом этапе конституционных реформ (или как их называют анти-тоталитарной демократической революции) объединились желание, воля народных масс и руководителей государства к ликвидации тоталитаризма, но четкого представления о всех элементах и об общем характере того строя, который предполагалось создать, не существовало¹.

Мы столкнулись с ситуацией, когда конституционно-правовая практика в значительной степени стала обгонять развитие конституционной мысли. Ведь конституционные изменения запоздали во времени, так как в ходе них решались проблемы, которые были в других государствах в предшествующее столетие. По сути, это был кризис советской политико-правовой системы, вызвавший вакуум власти. В этот период существовали своеобразные диспропорции, порожденные модернизацией, между логикой социальных реформ (движение к демократии и парламентаризму) и логикой конституционных реформ (движение к правовому государству). Соединение этих специфических элементов переходного времени придавало конституционному процессу конвульсивный характер².

Поэтому не случайно только в период между I Съездом народных депутатов РСФСР (июнь 1990 г.) и IX Съездом (март 1993 г.), т. е. в течение двух с половиной лет, в Конституцию России 1978 г. было внесено свыше 350 изменений и дополнений. Такой конституционной чехарды мировая история ранее не знала.

В результате был механически заимствован зарубежный конституционный опыт. В связи с этим небезынтересно замечание американского профессора политологии Р. Шарлета: «В Конституции РФ 1993 г. можно увидеть конституционный эквивалент европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах»³. Не в этом ли одна из причин, почему так противоречив и труден процесс реализации Конституции РФ 1993 г.?

Отвечая на поставленный выше вопрос, почему была предложена иная конституционная парадигма, следует констатировать, что социалистическая модель конституции была отвергнута в силу

¹См.: Чиркин В.Е. Постсоциалистическое государство XXI века // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 11.

²См.: Медушевский А. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 2 (43). С. 154.

³Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 18.

объективных факторов: социально-экономических, политических, идеологических, психологических. Эти причины и факторы подробно проанализированы в различных областях общественных наук. Рамки настоящей статьи не позволяют детально останавливаться на данном вопросе. Но на один аспект позволим обратить внимание.

Так, периодически возникают и вновь затухают споры о легитимности действующей Конституции РФ. Мы считаем, что основные элиты, социально-политические силы приняли правила, установленные Конституцией РФ. Но небезынтересно напомнить, что и в ее десятилетний юбилей С.А. Авакьян провел историческую параллель появления Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции РФ 1993 г.: «История появления Конституции — наиболее щекотливый вопрос юбилейной тематики. Он будет постоянно висеть дамокловым мечом над современным политическим развитием России. Будет примерно то же, что произошло с разгоном Учредительного собрания в 1918 г.: затухая или возгораясь, проблема существовала столько, сколько существовала сама советская власть..., но наступило новое время, и события января 1918 г. стали поводом для того, чтобы обвинить соответствующие силы в неконституционном (узурпаторском) способе прихода к власти»¹. Будущее покажет, насколько пророческими окажутся эти слова. Можно напомнить, что вопрос о распаде Союза ССР, как заявляли позже бывшие руководители Советского Союза, даже в страшном сне не мог присниться.

Необходимо отметить, в научном сообществе, несмотря на официальные призывы прекратить разговоры на тему изменения действующей Конституции РФ, все же настойчивее звучит мысль: «В обществе складывается убеждение в необходимости принятия новой Конституции»². Позже В.Е. Чиркин пишет уже менее категорично, что рано или поздно такая необходимость (замены конституции, внесения в нее поправок) возникнет³.

¹Авакьян С.А. Конституция как символ эпохи // Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. Т. 1. М., 2004. С. 12.

²Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2002. С. 9; См. также: Авакьян С.А. Конституция как символ эпохи; Он же: Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11; Стариков Ю.Н. Будущее Конституции Российской Федерации: «реализация без изменений», «преобразование» или «неизбежность пересмотра»? // Право и политика. 2005. № 1, 2.

³См.: Чиркин В.Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 6

Ни в коей мере не претендуя ни на всесторонний анализ, ни на абсолютную истину в познании процесса реализации и действия Конституции РФ, позволим высказать авторское видение постсоветского конституционного процесса по ряду проблем.

К Конституции РФ необходимо подходить диалектически. «Отцы-разработчики» Конституции РФ и не предполагали, что реализация новых конституционных принципов, конституционных норм выявит многие противоречия.

В модернизации постсоветской России можно выделить три этапа.

Первый — это этап после принятия Конституции РФ 1993 г., его можно назвать этапом романтического конституционализма. Для него характерны гиперболизация курса либерально-демократических реформ с ее безудержной приватизацией, значительным ослаблением роли государства, курсом на конфедерацию в федеративных отношениях.

Второй — это этап, для которого характерны: в экономике — продолжение либерально-демократических реформ с акцентом на усиление роли государства; в федеративных отношениях — восстановление единого правового пространства России, четкое разграничение полномочий Федерации, регионов и местного самоуправления; в политике — попытки построения вертикали власти, курс на централизацию. В сущности, наметились общие контуры формирования новой политической системы, в центре которой — расширяющаяся многопартийность с элементами гиперболизации роли политических партий (последний год, по сути, монополия одной партии). Данный этап политологами в основном именуется как «управляемая демократия». Возникает вопрос: «управляемая демократия» — это проявление объективной закономерности процесса модернизации постсоветской России, диктуемой логикой переходного периода, или это не что иное, как «мягкий авторитаризм»? Ответ в данном случае не может быть однозначным.

Контуры третьего этапа — нового этапа развития — наметились в 2008г. Его элементы формулировались руководством страны как в предвыборных выступлениях, так и более масштабно, в Послании Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. В нем акцентировано внимание на незыблемости конституционных ценностей и целей нашего государства и общества. Была предложена система мер дальнейшего

развития гражданского общества и демократического государства, определены задачи перехода к экономике нового типа, способной обеспечить построение справедливого общества свободных людей. Несомненно, анализ Послания и результатов его реализации потребует самостоятельного исследования.

Одной из актуальных проблем РФ продолжает оставаться проблема народовластия. Как известно, народовластие — одна из основ конституционного строя, оно выражает его сущность. Именно от системы власти зависит очень многое в любом государстве, а тем более в России. Ведь власть в России всегда выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности, Россия в полной мере испила чашу цезаризма. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России, к сожалению, продолжающий повторяться и в постсоветский период. Поэтому и современная конституционная модель государственной власти несет на себе печать прошлого.

Как известно, Конституция РФ четко обозначила, что необходимо различать конституционную систему власти народа (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ) и конституционную систему государственной власти (ст. 11 Конституции РФ).

Законодательная формула — «народ осуществляет свою власть непосредственно» (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ) — имеет огромное значение и отражает суть конституционного строя, ибо только народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. Конституция РФ не случайно называет два института высшего непосредственного выражения власти народа: референдум и свободные выборы. Именно путем институтов прямой демократии представительная форма получает юридические полномочия от народа на осуществление государственной власти, т. е. конституируется.

К сожалению, в последние годы наметилась тенденция сужения институтов прямой демократии, прежде всего референдума и свободных выборов. Так, Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» ужесточил требования к подготовке и проведению референдума по инициативе граждан России, но существенно облегчил его для органов власти.

«Новые условия подготовки и проведения референдума, — отмечают В.О. Лучин и А.В. Мазуров, — беспрецедентно ужесточены,

забюрократизированы и не имеют с демократией ничего общего»¹. Ранее в особом мнении судья КС РФ В.О. Лучин констатировал: «Народ, учредивший основы конституционного строя, вправе во всякое время своей непосредственной властью, являющейся высшей перед властью любых (выборных и невыборных) органов изменить эти основы. Поэтому только народ (опять же путем референдума) вправе решать, когда и по каким вопросам можно или нельзя проводить референдум. Право на референдум является неотчуждаемым правом народа, важнейшим практическим инструментом реализации его суверенитета. Истолкование, допускающее ограничение права народа на референдум законом, противоречит ст. 16 (ч. 1) Конституции РФ. Такое ограничение означает присвоение принадлежащих только народу властных полномочий, что запрещено ст. 3 (ч. 4) Конституции РФ»².

К сожалению, аналогичная ситуация произошла и с модернизацией избирательного законодательства. Речь идет о следующих изменениях: переход полностью на пропорциональную систему распределения депутатских мандатов в Государственной Думе ФС РФ, 7% барьер для политических партий, запрет избирательных блоков, отмена графы «против всех» и порога явки избирателей на выборы.

Умозаключения автора могут показаться несколько парадоксальными. Прошли парламентские и президентские выборы, а также выборы в ряде субъектов Федерации с учетом вышеназванных изменений в избирательном законодательстве. Возникает вопрос, зачем вновь поднимать дискуссию, коль законодательно вопрос решен и апробирован в практике? Эти изменения на официальном уровне были названы, по сути, как революционные. Однако они неоднозначно были и восприняты и ныне оцениваются как в научных кругах, так и среди различных социально-политических сил.

Резюмируя различные оценки, можно, в сущности, выделить два подхода к этим избирательным новеллам. Первый: здесь мы имеем дело с проблемами конституционности и целесообразности. Так, например, при новом порядке выборов высших должностных лиц субъектов федерации (по существу их назначении) официально объясняли следующее: это необходимо, чтобы бороться с терроризмом. Потом эти объяснения были трансформированы в сле-

¹ Лучин В.О., Мазуров А.В. Новый Закон о референдуме // Право и политика. 2004. № 8. С. 9.

² Вестник КС РФ. 2003. № 4. С. 44.

дующей аргумент — изменения избирательного законодательства необходимы в рамках концепции вертикали власти.

Второй подход: вектор модернизации избирательного законодательства направлен на отчуждение народа от власти, ограничение избирательных прав и сужение демократии. Народ как субъект конституционных отношений практически отсутствует.

Не отрицая права на возможность построения «управляемой модели демократии» в России, позволим высказать и другую точку зрения. Да, к сожалению, режим вертикали власти имеет в своей основе моноцентризм власти. Он может обеспечить «стабилизацию проблем». Но моноцентризм порождает стабилизацию отношений только на определенное время и, к сожалению, ведет к «новому застою», а это уже было в истории советской России.

Если говорить о модернизации института свободных выборов в контексте баланса основ конституционного строя России, то в данном случае мы получаем некое противопоставление институтов, принципов конституционного строя. Это можно проиллюстрировать следующим образом. Так, исключение из избирательного бюллетеня графы «против всех» по существу явилось сужением, ограничением избирательных прав граждан. Сторонники ее исключения приводят следующие аргументы: данной графы в избирательном законодательстве ряда стран нет; цели реализации избирательных прав граждан имеют подчиненную роль перед целями формирования органов власти, у них также разная природа и мотивация.

Конституционное назначение выборов — это формирование органов публичной власти и выборных должностных лиц. Природа же избирательных прав — это участие в управлении делами государства и местного самоуправления, это юридическая возможность граждан принимать участие в различных избирательных действиях (в выдвижении кандидатов в предвыборной агитации и т. д.) посредством выборов. Безусловно, нельзя проводить разделение между частно-публичными и публичными началами в сфере реализации избирательного законодательства.

Но давайте поставим вопрос иначе. Получается, что избирательные права граждан ограничиваются в целях защиты основ конституционного строя. Одна из основ конституционного строя — народовластие. А как быть тогда с человеком, его правами и свободами? Ведь в ст. 2 Конституция РФ признает эту основу высшей конституционной ценностью. В нашем случае избирательные права ограничиваются в целях защиты власти.

Получается власть ради власти. В таком случае возникает разная значимость, несоразмерность конституционных ценностей. О каком тогда балансе между властью и свободой можно говорить? Это чрезвычайно тонкая грань, решаемая в России исторически в пользу власти.

Следует подчеркнуть, что КС РФ неоднократно в своих решениях обращал внимание на то, что, соблюдая баланс конституционных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, законодатель обязан соблюдать принцип соразмерности вводимых им ограничений конституционно значимым целям и не допускать искажения существа прав любой стороны соответствующего правоотношения. Исключение графы «против всех», по сути, есть законодательное ограничение свободы выборов. Это ограничение антиконституционно. Свободные выборы как институт конституционного строя России ограничиваются политической целесообразностью, целью определенных политических сил искусственно формировать построение партийной системы. В данном случае мы имеем проявление парадигмы развития российской политической системы: «конституционность — целесообразность». К сожалению, целесообразность становится доминирующей.

В контексте вышесказанного следует отметить, что и ранее в науке выражалась тревога по поводу того, что участие народа в управлении государством свелось к нулю, политические партии превратились в придаток государственного аппарата либо в корпоративные кланы, цели которых не всегда совпадают с интересами широких слоев населения¹.

Ю.А. Тихомиров, анализируя проблемы демократического режима управления на основе социологических опросов, также признает: эффективность участия граждан в управлении пока остается невысокой².

Более категорично звучит вывод Б.С. Эбзеева: «Смоделированный Основным Законом конституционный строй все еще находится в процессе становления. Угрожающие ему опасности вполне реальны. В их числе — само государство, способное поглотить гражданское общество и являющееся потенциальной угрозой как правам отдельного индивида, так и правам совокупного человека — народа; столь живучий в нашей стране цезаризм, от

¹ См.: Ноздрачев А.Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14.

² См.: Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007. С. 367.

которого в самой Конституции нет должных гарантий, и извращение самой идеи действенного народного представительства; политические партии, узурпирующие права народа в его отношениях с государством...»¹.

Чрезвычайно актуальной проблемой реализации Конституции РФ продолжает оставаться проблема обеспечения, гарантированности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Как известно, проблема права и свободы человека и гражданина — одна из центральных как в науке конституционного права, так и в механизме реализации Конституции РФ. Свободы и права человека — это тот камертон, по которому определяют уровень демократизма, законности, конституционности, цивилизованности общества и государства; это идеал, к которому стремится человечество.

Права человека — мерило его свободы, определяемое конкретно-историческими условиями бытия человека. Свобода — естественное состояние человека, высшая ценность в ряду других ценностей после жизни. Поэтому закономерно, что человек, его права и свободы в нашей Конституции признаны высшей ценностью, все остальные общественные ценности занимают иной конституционный уровень и не могут ей противоречить. Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать конституционно закрепленные права и свободы человека — это выражение сущности нового конституционного строя. Вместе с тем это одновременно и гарантия конституционности государства².

Несмотря на широкий набор конституционно-правовых средств защиты прав и свобод человека, практика свидетельствует о значительных нарушениях прав и свобод человека в России.

С одной стороны, мы можем гордиться, что у нас получили конституционное закрепление в качестве основ конституционного строя свобода экономической деятельности, равенство форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, а также гарантированы многие политические и личные права. В общем, конституционное закрепление института прав и свобод отвечает мировым стандартам.

¹ Эбзеев Б.С. Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражение в Конституции // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «СГАП». Саратов. 2008. С. 45. Данная статья поступила в сборник еще тогда, когда Б.С. Эбзеев являлся судьей КС РФ.

² См.: Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 416.

Но, с другой стороны, как отмечается в научной литературе и докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, доходы 10% самых богатых людей в 15 раз превышают доходы самых бедных. По данным же Всемирного банка, такое различие оценивается в 20 раз¹. Поэтому не случайно в науке эту ситуацию с правами и свободами человека и гражданина характеризуют как виртуальную, т. е. свидетельствующую о неосуществленности многих конституционных прав и свобод.

Можно соглашаться либо не соглашаться со столь категоричным утверждением. Но в таком случае возникают вопросы: какой же баланс интересов социальных групп (и каких) выражает Конституция РФ — 10% богатых или 90% бедных? И когда же наступит осуществление конституционной цели, провозглашенной в преамбуле Конституции: «обеспечить благополучие и процветание России»²? И каким методологическим инструментарием руководствоваться при определении сущности основных прав и свобод человека и гражданина в России? Определяя сущность Конституции РФ как баланс интересов социальных групп в обществе, в данном случае желаемое выдается за действительное. Нужен ли миллионам бедных россиян такой баланс интересов?

Таким образом, общество в основном не получило того, что провозглашено в Конституции РФ, потому что проводимые реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) не завершены, а их реализация наталкивается на ряд объективных и субъективных преград.

Вместе с тем вызывают оптимизм предложения Президента РФ Д.А. Медведева о поэтапном снижении минимального количества членов организации, требуемых для регистрации новой политической партии, о внесении поправок в законодательство о партиях, обязывающих производить ротации руководящего партийного аппарата, согласно которым одно и то же лицо не может занимать определенную руководящую должность в аппарате партии дольше определенного срока, а также предложения, направленные на

¹См.: *Примаков Е.* Россия в 2004 году: взгляд в будущее // РГ. 2005. 15 янв.; см. также: *Примаков Е.* 2007: прощание с псевдолибералами // РГ. 2008. 15 января; РГ. 2007. 13 апреля; РГ. 2008. 14 марта.

²Ю.А. Тихомиров пишет, что преамбула Конституции РФ обладает нормативными свойствами, поскольку ее содержание служит общеобязательным (нормативным) критерием толкования и применения всех положений Конституции и действующего законодательства. См.: *Тихомиров Ю.А.* Современное публичное право: монографический учебник. М., 2008. С. 257.

демократизацию избирательного процесса и повышение уровня и качества органов народного представительства и ряд других (о формировании Совета Федерации ФС РФ, о расширении конституционных прав Федерального Собрания РФ и т. д.).

Одни авторы видят выход в пробуждении народных масс, возрождении конституционного движения в России в новом «прикладном» формате, появлении новой русской буржуазии, заинтересованной в установлении и защите правопорядка¹. Другие предлагают воспитать у россиян конституционный патриотизм, верность Конституции РФ, повысить уровень конституционной культуры, укоренить дух конституционализма в психологии людей.

Главная причина сегодняшнего кризиса, по нашему мнению, не в конституционной модели власти, не в Конституции РФ, а вне ее, в реальном соотношении социально-политических сил и в правовой культуре общества. Скорость и частота социально-экономических, политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень.

Необходимо понять, что Конституция РФ не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собою все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью и игнорирования конституционных установлений. Абсолютизировать юридические средства и механизмы не стоит, но пренебрегать ими также не следует.

Культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов. Дух фактического властвования сегодня составляет доминанту социально-экономического, политико-правового развития России.

Многие констатируют, что Конституция РФ все эти 15 лет «жила» не так, как этого хотели и замыслили ее идеологи. Конституция — это своего рода идеал должного состояния государственности, демократии, гражданского общества, идеал, постоянно устремленный в будущее, а жизнь всегда богаче любых правовых форм. Стабильность конституционного строя не определяется буквальным соответствием фактической и юридической конституции. Фактическая, реальная конституция практически никогда не соответствует в полном объеме юридической конституции. Основа фактической конституции в незыблемости конституционного

¹См.: *Пастухов В.* Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63).

строю. На это должна быть направлена конституционно-правовая практика государства. Следует констатировать, что Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и свободам человека в одночасье нельзя. Реализация положений Конституции РФ — многогранный, длительный процесс, в основе которого лежит неуклонное соблюдение конституционных норм и принципов.

«Заявленные Конституцией цели, ценности и механизмы, — отмечает в Послании Федеральному Собранию Президент РФ Д.А. Медведев, — доказали свою состоятельность. Помогли нашему обществу преодолеть трудности и выйти на путь устойчивого развития. И мы будем дальше максимально использовать потенциал Основного Закона». И в обозримом будущем, по нашему мнению, нечего лучше, чем Конституции РФ, не предвидится.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ РОССИИ: РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ*

Выдвинутая политическим руководством Российской Федерации стратегия развития России до 2020 г. ставит задачу построения инновационного общества. Основная цель стратегии инновационного развития страны — повышение качества жизни российских граждан¹. Актуальность и важность данной стратегии развития многоаспектна, многомерна и имеет не только и не столько экономическое, политическое, но и конституционно-правовое, нравственное значение. Это вытекает из основы конституционного строя России, закрепляемой в ст. 2 Конституции Российской Федерации.

В России складывается, или, точнее говоря, утверждается, новый конституционный строй. В сущностной основе этого строя лежат экономические отношения. Именно они выражают природу нового конституционного строя.

Экономический строй, как важная составляющая российской государственности, находится во взаимосвязи с другими элементами экономической и политической систем.

В контексте нашей конференции вновь встает вопрос: какова при этом роль Конституции? Но прежде необходимо взглянуть в наше советское прошлое. Известно, что советские конституции закрепляли отдельные элементы экономических отношений. Наиболее широко регулировала институты экономического строя (собственность, труд, распределение, общественные фонды потребления, принципы руководства народным хозяйством) Конституция СССР 1977 г.

Следует отметить, что в 80–90-е гг. прошлого столетия в советской науке государственного (конституционного) права вопросы конституционного регулирования экономических отношений ис-

* © Кабышев В.Т. Конституционные принципы экономического строя России: регулирование, проблемы реализации // Ученые записки юридического факультета. Вып. 12 (22) / Под ред. А.А. Ливеровского. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2008. С. 109–112.

¹ Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года // Российская газета. 2008. 9 февраля; Медведев Д.А. Россия будет страной, в которой граждане гордятся ее настоящим // Там же. 2008. 22 февраля.

следовались в рамках более широкой проблемы — общественно-политического строя. Значительный вклад в разработку данной категории внесли профессора В.А. Ржевский¹ и О.Е. Кутафин². Справедливо при этом будет назвать и весьма интересную статью профессора И.Е. Фарбера «Конституционное регулирование собственности в советском обществе»³.

В тот период профессор И.Е. Фарбер писал: смысл конституционного регулирования отношений собственности прежде всего в том, чтобы юридически закрепить и регулировать взаимоотношения политической власти и собственности, определить исходные позиции власти суверенного народа к собственности как основе общественно-политического строя и, наоборот, собственности к делу организации и функционирования народовластия⁴.

Собственность в обществах с разным типом собственности выполняет различные социальные функции. Несмотря на то, что в России сейчас принципиально иная ситуация, вышесказанное (взаимоотношения власти и собственности) применимо и ныне. Кто собственник и на каких принципах основано использование собственности — это определяет по сути многое, если не главное и в жизни нашего, российского, общества. Не случайно в ч. 2 ст. 14 Основного закона Федеративной Республики Германии 1949 г. говорится: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу». Эта конституционная норма есть, но сути, выражение социальной функции собственности.

В российской Конституции отсутствует понятие «экономический строй». Данный термин присущ, например, Союзной Конституции Швейцарской конфедерации 1999 г., принятой 18 апреля 1999 г. на референдуме и вступившей в силу 1 января 2000 г. Статья 94 этой Конституции называется «Принципы экономического строя». Главным принципом экономического строя провозглашен принцип экономической свободы, выражающийся в конкуренции в рамках частной, ориентированной на рыночные отношения экономики. При этом Швейцарская конституция до-

¹ Ржевский В.А. 1) Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа. Ростов-н/Д, 1974; 2) Общественный строй развитого социализма. Конституционное содержание, структура, регулирование. М.: Юрид. лит., 1983.

² Кутафин О.Е. Конституционные основы общественного строя и политики СССР. М.: Изд-во МГУ, 1985.

³ Проблемы конституционного права. Саратов, 1969.

⁴ Там же. С. 11.

пускает отклонения от принципа экономической свободы в случаях, направленных на поддержание сельского хозяйства регионов, экономика которых находится под угрозой, на стимулирование развития отдельных отраслей и профессий, защиту национальной экономики от внешних факторов¹.

В науке российского конституционного права выделяют следующие элементы конституционных основ экономического строя: социально-ориентированная экономика; формы собственности и гарантии их защиты; использование и охрана земли и природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на территории России (ст. 7–9); гарантии реализации экономических основ конституционного строя (ст. 74, 75); экономические права и свободы человека и гражданина (ст. 34–37); государственное регулирование экономики².

В свете сказанного Л.Ю. Кузнецова формулирует следующую систему конституционных принципов, на основании которых функционирует современная экономика: свобода экономической деятельности, единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств, поддержка конкуренции и ограничение монополизма, признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности³.

Общеизвестно, что конституционный принцип это особый вид конституционной нормы. Именно поэтому он позволяет адаптировать конкретные конституционные нормы к постоянно изменяющимся условиям общественной жизни. «Буква» права сдерживает развитие конституционного права, но его «смысл и дух» животворны.

Вышеназванные конституционные принципы экономического строя как фундаментальные устои конституционного строя в целом воплощают в себе в наиболее концентрированном виде дух и смысл Конституции⁴.

В постсоветский период исследование конституционных основ экономического развития России занимает видное место. Следует

¹ Авраменко С.Л. Новая Конституция Швейцарской Конфедерации: право и современность // Государство и право. 2001. № 7. С. 80.

² Кузнецова Л.Ю. Конституционные основы экономического строя современной России: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Саратов, 2006. С. 7–8.

³ Там же. С. 9, 13.

⁴ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002. С. 8.

назвать работы Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, В.В. Гребенникова, В.Д. Мазаева и др.¹

Конституционные принципы экономического строя России есть юридическое выражение Основного закона государства. В Конституции Российской Федерации термин «принцип» употребляется непосредственно 7 раз (преамбула, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 69, п. «и» и «н» ст. 72, ч. 1 ст. 77). Образно говоря, конституционные принципы — это юридическое существование государства и общества. Правовая природа конституционных принципов весьма ярко была раскрыта в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. Конституционные принципы характеризуются высшей степенью нормативной обобщенности, универсальностью воздействия на все сферы общественных отношений. «Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»².

В науке высказана также мысль, что правовые позиции Конституционного Суда можно определить через дефиницию правового принципа, пригодного для разрешения группы сходных юридических коллизий³.

Самым сложным вопросом является проблема реализации конституционных принципов в механизме правотворчества и особенно правоприменения. Реализация конституционных принципов проявляется через систему реального поведения субъектов общественных отношений, что ведет к установлению правового режима конституционности и конституционного порядка. При этом жизненные условия и обстоятельства, борьба противоречивых

¹ Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005; Он же. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н.С. Бондарь. М., 2008; Гребенников В.В. Институт собственности в условиях рыночной экономики и социального государства. М., 1996; Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004; Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика: Учебник для юридических и экономических вузов. М., 2006; Плотникова И.П. Конституционное право человека и гражданина на предпринимательскую деятельность в России / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2004 и др.

² Ведомости Конституционного Суда РФ. 1993. № 2–3. С. 60.

³ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов / Отв. ред. И.Г. Шаблинский. М., 1999. С. 111.

интересов диктуют решение вопроса о возможном приоритете в реализации того или иного конституционного принципа¹.

Исходя из этих общих теоретических суждений, данную закономерность можно проследить на анализе конституционного принципа «свобода экономической деятельности». Экономический строй нынешней России может эффективно функционировать только в гармоничном сочетании с принципами правовой государственности, уважения прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности частной собственности, принципа социального государства. Сердцевину этих взаимоотношений составляют отношения политической и экономической власти. Для нашей страны данная проблема приобретает особую актуальность в силу складывающейся российской модели экономического развития. Переход от социалистической государственно-монополистической модели управления экономикой, когда налицо было слияние политической и экономической власти, к навязанным России неолиберальным моделям приватизации государственной собственности и рыночных преобразований создали благоприятные условия для нового витка сращивания политической и экономической власти. Решение этой коллизии возможно путем, как это отмечает Н.С. Бондарь, достижения равноудаленности собственности и власти. Этот принцип имеет важное значение для всех уровней публичной власти, включая муниципальный, и для всех форм собственности. Самостоятельность политической и экономической власти это императив рыночной экономики².

Равноудаленность политической и экономической власти должна отражать естественную саморегуляцию общества.

Интересно в связи с этим место экономической свободы России в мировом рейтинге. Специалисты из американской исследовательской организации Heritage Foundation по итогам 2007 г. оценили, что Россия заняла 120-е место среди 161 страны мира. Ключевыми критериями экономической свободы считаются: право свободного выбора, право свободного обмена, право свободной конкуренции, а также защита личности и собственности, обеспечиваемые государством. Уровень свободы экономики оценивается по 26 конкретным показателям. Среди них: количество и уровень налогов, влияние правительства на экономику, независимость

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. М: Изд-во РАП, 2008. С. 155, 157.

² Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. С. 326 и др.

судов, уровень защиты интеллектуальной собственности, наличие или отсутствие открытых таможенных барьеров и т. д. Аналитики оценили свободу предпринимательства в России на 61,4 балла из ста возможных. Такой показатель на 0,3% меньше, чем по итогам 2006 г. Он позволил России занять место между Китаем и Непалом. Среди европейских стран Россия заняла 39-е место из 41. Лидером мирового рейтинга стал Гонконг с 89,3 балла. Далее следуют Сингапур, Австралия, США, Новая Зеландия. Замыкают общий список Куба, Северная Корея. Чем ниже уровень экономической свободы в государстве, тем ниже личные доходы граждан¹.

Принципы экономического строя должны служить не только экономической свободе — свободе экономической деятельности. Свобода экономической деятельности не должна противоречить политике государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, на охрану труда и здоровья людей.

Это вытекает из сущности социального государства как фактора общественного благополучия, основывающегося на принципах социального равенства, солидарности и взаимной ответственности членов общества.

Экономическое развитие России — это не только рост экономики ради высоких уровней ВВП. Главное сегодня — это преодолеть социальное неравенство. Не случайно председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин бьет тревогу и делает вывод: преодоление «ловушки неравенства» для России — это критерий ее дееспособности как социального государства. От решения проблемы социальных прав зависит судьба демократии не только в России, но и в Европе².

К сожалению, ныне в России сложилась неблагоприятная ситуация с правами человека, особенно в сфере социально-экономических прав. Так, в литературе отмечается, что доходы 10% самых богатых в 15 раз превышают доходы самых бедных. По данным же мирового банка, такое различие оценивается в 20 раз³.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год в разделе «Соблюдение прав человека в России» дается следующая общая оценка: «В последние годы

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации неизменно характеризовал ситуацию с правами и свободами человека в России как по многим параметрам неудовлетворительную». Главная из нерешенных проблем — сохранение огромного социально-экономического и психологического разрыва между «бедными» и «богатыми». Да, уровень жизни россиян постепенно возрастает, но он по-прежнему остается оскорбительно низким по сравнению со всеми развитыми и большинством развивающихся стран¹.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год отмечается, что, несмотря на достигнутые в последние годы позитивные сдвиги в экономике, уровень жизни большинства населения все еще низок в сравнении со стандартами развитых стран... Существуют немалые проблемы и с реализацией декларированных в Конституции Российской Федерации политических и гражданских прав граждан... Несмотря на устойчивый характер роста экономики, социально-экономическая политика государства не ознаменовалась пока сопоставимыми успехами в борьбе с бедностью, а социальная защищенность граждан по-прежнему находится на крайне невысоком уровне... Существовавшие проблемы с обеспечением социально-экономических прав граждан плавно «перетекли» в 2007 год и в целом остаются нерешенными до настоящего времени². Вышеизложенное свидетельствует, что новый экономический строй России не в должной мере выполняет свою социальную функцию — утверждение социального государства, обеспечение достоинства личности, прежде всего ее социально-экономических прав. В выступлении на Красноярском экономическом форуме Д.А. Медведев четко обозначил задачу в данной сфере: необходимо радикально изменить ситуацию в правоприменении. Неуважение к закону всегда приводит к неуважению прав других людей и несоблюдению собственных обязанностей³.

Неуклонная реализация конституционных принципов экономического строя России будет способствовать не только росту могущества государства российского, но и утверждению достойного образа жизни каждого гражданина России — в этом высшее предназначение Конституции Российской Федерации.

¹ Российская газета. 2007. 13 апреля.

² Там же. 2008. 14 марта; *Гонимая Е.* Недоступная норма. 80% — живут бедно. 20% — трудно // НГ — сценарии. 2008. 26 февраля.

³ *Медведев Д.А.* Россия будет страной, в которой граждане гордятся ее настоящим.

¹ <http://Lenta.ru/news/2007/01/16/rating> (дата доступа — 1 апреля 2008 г.)

² *Зорькин В.Д.* Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня.

³ *Примаков Е.* Россия в 2004 году: взгляд в будущее // Там же. 2005. 15 января; *Он же.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Там же. 2008. 15 января.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ КАК ГАРАНТИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА*

Конец XX столетия в нашей стране ознаменовался крушением советского строя и переходом к новому конституционному строю, в сущности которого нашли выражение принципиально иные, чем ранее, ценности, принципы, определяющие ориентиры социально-экономического и духовного развития России в XXI в. Начало этого процесса было конституционно оформлено на референдуме 12 декабря 1993 г. Именно с принятием Конституции РФ 1993 г. начинается этап становления в нашей стране подлинно конституционного государства. «Принятие в 1993 г. Основного Закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации», — отметил Президент России Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г.¹

Именно Конституция 1993 г. позволила остановить развал Российской Федерации. Если социальные кризисы, антисоциальные явления можно пережить или преодолеть, то распад государства нельзя. Такова логика истории.

15-летие действия Конституции РФ 1993 г. — это миг в многовековой истории России. В этот период, период постсоветской России произошли существенные изменения, как во внешней форме, так и в социальной природе нашего государства. Конституирование Российской Федерации в качестве самостоятельного суверенного государства явилось результатом, к сожалению, распада СССР. Распад СССР — это не только и не столько геополитическое изменение структуры некогда великого государства, итогом которого явилось образование целой группы постсоветских государств в лице бывших союзных республик СССР. Для России этот распад отразил всю глубину, противоречивость и трагизм целой эпохи.

* © Кабышев В.Т. Конституционный строй как гарантия развития Российского государства // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2009. Вып. 10, ч. 1. С. 13–16.

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2008. 6 ноября.

Перед страной с многовековыми традициями, собственной великой историей и государственностью с поразительной остротой встали вопросы: что с нами произошло, что происходит, каковы пути возрождения России?¹ Ответ на последний вопрос содержится в действующей Конституции РФ.

Вместе с тем следует отметить, что в каждый период, будь он кризисный или юбилейный, эти вопросы будут вставать перед обществом, прежде всего перед социально ответственной частью общества. Ибо, как отмечают политологи, социологи, на современном этапе народ сейчас уже совсем не политизирован, происходит консервация апатичности и равнодушия общества.

Здесь уместно, на наш взгляд, дать пояснения. Конституция РФ 1993 г. учредила новое государство, юридически определив пути модернизации нашего общества и государства. В Конституции РФ употребляются термины «государство», «страна», «Отечество», «Родина». В сущности, эти понятия в конституционном смысле синонимы, но в ряде случаев несут различный смысловой оттенок. Геополитически Российская Федерация как государство осталось прежним. Но с принятием Конституции РФ 1993 г. Российская Федерация как государство по своему конституционно-правовому статусу приобрело признаки правового государства, качественно преобразующие организацию его публичной власти. Новый конституционный строй России принципиально изменил как конституционную природу государства Российского — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1 Конституции РФ), так и его социальную сущность.

Закрепленный Основным Законом конституционный строй выступает гарантией модернизации, дальнейшего развития государства Российского в новых условиях. Конституционный строй, по нашему мнению, следует понимать в двух взаимосвязанных аспектах: в фактическом — это система реальных конституционных отношений; в правовом — как система конституционных норм и конституционных принципов, закрепляющих и регулирующих отдельные виды общественных отношений существующего социального строя, выражающего и олицетворяющего подлинный конституционализм².

¹ См.: Козин Н.Г. Есть ли будущее у России? Критика исторического опыта современности. М., 2008.

² См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 1993. С. 4.

Конституционный строй находит свое юридическое закрепление в основах конституционного строя. Основы конституционного строя — это базовые ценности конституционализма. Однако необходимо иметь в виду следующее: наличие конституции не означает автоматически, что в государстве существует конституционный строй, то есть обеспечено разделение властей, верховенство права, примат прав и свобод человека, действительная демократия, плюрализм, местное самоуправление. Эти основы могут нарушаться, ограничиваться, деволуционироваться при самой демократической юридической конституции или находиться в зачаточном состоянии.

Конституционный строй — это механизм выражения и реализации естественного права народа быть носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве¹. 15-летие действия Конституции Российской Федерации 1993 г. показало, что закрепленные в ее нормах, принципах основы конституционного строя явились правообразующим фактором на пути обеспечения государства праву. Подчеркнем — только на пути. Ибо говорить о том, что Россия есть конституционное государство, было бы наивно и не только с натяжкой, но и преждевременно. В одночасье конституционный строй (с момента его декларирования Конституцией РФ 1993 г.) не создается. Конституция России 1993 г., как отмечает О.Г. Румянцев, — это общенациональный проект построения конституционного строя². Несомненно, все эти 15 лет Конституция объективно работала как стабилизирующий фактор становления нового конституционно строя, который выступал правовой гарантией развития Российского государства как государства демократического. В то же время существует определенный разрыв между доктриной конституционного строя и практикой реализации основ российского конституционного строя. В литературе не случайно отмечают, что в последние годы наметилась, например, тенденция сужения институтов прямой демократии, прежде всего референдума и свободных выборов.

Конституционный строй, не базирующийся на доктрине конституционализма, дрейфует к опасной тенденции «просвещенный авторитаризм» на котором, по сути, основано сегодняшнее

правление. Поэтому в науке выражается тревога по поводу того, что участие народа в управлении государством свелось к нулю, политические партии превратились в придаток государственного аппарата либо в корпоративные кланы, цели которых не всегда совпадают с интересами широких слоев населения¹.

Более категорично звучит вывод Б.С. Эбзеева: «Смоделированный Основным Законом конституционный строй все еще находится в процессе становления. Угрожающие ему опасности вполне реальны. В их числе — само государство, способное поглотить гражданское общество и являющееся потенциальной угрозой как правам отдельного индивида, так и правам совокупного человека — народа; столь живучий в нашей стране цезаризм, от которого в самой Конституции нет должных гарантий, и извращение самой идеи действенного народного представительства; политические партии, узурпирующие права народа в его отношениях с государством...»².

Следует констатировать, что общество не получило того, что провозглашено в Конституции РФ, потому что проводимые реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) не завершены, а их реализация наталкивается на ряд объективных и субъективных преград.

Констатируя изложенное, напрашивается вывод: к сожалению, происходит диффузия, эфемерность гарантий государственности, существенно искажающих конституционную природу Российского государства.

Как же упрочить конституционный строй Российской Федерации? Меры предлагаются различные. Так, оптимизм вызывают предложения Президента РФ Д.А. Медведева, сформулированные им в Послании Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. В нем акцентировано внимание на незыблемости конституционных ценностей и целей нашего государства и общества. На нынешнем этапе предложена комплексная система мер дальнейшего развития гражданского общества и совершенствования демократического государства, определены задачи перехода к экономике нового типа — инновационной, способной обеспечить построение справедливого общества свободных людей.

¹См.: Ноздрачев А.Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14.

²Эбзеев Б.С. Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражение в Конституции // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 2008. С. 45.

¹См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. С. 295.

²См.: Румянцев О.Г. Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19), дек. С. 16.

Интерес представляют идеи авторов, которые видят выход в пробуждении народных масс, возрождении конституционного движения в России в новом «прикладном» формате, появлении в обществе новой русской буржуазии, заинтересованной в установлении и защите правопорядка¹. Другие предлагают заняться воспитанием у россиян конституционного патриотизма, верности Конституции, повышении конституционной культуры, укоренения духа конституционализма в психологии людей, то есть в конституционализации всех сфер жизни государства и общества.

Главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти — по сути главного элемента конституционного строя, не в Конституции, юридически закрепившей нормы и принципы нового конституционно строя, а вне ее, в реальном соотношении социально-политических сил и соответственно в правовой культуре общества, в том, как действует, реализуется юридическая Конституция в жизни. Необходимо отметить, что скорость и частота социально-экономических, политических изменений в России значительно превосходят «нормальный» мировой уровень.

Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов, независимости судебной власти. Дух фактического властвования составляет сегодня доминанту социально-экономического, политико-правового развития России.

Стабильность конституционного строя не определяется буквальным соответствием фактической и юридической конституции. Фактическая, реальная конституция практически никогда не соответствует юридической конституции. Основа фактической конституции в незыблемости конституционного строя. На это должна быть направлена конституционно-правовая практика государства. Устойчивость, незыблемость конституционного строя — важнейшая гарантия дальнейшего развития российской демократической государственности.

¹ См.: Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63).

ВЛАСТЬ, КУЛЬТУРА И ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

В конце XX столетия в России произошли существенные изменения. Перед страной с ее многовековыми традициями, собственной великой историей и государственностью с поразительной остротой встали вопросы — что с нами произошло, что происходит, каковы пути возрождения России¹?

Россия вступила в новое тысячелетие не только с разрушенным модернизационным потенциалом для дальнейшего развития, но и с предельно хаотизированными основами национальной и исторической идентичности.

Еще в середине XX столетия русский философ Н.А. Бердяев писал: «В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия»². Удивительно пророческими оказались слова выдающегося русского философа! Именно происходящие ныне перемены существенно меняют многие стороны нашего бытия, мировоззрения. Россия мучительно пытается вырваться из тисков тоталитарного прошлого. Проводимые в Российской Федерации реформы (экономическая, политическая, конституционная, судебная) ставят целью кардинально изменить существующий строй, системы власти и, естественно, взаимоотношения власти и человека. Ныне это получило свое высшее правовое закрепление в Конституции РФ 1993 г. Беспрецедентным событием в истории российской нации назвал Президент России Д.А. Медведев принятие в 1993 г. Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его права и собственность³.

* © Кабышев В.Т. Власть, культура и психология в системе конституционных отношений России: конституционное измерение // Ученые записки юридического факультета. Выпуск 16 (26). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2009. С. 130–134.

¹ Козин Н.Г. Есть ли будущее у России? Критика исторического опыта современности. М., 2008.

² Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 45.

³ Российская газета. 2008. 6 ноября.

Именно с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. начинается этап становления в нашей стране подлинно конституционного государства. Переход к новому конституционному строю, в сущности которого нашли принципиально иные, чем ранее, ценности, принципы, был обусловлен новыми объективно сложившимися общественными отношениями. Эти отношения получили в науке конституционного права наименование «конституционные отношения». Справедливости ради следует отметить, что термин «конституционные отношения» как фактические отношения между классами, нациями, народом и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности ввел в науку профессор И.Е. Фарбер. Они, по мнению И.Е. Фарбера, и составляют предмет конституционного регулирования¹.

Именно конституционные отношения образуют конституционный строй. В нашу задачу не входит раскрытие признаков конституционных отношений, сформулированных профессором И.Е. Фарбером, ибо рамки статьи этого не позволяют. Полагаем уместным привести слова судьи Конституционного Суда РФ, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Н.С. Бондаря: «Если бы И.Е. Фарбер не опубликовал ничего другого, кроме этой совместной работы (с В.А. Ржевским. — В. К.), и тогда он вошел бы в историю отечественной конституционно-правовой науки»².

Конституционные отношения определяют как природу Российского государства, тенденции его развития, так и закономерности конституционного права как отрасли права, законодательства и соответствующей науки конституционного права. Одним из объектов фактических конституционных отношений, как известно, является власть. А как категории культуры, психологии находят свое выражение в конституционных отношениях? Во-первых, в контексте реализации конституционных отношений власть, культура и психология самым тесным образом взаимосвязаны: они находят свое воплощение в конституционном регулировании (социально-психологический срез), в конституционализме, конституционном мировоззрении, конституционной идеологии. Во-вторых, именно в конституционных отношениях, где, с одной стороны, обязательно выступает власть в лице государства, его

органов, а с другой — народ, классы, нации, рождается конституционный строй.

Несколько слов о власти, чтобы понять диалектику взаимосвязей культуры, психологии с первой. Как известно, термин «власть» употребляют в науке в широком и узком смысле. В широком — как для характеристики общественных социальных явлений, так и применительно к явлениям природы. В данном случае термин «власть» носит скорее метафорический характер. В узком — применительно к явлениям общественной жизни человека.

В данном социальном смысле власть существует столько, сколько существует человеческое общество. Она постоянный спутник человечества, имманентно ему присущий. Тысячелетиями в сознании человека со словом «власть» ассоциировались сила, могущество, господство. Это и отразил этимологический строй языков народов всего мира. Власть всегда вызывала особые чувства, эмоции. В ней был скрыт некий ореол загадочности, таинства.

Различают следующие виды социальной, общественной власти: власть общины, рода, племени, церкви, родительская власть. Одним из видов социальной власти, власти в узком смысле слова, является государственная власть. В современных условиях конституционно закрепляется механизм власти народа (ст. 3 Конституции РФ) и механизм государственной власти (ст. 11 Конституции РФ).

Мы не останавливаемся на различных теориях власти. В данном случае нас интересуют взаимоотношения власти с культурой и психологией.

Да, власть — центральный элемент конституционных отношений. Ее феномен скрыт в функционировании власти с социально-психологической стороны, в воздействии власти на социальную жизнь и социальные процессы. Власть — это сложный общественный и психологический феномен. На способы осуществления власти в обществе и государстве оказывают свое разное влияние уровень как социально-политического, так и экономического развития, социально-психологические устои общества, уровень зрелости демократической культуры общества.

Как психологическое явление, власть проявляется в сфере переживаний личности, находится в самой тесной взаимозависимости с чертами характера людей, обладающих властными полномочиями, осуществляющими власть. В уважении, признании власти заключается ее социально-психологический феномен. Этому, как известно, служат символы власти, различные ритуалы: присяга главы государства, коронация императора, короля, инаугурация

¹ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. первый. Саратов, 1967. С. 16.

² Бондарь Н.С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 47.

президента и т. д. «Тайн власти», как их иногда характеризуют, существует много. Так, жажда власти, властолюбие, упоение властью — все это следствие проявления явлений властвования в социально-психологическом плане. Безусловно, это оказывает свое воздействие на характер взаимоотношений власти и личности, а также лиц, обладающих властными полномочиями, и иных граждан. В цивилизованном обществе всегда стоит задача: как достичь такого состояния, чтобы осуществление власти не воспринималось отдельными должностными лицами лишь только как их привилегия. Нормы права в данном случае играют роль регулятора и ограничителя всевластия должностных лиц, наделенных соответствующими властными полномочиями. Власть в демократическом государстве и гражданском обществе всегда *должна быть служанкой общества, а не его госпожой*¹.

В контексте анализируемых нами явлений важная роль принадлежит культуре в обществе вообще, политической в особенности и, что немаловажно, конституционной в частности. От уровня зрелости политической культуры зависит уровень развитости демократии, всего нашего гражданского общества. Политическую культуру определяют как уровень и характер политических знаний, оценок и действий граждан и как содержание и качество социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения. Как достижение человеческой цивилизации культура влияет на способы осуществления власти. Именно уровень политической культуры масс, степень ее развития определяют сегодня успех модернизации российского государства и общества. В общественном сознании происходят глубокие перемены. Вообще развитие политической культуры — это сложный процесс, он протекает волнообразно. Старые традиции и нормы, политическая психология еще длительное время сосуществуют и борются с новыми. От чего мы хотим избавиться? От административно-командного пресса, от вседозволенности властвующих управленцев, от пассивности и равнодушия граждан, от привычки все делать по команде сверху.

Необходимо иметь в виду, что определенная часть общества еще не в полной мере осознала, что в какой-то мере мы все — продукт системы социально-психологических отношений, сформированных еще советской системой. Она сформировала общество психо-

логически. Поэтому сознание отдельного человека находится как бы еще во вчерашней жизни. Индикатором эволюции его взглядов, убеждений выступают объективные общественные отношения, в сфере которых он (человек) находится.

Изменение конституционных отношений явилось причиной принятия новой конституции России. Последняя, выступая конституционной ценностью, отражая цели и задачи дальнейшего развития общества, государства, формирует конституционно-правовое мировоззрение¹.

Взаимоотношение власти и конституционной культуры в системе конституционных отношений имеет несколько срезов: исторический, социально-психологический, правовой. Несколько штрихов в связи с этим. Как советский, так и нынешний российский менталитет своими истоками уходит в нашу историю. Так, древнерусский человек находился как бы в предправовом состоянии. Советский человек на первом этапе находился в парадигме политического и социально-психологического состояния общества, выраженного в парадигме «друг-враг». Именно политическо-правовая культура советской политической системы явилась ее «ахиллесовой пятой».

Нынешний конституционный строй России поставил человека, его права и свободы в центр конституционных отношений. Но возникает вопрос: можно ли быстро избавиться от авторитарных методов властвования как на федеральном, так и на региональном уровнях, достаточны ли конституционные средства и механизмы, чтобы избежать подобного? Ответ может быть только один — нет. Необходимы время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности, прежде всего у носителей властных полномочий, и, безусловно, неуклонная реализация абсолютно всех норм, принципов Конституции России.

В то же время следует констатировать: Конституция не панацея от всех наших бед, она, как образно замечает В.Д. Зорькин, это должное, а жизнь — это сущее. Абсолютной гармонии между должным и сущим не бывает никогда².

Конституция не может абсолютно заменить собою все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью, от превышения власти, от игнорирования конституционных установ-

¹ Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвуз. сб. науч. работ. Ростов н/Д; Саратов, 1995. С. 73.

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. М., 2008.

² Зорькин В.Д. Кризис доверия и государство. Конституционные нормы и законы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью // Российская газета. 2009. 10 апреля.

лений. Абсолютизировать юридические средства и механизмы не стоит, но и игнорировать их также не следует. Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов. Весьма интересна в связи с этим мысль К.В. Арановского: «До сих пор российская государственность была успешна усилиями людей, которым нужна была правда, чтобы жить по ней, совесть, чтобы руководствоваться, не впадая в опасные заблуждения. Появление конституции в российской среде этих условий не отменяет»¹. Нравственные устои общества, выражающие культурную память народа, несомненно, пронизывают конституционные отношения, в немалой степени определяют стиль власти, политико-правовой режим в стране.

Современному этапу развития России должны соответствовать и адекватные конституционно-правовые идеи, законодательство.

Справедливости ради следует отметить, что в последние годы внимание конституционалистов к различным аспектам как теории Конституции, так и конституционной культуры получило значительную разработку и не ослабевает.

Конституционализм, конституционный строй, конституционность, конституционализация, конституционный порядок, конституционная ответственность, конституционное мировоззрение, конституционные традиции, конституционные ценности звучат своего рода лейтмотивом почти в каждом исследовании по конституционному праву.

Конституционные отношения — это фактически механизм, превращающий социальную власть класса, народа в их государственную власть. В своей совокупности они образуют конституционный строй². Последний будет стабильным, если механизм власти будет обеспечен, гарантирован. История свидетельствует о том, что он (механизм власти) может эффективно функционировать только тогда, когда власть обеспечивается рядом факторов как инструментального, так и социально-психологического механизмов властвования. Инструментальный механизм властвования (избрание представительных органов власти, конституционная система органов власти, правопорядок и т. д.) выполняет функцию политико-правового руководства страной. Социально-психологический

механизм властвования преследует цель поддержания авторитета власти, он создает определенные психологические установки, ориентации к власти. В конечном счете социально-психологический механизм власти способствует мотивации поведения граждан к органам власти, выработке у них таких социально-психологических черт, как доверие или недоверие, поддержка или пассивность, заинтересованность и активное участие в общих делах всего народа или инертность, равнодушие к тем или иным государственно-властным велениям¹.

Психология власти находит свое проявление в символах власти. Для конституционного права важен конституционно-правовой смысл символов власти, символы власти есть выражение суверенитета государства (конституционный статус, конституционно-правовое регулирование их применения, использования, защиты). А какое значение они имеют в социально-психологическом смысле? Нас завораживает, например, ритуал вступления в должность главы государства. Возникает целая гамма отношений, как регулируемых правовыми, политическими, моральными нормами, так и нерегулируемых, но выражающихся в социально-психологических явлениях (чувство гордости, восхищения властью, носителями властных полномочий и др.). Последние выполняют важную роль в конституционных отношениях, прежде всего поддержки власти, доверия, а иногда и недоверия в зависимости от субъектов их восприятия.

Важное значение как в инструментальном, так и в социально-психологическом механизмах власти принадлежит институту оппозиции власти. Институт оппозиции власти — неотъемлемый элемент такой конституционной основы, как политический плюрализм. Конституционный строй, утверждая политические свободы граждан, тем самым охраняет и право личности на инакомыслие, ибо свобода слова, мысли лежит в основе политического плюрализма. Одним из проявлений политического плюрализма выступает многопартийность, которая выступает как форма общественного управления и действует как механизм использования расхождения интересов, инакомыслия и разномыслия в целях прогрессивного развития. Действительная, а не мнимая, многопартийность порождает политическую оппозицию, цель которой — взятие власти. Конституционный строй признает только конституционную оппозицию. К сожалению, как свидетельствует конституционная

¹ Арановский К.В. Конституционная традиция и российской среде. СПб., 2003. С. 656.

² Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. С. 25.

¹ Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма: Конституционные вопросы. Саратов, 1979. С. 119.

практика последних лет, такое явление, как оппозиция, являющееся важнейшим институтом саморегулирования общества, превращается (изображается) в страшилку и приравнивается едва ли не к государственной измене. Поэтому любое критическое выступление в адрес власти вызывает шок¹.

«Отторжение» любой оппозиции, в том числе и конституционной, властью в социально-психологическом смысле приводит к потере доверия народа к самой власти. Доверие — это одна из основных социально-психологических основ власти. Конечно, доверие к власти можно формировать различными способами, институтами, в том числе и с помощью силы, рабской покорности.

Небезынтересно современному читателю напомнить, как характеризовал этапы социально-психологического отношения масс к царизму В.И. Ленин на примере анализа событий 9 января 1905 г. в России: от психологии покорности и принятия власти царизма к психологии ненависти и протеста, а в конечном счете, к отрицанию старой власти².

К сожалению, приходится констатировать, что фактический механизм власти определяет существо нашей имитационной демократии. Это находит свое проявление в девальвации института выборов и других демократических свобод. Традиции прошлого довлеют над нами неимоверно, и мы покорно принимаем внушаемую нам «суверенную демократию» как единственно верную форму власти для современной России.

Выходом из создавшейся ситуации может быть только одно условие — утверждение незыблемости конституционного строя. Именно конституционный строй призван гарантировать поступательное развитие демократических начал самоуправления во всех сферах жизнедеятельности общества. Если в обществе тверды ценности, которые не может изменить любая власть, значит, оно и есть действительно гражданское общество. Конституционный строй должен способствовать нормальному, естественному процессу развития общества, а не быть тормозом или антирегулятором.

¹ Самарина Александра. Системная недостаточность // НГ. 2009. 8 апреля.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ*

Одной из актуальных, можно сказать, центральной проблемой конституционного строительства на современном этапе является конституционно-правовая модернизация политической системы России.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года государствоведы в один голос перестали писать о политической системе. С одной стороны, это было связано с тем, что в Конституции 1993 года появилась глава «Основы конституционного строя». Это предопределило объект, тематику исследований в науке конституционного права. Поэтому стала превалировать конституционная терминология: конституционный строй, конституционализм, конституционализация, конституционная ответственность, конституционное мировоззрение, конституционное правосудие, конституционный патриотизм, конституционная герменевтика и т. д.

В сущности проблему политической системы конституционалисты отдали политологам. Правильно это или нет? Это вопрос. Но не в этом дело. Институты политсистемы стали исследоваться конституционалистами как в рамках проблемы гражданского общества, так и избирательной системы. Конечно, основной блок институтов политической системы исследовался в парадигме конституционной системы власти.

Следует отметить, что фундамент современной политической системы России был заложен Конституцией РФ 1993 года. Именно конституционная модель власти (прежде всего государственной), особенности конституционного статуса Президента РФ явились основой как «властного треугольника» (Президент — Правительство — Федеральное Собрание), так и сформировавшейся впоследствии политической системы России.

* © Кабышев В.Т. Конституционно-правовые проблемы модернизации политической системы России // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран. Материалы международной научной конференции. Москва, 10–13 марта 2010 года. Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Отв. ред., доктор юр. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ С.А. Авакьян. М., 2010. С. 55–57.

Можно констатировать, что реализация Конституции РФ инициировала, или, точнее говоря, явилась правовой константой сложившегося конституционно-политического режима в стране, играющего доминирующую роль в политической системе России. Центральное звено в конституционно-политическом режиме — это персонализация власти¹. Персоналистский режим определяет сегодня как стратегию, так и институционализацию развития политической системы России. Персоналистский режим составляет основу фактического конституционного строя России. На современном этапе развития политической системы он есть неотъемлемая составляющая фактических конституционных отношений.

В науке конституционного права устоялось мнение, что наличие конституции не означает автоматически, что в государстве существует конституционный строй, что обеспечено разделение властей, верховенство права, примат прав и свобод человека, действительная демократия, плюрализм, местное самоуправление, то есть что государство стало подлинно конституционным. Да, основы конституционного строя — это базовые ценности конституционализма, юридически они декларированы. Но эти основы могут нарушаться, ограничиваться, деволуционироваться при самой демократической юридической конституции или находиться в зачаточном состоянии.

Закрепленный Основным Законом конституционный строй выступает гарантией модернизации, дальнейшего развития российской политической системы в новых условиях. 16-летие действия Конституции Российской Федерации 1993 года показало, что закрепленные в ее нормах, принципах основы конституционного строя явились правообразующим фактором на пути гарантирования государства как основного института политической системы правом. Подчеркнем: только на пути. Ибо говорить о том, что Россия есть конституционное государство, было бы наивно и явно не только с натяжкой, но и преждевременно. В одночасье конституционный строй (с момента его декларирования Конституцией РФ 1993 года) не создается. Конституция России 1993 года, как образно пишет О.Г. Румянцев, это общенациональный проект конституционного строя². Несомненно, все эти 16 лет Консти-

¹См. весьма интересные суждения по этому вопросу: *Краснов М.А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006.

²См.: *Румянцев О.Г.* Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя // Конституционный вестник, декабрь 2008. № 1 (19). С. 16.

туция объективно работала как стабилизирующий фактор нового конституционного строя. Последний выступал правовой гарантией развития как государства, так и политической системы. В то же время существует определенный разрыв между доктриной и практикой реализации основ российского конституционного строя. В литературе неслучайно отмечают, что в последние годы наметилась, например, тенденция построения такой политической системы, где государство способно «проглотить» гражданское общество, где происходит сужение институтов прямой демократии, прежде всего референдума и свободных выборов, где политические партии превратились в придаток государственного аппарата, либо в корпоративные кланы, цели которых не всегда совпадают с интересами широких слоев населения¹.

Происходящие в стране стремительные перемены, генерируемые главным образом бюрократией «демократического» цезаризма и партийного «авангардизма», создают новые угрозы конституционному строю, превращают политическую систему в инструмент осуществления власти узко номенклатурной группировкой².

В процессе становления нынешней политической системы, как известно, выделяют различные этапы: романтического конституционализма, укрепления вертикали власти, модернизации избирательной системы³.

Об этом сказано много в литературе и нет смысла все это повторять. Но об одном моменте в модернизации избирательной системы следует сказать, а именно о некоторых статьях Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Законодатель, убрав из ст. 63 (избирательный бюллетень) графу «против всех», на радостях, что обманул избирателей, забыл, что надо бы привести к единому знаменателю и п. 4 ст. 2 и п. 2 подпункта «а» ст. 48. В них остались положения

¹См.: *Скосаренко Е.Е.* Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М., 2007.

²См.: *Эбзеев Б.С.* Конституция России и политический плюрализм (методология, теория, ориентиры правоприменения) // Вестник СГАП, 2008. № 2; *Каранетян Л.М.* Политические партии в судьбе России. Санкт-Петербург, 2009; *Бабурин С.* Непарламентская диктатура «О неконституционных претензиях политических партий» // Независимая газета — политика. 2009. 21 апреля. С. 14.

³Более подробно см.: *Кабышев В.Т.* Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал российского права 2008. № 12. С. 43–51.

о том, что предвыборной агитацией, осуществляемой в период избирательной кампании, считаются «призывы голосовать за кандидата, списки кандидатов либо против него (них)» (выделено нами. — В. К.). Характерно, что в одном из последних комментариев к упоминаемому ФЗ по данному пункту так лукаво говорится: «В сфере регулирования предвыборной агитации присутствует некоторое «правовое иносказание»¹. Наши ученые или заморожены или у них атрофировались нейроны справедливости?

Все эти ограничения в науке конституционного права оцениваются как проявление тенденции антиконституционного развития².

Можно добавить следующее. Свободные выборы как институт конституционного строя России ограничиваются политической целесообразностью, целью определенных политических сил искусственно формировать построение такой партийной системы, когда одна из партий пытается стать ядром политической системы. В данном случае мы имеем проявление парадигмы развития политической системы: «конституционность — целесообразность». К сожалению, последняя, а именно целесообразность ставится превыше всего. К чему это все нами констатируется? Наука конституционного права должна давать объективный анализ конституционного развития России, показывать, как же продолжает действовать механизм реализации Конституции РФ? Отвечает ли он конституционным ценностям российского общества? Я хочу задать вопрос. А могло ли быть иначе? Не завышены ли ожидания народа? Сколько бы мы не изрекали критических пассажей, приходится констатировать: а иначе и не могло быть, потому что демократические преобразования не отвечают коренным интересам бюрократии, интересам правящей элита. Общество пока не может перескочить через цикличные этапы своего естественного развития. Оно не есть еще подлинно гражданское общество. Не случайно наши руководители ставят задачу — с гражданским обществом следует сотрудничать, нужен системный подход в этом. Свой дискурс хотелось бы закончить так: наша культура, менталитет,

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. д.ю.н., профессора В.В. Комаровой. М., 2009. С. 467.

² См.: *Страшун Б.А.* Российской Конституции 15 лет // Конституционный вестник, декабрь 2008, № 1(19). С. 63.

привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых регуляторов, запретов, независимости судебной власти.

Дух фактического властвования сегодня составляет доминанту политико-правового развития России. Поэтому необходимо время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности прежде всего у носителей властных полномочий и безусловно неуклонная реализация абсолютно всех норм и принципов Конституции Российской Федерации.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА — КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ*

Величайшим достижением мировой цивилизации является тот факт, что свобода и права человека стали определяющим критерием в развитии конкретного государства. Именно степень развитости прав и свобод человека, их защищенности характеризуют сущность демократии. Человек — существо свободное и где бы он ни находился, сегодня он стоит под защитой мирового сообщества, собственного государства, а также государства, в котором он находится. Мера защищенности прав человека адекватно проявляется в деятельности публичной власти.

Действующая Конституция Российской Федерации впервые за многолетнюю историю человека, его права и свободы признает высшей ценностью. Для России, чрезвычайно богатой, удивительно интересной и трагичной историей, проблема свободы личности всегда была тем оселком, который являлся стержнем ее развития. Утверждение идеалов свободы и социальной справедливости имеют глубинные основы. Поэтому симптоматично, что человек, его права и свободы признаются ныне высшей ценностью. Это единственная высшая ценность, все остальные общественные ценности по отношению к ней занимают иной конституционный уровень и не могут ей противоречить.

Конституционное закрепление обязанности Российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека — есть выражение сущности нового конституционного строя России, строя, в котором учредительная власть принадлежит суверену — многонациональному народу.

Конституция Российской Федерации термин «защита» использует применительно к различным субстанциям: самой Конституции (ст. 82), основам конституционного строя (ст. 55, 56), стране, Отечеству (ст. 59), национальным меньшинствам и малочисленным этническим общностям (п. «б» и «м» ст. 72), формам осуществле-

ния власти народа — местному самоуправлению (ст. 133), денежной единице (ст. 151), формам собственности (часть 2 ст. 8), правам и свободам человека и гражданина, его чести, доброго имени, нравственности, здоровью, законным интересам (ст. 2, 23, 30, 37, 45, 61, 71, 72).

Среди юридических мер, защита прав и свобод человека и гражданин занимает доминирующее место.

К их числу относятся, как известно, конституционно-судебный механизм /деятельность Конституционного Суда РФ — ч. 4 ст. 125 Конституции РФ/; судебная защита (деятельность судов общей юрисдикции по защите прав и свобод человека); действия органов исполнительной власти; особо стоит в данном случае юрисдикционная роль института Президента в России, как конституционного гаранта прав и свобод человека и гражданина (ст. 80); законодательная деятельность представительных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (ст. 71, 72 Конституции РФ). Сюда можно отнести и такие правовые средства, как законная самозащита человеком своих прав, находящая свое процессуальное выражение в праве обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов публичной власти и должностных лиц, что находит уже сегодня свое эффективное воплощение, однако встречает во многих случаях сопротивление носителей публичной власти. Огромные потенции среди юридических средств защиты прав человека содержатся в международно-правовом механизме (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

В механизме обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, огромная роль принадлежит Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (п. «д» ст. 103 Конституции РФ).

Говоря о защите прав человека, следует различать, как справедливо отмечает О.А. Снежко, такие категории: государственная защита, правовая защита, судебная защита, социальная защита¹.

Все эти формы защиты закрепляются в нормативно-правовых актах и в значительной мере обусловлены деятельностью органов публичной власти. Мы не отождествляем вышеназванные формы защиты, они специфичны, имеют свой юридический механизм, направленный на защиту и восстановление нарушенных прав. Но, к сожалению, приходится констатировать, что конституционные права и свободы человека как высшая конституционная ценность

¹См.: Снежко О.А. Государственная защита прав граждан: научное издание, монография. М. 2005. С. 6–7.

* © Кабышев В.Т. Защита прав человека и гражданина — критерий эффективности публичной власти // Публичная власть: материалы V Международной научно-практической конференции (Самара, 10–12 сентября 2009 года) / Под ред. к.ю.н., профессора В.В. Полянского, к.ю.н. В.Э. Волкова. Самара: Универ групп, 2010. С. 131–135.

во многих случаях остаются пока идеалом, так как нарушаются и не соблюдаются. Об этом свидетельствует практика и ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в РФ. Об этом красноречиво сказано и в послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2009 года. Безусловно, к этому идеалу необходимо стремиться. В то же время следует отметить, что система гарантий, обеспечения защиты прав человека выстроена оптимально, но не адекватна современному этапу развития России. Здесь возникает вопрос: правомерно ли связывать защиту прав человека с эффективностью публичной власти, все ли от нее зависит сейчас, когда мы отказываемся от патернализма государства? По нашему мнению, правомерно так ставить вопрос. Во-первых, власть всегда занимала доминирующую роль на всех этапах развития России. Власть — это имманентный спутник человеческого общества. Без власти не может существовать ни одно общество. Возникнув, как служанка общества, власть впоследствии на известной ступени развития человечества, превратилась в его господина (по выражению основоположников учения о социализме). Такой она, в сущности, является и ныне.

Эффективность власти можно рассматривать в разных аспектах: по виду власти (законодательная, исполнительная, судебная); в зависимости от политического режима; состояния гражданского общества; уровня развитости демократии; типа политической системы и т. д.

Эффективность власти можно анализировать как с позиции властвующих, так и граждан.

Но как измерить эту эффективность? Какими критериями? Для публичной власти важна, прежде всего, ее легитимность. Властные полномочия она получает в результате выборов. Именно им придается чрезвычайно важное значение. Но, к сожалению, от выборов к выборам происходит сужение их демократической сущности, последние, по сути, приобретают черты имитации. Но это особая тема.

Если говорить об эффективности публичной власти с позиций гражданина, то для гражданина важно, прежде всего, главное: справедлива ли эта власть? Выражает ли его интересы принятый законодательной властью Закон, справедливо ли решение, приговор, вынесенный судебной властью? Так последняя проблема на современном этапе приобрела исключительно актуальное значение. Принцип справедливости приговора, отмечает судья Верховного

Суда Российской Федерации в отставке Н.А. Колоколов, является общепризнанной правой ценностью¹. Эффективность власти формализуется в эффективности права, нормативно-правовых актах, принимаемых публичной властью. Необходимо при этом подчеркнуть, что принцип справедливости впервые получил свое юридическое закрепление в преамбуле Конституции РФ 1993 года. Преамбула, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях, является составной частью Конституции и в сопряжении с рядом иных положений Конституции является актом высшего непосредственного выражения власти народа России, и ее положения имеют приоритет в правовой системе Российской Федерации. Поэтому справедливость должна быть в основе всех конституционных постановлений о правах, свободах и обязанностях граждан. Неодухотворенное справедливостью право, отмечает Б.С. Эбзеев, теряет нравственное основание, оказывается дисгармоничным, несбалансированным не может быть действенным распределителем жизненных благ и выражать интересы индивидов, социальных групп, всего общества².

Исходя из конституционных положений УК РФ в трех статьях — 6, 43, 60 отразил идею справедливости. Так, в ч. 2 ст. 43 УК в ряду целей стоящих перед уголовным наказанием, на первое место выдвинута цель восстановления социальной справедливости. В ст. 60 УК законодатель, определяя общие начала уголовного наказания, требует, чтобы оно было справедливым³.

В свете сказанного, несправедливый приговор суда как органа публичной власти, будет для гражданина означать как неэффективность власти. Для суда он эффективен, так как отражает его эффективную деятельность. Мы применяем здесь понятия справедливо — несправедливо, эффективно — неэффективно, как тождественно аналогичные понятия в парадигме интересов власть — гражданин.

В контексте обозначенной темы еще одно суждение. Как известно, механизм гарантий прав человека включает наряду с право-

¹ См.: Колоколов Н.А. Справедливость приговора — конституционная ценность // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г.: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. М., 2009. С. 277.

² См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. 2005. С. 247.

³ См.: подробнее: Бытко Ю.И. Справедливость и право: Лекция. Саратов, 2005.

выми нормами, закрепляющие эти права и институты публичной власти. Последние призваны обеспечивать их реализацию. В свете этого заслуживают внимания два Указа Президента Российской Федерации: Указ от 28 июня 2007 г. № 825 (в ред. Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 606) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», которым утвержден перечень показателей для оценки эффективности деятельности исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Перечень содержит 43 пункта. Они касаются практически всех предметов ведения последних в различных сферах жизнедеятельности субъектов РФ (объема ВРГ, бюджета, состояния экономики, смертности, уровня криминогенности от числа опрошенных, расходов на образование и т. д.).

Второй Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», которым утвержден соответствующий перечень показателей для оценки эффективности деятельности названных органов МСУ. Перечень содержит 30 пунктов. Они отражают специфику компетенции органов ЦСУ. Следует назвать при этом и распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р, которым в целях реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», утвержден перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, в том числе показателей, необходимых для расчета неэффективных расходов местных бюджетов. Перечень дополнительных показателей содержит 31 пункт. В названных актах устанавливаются сроки представления докладов Президенту РФ, правительству РФ, их форма и т. д.

Утвержденные показатели дают статистику социально-экономического, демографического, финансово-бюджетного состояния практически всех важных сфер жизнедеятельности государства и функционирования институтов гражданского общества. Они необходимы для полноценного осуществления полномочий Президента и правительства, для принятия адекватных стратегических и текущих решений в стране. Эти показатели есть необходимый элемент в системе «вертикали» публичной власти. Для верховной власти важно знать насколько эффективно функ-

ционируют ее нижестоящие звенья. Однако из этих показателей абсолютно неясно, а какая наступает ответственность органов публичной власти в случае необеспечения этих критериев эффективности? Означают ли эти критерии, что права человека в РФ защищены в той мере, чтобы обеспечить достоинство и свободу человека?

Практика свидетельствует, что это укрепление «вертикали» власти, точнее одной из ее ветвей — исполнительной. Последняя де-факто занимает главенствующее место в практическом механизме публичной власти и в современной России. Невольно напрашивается мысль: что вновь повторяется история — власть ради власти? Но это уже предмет особого исследования.

**РОССИЯ — СУВЕРЕННОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
ГОСУДАРСТВО**
**(К 20-летию Декларации о государственном
суверенитете РСФСР)***

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А.С. Пушкин «К Чаадаеву»

12 июня наша страна отмечает День России. В этот день 20 лет тому назад 1-й Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Память возвращает нас к тем бурным событиям 1990 г., когда тысяча с лишним народных депутатов (вне зависимости от их политической ориентации) поднялась на ноги, требуя от председательствующего В.И. Казакова, тогдашнего Председателя ЦИК РСФСР, поставить на голосование вопрос о Декларации. За исключением трех, остальные народные депутаты проголосовали за включение ее в повестку дня. 20 лет с точки зрения исторического процесса — это миг. Но этот короткий миг вместил в себя события, которые по своей значимости на судьбы людей нашей Родины можно сравнить с целой эпохой. Уместно вспомнить слова выдающегося русского философа Н.А. Бердяева: «В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно будет еще новая Россия»¹. Мог ли кто тогда — в 1946 г., когда были опубликованы эти слова, поверить, «что будет еще новая Россия»?

Как бы мы не относились к прошлому — советскому периоду нашей истории и настоящему России, но одно совершенно ясно,

* © Кабышев В.Т. Россия — суверенное демократическое государство (К 20-летию Декларации о государственном суверенитете РСФСР) // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. Выпуск 11. С. 6–13.

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 45.

и это реальность, мы вступили в новый длительный, трудный и не всеми психологически принимаемый период истории Российского государства.

И начало этому периоду юридически положила Декларация о государственном суверенитете РСФСР, заложившая ряд основ новой государственности. В этом смысле акт принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР справедливо рассматривают как учредительный акт¹. В 15 статьях этого документа, имеющего конституционный характер, были сформулированы принципы, оказавшие огромное влияние на все последующее развитие России, на ход социально-экономических, политических, конституционных и социально-психологических процессов. Главные идеи Декларации — это провозглашение суверенитета Российской Федерации как естественного и необходимого условия существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции. Государственный суверенитет России был провозглашен во имя высших целей — обеспечить каждому человеку его неотъемлемое право на достойную жизнь, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах; на обеспечение полноты власти России, чтобы народ имел исключительное право владеть, пользоваться и распоряжаться национальным богатством страны. Было заявлено о приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии. Именно в Декларации о государственном суверенитете впервые в Российской Федерации юридически был закреплен оправдавший себя в мировой конституционной практике принцип разделения властей — это важнейшее начало функционирования России как правового государства.

Декларация явилась основой для разработки новой Конституции РФ (1993 г.), в которой идеи Декларации получили свое дальнейшее развитие и воплощение.

В нашей литературе — политологической, юридической — отмечается такой факт. Закрепление в ст. 5 Декларации положения о верховенстве Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР противоречило союзной Конституции. Эта

¹ См.: Волков Л.Б. Всплеск русского конституционализма. 1990–1993 годы // Из Истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2009. С. 33.

статья Декларации явилась катализатором распада Союза ССР. Необходимо заметить, что в тот период, во-первых, резко обострилась борьба против монополии власти КПСС. Во-вторых, буквально каждый народный депутат РСФСР в своей предвыборной программе одним из пунктов выдвигал суверенитет России. Речь шла, конечно, об экономическом суверенитете. Однако ни в предвыборных речах народных депутатов РСФСР, ни впоследствии в принятой Декларации вопрос о выходе из состава Союза ССР не ставился. Декларация о государственном суверенитете РСФСР явилась своего рода вызовом союзному центру в том смысле, что РСФСР имела урезанные полномочия и структуры власти по сравнению с другими союзными республиками. Тем не менее дискуссия на Съезде носила ожесточенный характер. Позволю привести слова народного депутата РСФСР, секретаря Конституционной комиссии И.В. Федосеева: «Голосовали постатейно. И пятая статья Декларации, в которой говорилось о верховенстве российских законов над союзными, не набирала (и не набрала) необходимого квалифицированного большинства голосов. Включение в проект нормы о том, что речь идет о суверенитете России в составе СССР и разъяснение Б.Н. Ельцина, что Декларация — не закон, а политическое заявление, необходимое российскому руководству для работы с союзным центром, позволили Съезду набрать необходимое количество голосов депутатов. Декларация была принята»¹. Конечно, Декларация не была политическим заявлением, это был акт конституционного значения. Но та эйфория романтического конституционализма, отвергавшая государственную идеологию, диктат аппарата КПСС, двигала народными депутатами России. И в итоге 1 Съезд народных депутатов РСФСР одержал победу.

Конституционная реформа, начатая 1-м Съездом народных депутатов РСФСР, привела в конечном счете к принятию на Всероссийском референдуме 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, действующей и ныне. Правда, в канун ее 15-летия в нее были внесены поправки, инициированные Президентом России Д.А. Медведевым. Они касаются увеличения срока полномочий Президента РФ, Государственной Думы, Федерального Собрания РФ и контрольных полномочий Государственной Думы.

¹ Федосеев И.В. Фрагменты конституционного процесса (субъективные заметки) // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / Под общ. ред. О.Г. Румянцев. М., 2009. Т. 6. С. 935.

Конституция РФ 1993 г. юридически отразила кардинальные изменения в экономике, политике, идеологии российского общества. Она закрепила слом советского тоталитаризма и переход к новому конституционному строю. В ней закреплены принципиально иные (чем ранее) ценности, нормы, принципы, которые определяют ориентиры социально-экономического, политического и духовного развития России в XX в.

Прошедшие годы убедительно подтверждают, что российское общество приняло ценности подлинного конституционализма: свободу слова и совести, многопартийность и открытость границ, рыночные отношения и судебную защиту прав человека, суверенитет и народовластие, парламентаризм и разделение властей, верховенство закона, федерализм и местное самоуправление, признание и защиту всех форм собственности.

Конституция РФ стала одним из важнейших факторов стабильности в нашей стране. Несомненно, и сегодня это следует подчеркнуть, она выступает правовой основой модернизации государства и общества.

В последние годы внимание конституционалистов к различным аспектам как теории конституции, так и механизму ее действия и реализации получило значительную разработку и не ослабевает. Конституционализм, конституционный строй, конституционность, конституционализация, конституционный порядок, конституционная ответственность — звучат своего рода лейтмотивом почти в каждом исследовании по теории конституции. Новеллой последних лет явились и такие вопросы исследования, как онтология, аксиология, герменевтика, социология конституции¹.

В нашей юридической литературе периодически возникают и вновь затухают споры о легитимности действующей Конституции РФ. Мы считаем, что основные элиты, социально-политические силы приняли правила, установленные Конституцией РФ. К Конституции РФ необходимо подходить диалектически. Отцы — раз-

¹ См., например: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000; Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007; Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008; Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М., 2008; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. М., 2005; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.

работчики Конституции РФ — и не предполагали, что реализация новых конституционных принципов, конституционных норм выявит так много противоречий.

Мы уже высказывали мнение, что в модернизации постсоветской России можно выделить три этапа.

Первый — это этап после принятия Конституции РФ 1993 г., который принято считать этапом романтического конституционализма. Для него характерны гиперболизация курса либерально-демократических реформ с ее безудержной приватизацией¹, значительным ослаблением роли государства, тенденцией на конфедерацию в федеративных отношениях.

Второй — это этап, для которого характерны: в экономике — продолжение либерально-демократических реформ с акцентом на усиление роли государства; в федеративных отношениях — восстановление единого правового пространства России, четкое разграничение полномочий Федерации, регионов и местного самоуправления; в политике — попытки построения вертикали власти, курс на централизацию (разделение страны на семь федеральных округов, изменение порядка избрания высших должностных лиц субъектов Федерации).

В сущности, наметились общие контуры формирования новой политической системы, в центре которой — расширяющаяся многопартийность с элементами явной гиперболизации роли политических партий (последние годы, по сути, монополией одной партии). Данный этап получил наименование «управляемая демократия». Звучит и более резкая оценка — имитационная демократия. Возникает вопрос: управляемая (имитационная) демократия — это проявление объективной закономерности процесса модернизации постсоветской России, диктуемой логикой переходного периода, или это не что иное, как «мягкий авторитаризм»? Ответ в данном случае не может быть однозначным.

Контуры третьего этапа наметились в 2008 г. Его составляющие: демократизация гражданского общества, переход к инновационной экономике, способной обеспечить построение справедливого общества свободных людей, динамичность и открытость полити-

¹Профессор Б.А. Страшун эту приватизацию образно называет «большой хапок» (см.: *Страшун Б.А.* Конституция России: взгляд из сегодня // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.) Т. 6: Дополнительные мемуарные, справочные материалы / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2010. С. 932).

ческой системы, адекватной поступательному развитию конституционного строя¹.

Итак, 20-летие принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР позволяет сделать ряд выводов.

Декларация явилась поворотным этапом в конституционной реформе России. Российская Федерация получила Основной Закон, отвечающий мировым конституционным стандартам. Именно Конституция 1993 г. позволила остановить распад Российской Федерации. Если социальные кризисы, антисоциальные явления можно пережить или преодолеть, то распад государства нельзя. Такова логика истории.

Новый конституционный строй России, юридически учрежденный Конституцией РФ 1993 г., принципиально изменил как конституционную природу Российского государства — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (как гласит ст. 1 Конституции РФ), так и его социальную сущность. Нормы и принципы конституционного строя, закрепленные в гл. 1, явились правообразующим фактором на пути обеспечения государства праву. Констатируем: только на пути. Ибо говорить о том, что Россия есть конституционное государство было бы наивно и явно не только с натяжкой, но и преждевременно. В одночасье конституционный строй (с момента его декларирования в Конституции РФ 1993 г.) не создается. Конституция России 1993 г., как образно отмечает О.Г. Румянцев, это общенациональный проект построения конституционного строя². Несомненно, что все эти годы (с 1993 г.) Конституция объективно работала как стабилизирующий фактор становления нового конституционного строя. Последний выступал правовой гарантией развития Российского государства как государства демократического. В то же время существует определенный разрыв между доктриной конституционного строя и практикой реализации Конституции.

Все резче и настойчивее раздается критика: в нынешней ситуации Конституция во многих своих положениях фиктивна и будет оставаться такой еще долго; сегодняшняя ситуация в России характеризуется как деконституционализация. Н.М. Добрынин на-

¹См.: *Кабышев В.Т.* Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал российского права. 2000. № 12.

²См.: *Румянцев О.Г.* Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя // Конституционный вестник. (Декабрь). 2008. № 1 (19). С. 16.

зывает следующие основные шаги федерального законодателя по трансформации политической системы России, реализованные без внедрения поправок в Конституцию: изменение порядка формирования Совета Федерации; учреждение института полномочных представителей президента в федеральных округах; внедрение новой схемы разграничения полномочий между федерацией и ее субъектами; реформа местного самоуправления, де-факто превратившаяся в процесс интеграции муниципальных образований в вертикаль исполнительной власти; законодательное ограничение права граждан на проведение референдумов, митингов и публичных собраний; отмена прямых выборов руководителей регионов; фактическое ограничение участия граждан в политической деятельности, искусственное сокращение количества партий; произвольное изменение правового статуса автономных округов; фактическое лишение субъектов Федерации полномочий в природоресурсной сфере¹. Столь же категорично заявляет Б.С. Эбзеев: «Смоделированный Основным Законом строй все еще находится в процессе становления. Угрожающие ему опасности вполне реальны. В их числе — само государство, способное поглотить гражданское общество и являющееся потенциальной угрозой как правам отдельного индивида, так и правам совокупного человека — народа; столь живучий в нашей стране цезаризм, от которого и самой Конституции нет должных гарантий, и извращение самой идеи действенного народного представительства; политические партии, узурпирующие права народа в его отношениях с государством...»².

В числе угроз конституционному строю Л.М. Карапетян видит дальнейшую партизацию государственной власти. Партизация есть порождение капитализма, она теряет социальную базу своего существования в процессе эволюции постиндустриального общества к цивилизованному. Партизация власти противоречит конституционному принципу разделения властей. Диалектика социального прогресса говорит о том, что следует искать выход из этого тупикового пути, будущее видится как меритократия — власть достойных³.

¹ См.: Добрынин Н.М. Деконституционализация — ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5. С. 5–14.

² Эбзеев Б.С. Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражение в Конституции // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / ГОУ ВПО «СГАП». Саратов, 2008. Вып. 9. С. 45. Данная статья поступила в сборник еще тогда, когда Б.С. Эбзеев являлся судьей КС РФ.

³ См.: Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. СПб., 2009.

Да, следует констатировать, что общество, точнее его значительная часть — большинство — не получило того, что провозглашено в Конституции РФ, а проводимые реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) не завершены. Их реализация наталкивается на ряд объективных и субъективных преград.

Главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти — по сути главного элемента конституционного строя, не в Конституции, а вне ее, в реальном соотношении социально-политических сил и, соответственно, правовой культуре общества, в том, как действует, реализуется юридическая Конституция в жизни. Да! Приходится констатировать, что реализация Конституции инициировала, или, точнее говоря, явилась правовой константой сложившегося конституционно-политического режима, играющего доминирующую роль в политической системе России. Центральное звено в конституционно-политическом режиме — это персонализация власти¹. Возникает вопрос: а могло ли быть иначе? Не завышены ли ожидания народа? Сколько бы мы не изрекали критических пассажей, приходится констатировать, что демократические преобразования не отвечают коренным интересам бюрократии, интересам правящей элиты. Наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых регуляторов, независимой судебной власти (к которой, к сожалению, еще идти и идти).

Общество пока не может перескочить через циклические этапы своего естественного развития. Оно не есть еще подлинно гражданское общество.

К сожалению, дух фактического властвования составляет сегодня доминанту социально-экономического, политико-правового развития России.

Следует констатировать, что Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и свободам человека в одночасье нельзя. Реализация положений Конституции РФ — многогранный процесс, в основе которого лежит неуклонное соблюдение конституционных норм и принципов.

¹ Весьма интересные суждения по этому вопросу содержатся в книге М.А. Краснова (см.: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006).

«Заявленные Конституцией цели, ценности и механизмы, — отмечает Президент РФ Д.А. Медведев, — доказали свою состоятельность. Помогли нашему обществу преодолеть трудности и выйти на путь устойчивого развития. И мы будем дальше использовать потенциал Основного Закона»¹. И в обозримом будущем, по нашему мнению, нечто лучшее, чем Конституция РФ, не предвидится.

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября.

ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ: МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Власть — постоянный спутник человечества, имманентно ему присущий. Тысячелетиями в сознании человека со словом «власть» ассоциировалась сила, могущество, господство. Это и отразил этимологический строй языков народов всего мира.

Как известно, термин «власть» используют в науке в широком и узком смыслах. В широком — как для характеристики общественных, социальных явлений, так и применительно к явлениям природы. В данном случае говорят «власть природы», «власть денег» и т. д. Такое употребление термина «власть» носит скорее метафорический характер. В узком — применительно к явлениям общественной жизни человека. В данном социальном смысле власть существует столько, сколько существует человеческое общество.

Власть всегда вызывала особые чувства, эмоции. В ней скрыт некий ореол загадочности, таинства. Власть тысячелетиями была отторгнута от народа, возвышалась над ним. Феномен власти постоянно привлекает к себе внимание исследователей.

Что такое власть? Владимир Даль писал: «Власть — это право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники»¹.

В юридической литературе, например, профессор И.Е. Фарбер предложил общее понятие власти, приложимое к различным видам власти: «Власть есть необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности»². Вопрос о власти один из центральных в социально-

* © Кабышев В.Т. Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / [Н.И. Матузов, А.В. Малько, В.Т. Кабышев и др.]; под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. С. 193–216.

¹ Даль В. Толковый словарь: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 213.

² Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. Вып. 1. С. 88.

политической теории и практике. «Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, — писал В.И. Ленин, — ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике»¹. Россия ныне переживает муки становления новой системы власти, такой системы, на вершине которой конституционно провозглашен человек, его права, свободы, честь, достоинство и независимость.

Россия переживает время, когда, говоря словами Ф. Энгельса, власть из господина превращается в служанку общества. Но возвращение обществу власти не должно означать власть охлократии, анархию, многовластие. Логика общественно-экономического развития России объективно требует такой власти, которая выступает гарантом прав человека, гарантом стабильности, прочности, уверенности в обществе. В правовом государстве это возможно осуществить прежде всего конституционным путем.

Особенность современного этапа развития России состоит в том, что в процессе реализации власти присутствуют носители (субъекты) противоположных общественных тенденций — модернизации и реставрации — и олицетворяющие их режимы социального управления — авторитарный и демократический. Так, в последние годы наметилась негативная тенденция сужения, точнее, имитации институтов прямой демократии, прежде всего институтов референдума и свободных выборов.

На крутом, переломном этапе развития России важная роль принадлежит психологической переориентации граждан, социальных групп. Смена конституционного строя, идеологии, крушение прежних ценностей вносят кардинально новые моменты в отношения масс, граждан к власти.

Различают следующие виды социальной, общественной власти: общины, рода, племени, власть церкви, родительская власть.

Я.М. Магазинер выделял следующие виды власти как отношение фактическое: власть экономическая (хозяина над работником); политическая (правящих над управляемыми); дисциплинарная (капитана над матросами); религиозная (жрецы, пророки, папа); семейная (власть родителей над детьми); любовная (власть любимого существа над любящим); идейная (власть политических вождей, ученых, артистов, художников слова, кисти, резца)².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.

² См.: Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. СПб., 2006. С. 196–197.

Одним из видов социальной власти, власти в узком смысле слова, является государственная власть. В современных условиях конституционно закрепляется механизм власти народа (ст. 3 Конституции РФ) и механизм государственной власти (ст. 11 Конституции РФ)¹.

Конституционный строй стабилен тогда, когда механизм власти гарантирован. История же свидетельствует, что механизм власти может эффективно функционировать в условиях обеспечения власти рядом факторов как инструментального (институционального), так и социально-психологического механизмов властвования. Оба эти механизма неразрывно связаны, взаимообусловлены.

Инструментальный механизм властвования (избрание представительных органов власти, высших должностных лиц, конституционная система власти, правопорядок, конституционная законность) выполняет функцию политико-правового руководства страной. Этот механизм по сути путь к праву как разумному балансу между свободой, равенством и справедливостью, к праву как основному способу защиты достоинства личности².

Социально-психологический механизм властвования преследует цель поддержания авторитета власти, он создает определенные психологические установки, ориентации к власти. В конечном счете социально-психологический механизм власти способствует мотивации поведения и отношения граждан к органам власти, выработке у них таких социально-психологических черт, как доверие или недоверие, поддержка или пассивность, заинтересованность и активное участие в общих делах всего народа или инертность, равнодушие к тем или иным государственно-властным велениям.

Несколько слов о понятии «психология власти». Автор еще в советский период поставил вопрос о необходимости исследования проблемы психологии власти, сформулировал элементы психологии властвования в российском обществе и государстве³.

Следует отметить, что термин «психология власти» и тот смысл, который в него вкладывал автор, вызывал неадекватное восприятие у отдельных ученых.

¹ См.: Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России // Вестник СГАП. 1998. № 3(14). С. 3–11.

² См.: Конституционный строй России: пятнадцать лет пути: труды кафедры конституционного и муниципального права. Вып. 3 / Отв. ред. Е.К. Глушко, С.Ю. Данилов; предисл. М.А. Краснов. М., 2008. С. 6.

³ Подробнее см.: Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма: Конституционные вопросы. Саратов, 1979. С. 119.

Так, Б.А. Страшун, исследуя закономерности развития политической системы социалистического общества, писал: «В.Т. Кабышев — один из немногих советских исследователей этой проблемы (политической психологии, по терминологии Б.А. Страшуна. — В. К.) называет политическую психологию психологией властвования или психологией власти. Не говоря уже о том, что властвование и власть не синонимы, думается, что такая терминология слишком узка для обозначаемого понятия, поскольку речь идет не только о властвующих, но и о подвластных. Хотя в макромасштабе в условиях социализма круг тех и других совпадает, в конкретных отношениях между теми, кто обладает властными полномочиями, и теми, кто должен подчиняться вытекающим из таких полномочий велениям, имеется существенное различие, в том числе и психологическое»¹.

Безусловно, мы разграничиваем понятия «психология власти» и «психология властвования». Когда речь идет о явлениях власти в статике, то есть о системе конституционных и неконституционных органов власти, о политико-юридическом характере актов, принимаемых данными органами, о социально-психологической характеристике должностных лиц, обладающих властными полномочиями, то в данном случае правомерно употребление термина «психология власти».

Когда же речь идет о процессах реализации власти и ее психологическом воздействии на управляемых, о социально-психологической характеристике мотивации поведения властвующих или участвующих во власти, то в данном случае наиболее точным будет термин «психология властвования». Но коль скоро власть и реализация власти (так называемые властеотношения) неразрывно связаны, хотя и различаются, мы считаем целесообразным употребление понятия «психология власти» — как централизованно объединяющего все эти процессы.

Власть — это сложный общественный и психологический феномен. Как социальное явление она есть регулятор общественных отношений, она подчиняется объективным законам. Как психологическое явление власть проявляется в сфере переживаний личности и зависит от характера людей, осуществляющих властные функции и выполняющих веления власти. Психологическое восприятие властных велений может быть различным и зависит

¹ Основы теории политической системы. М., 1985. С. 171.

от ряда факторов. Значительную роль играют при этом уровень социально-политического и экономического развития страны, традиции, привычки, отношение народных масс к власти.

Так, например, на этапе социального освобождения ранее угнетавшихся масс наблюдается трехмерное отношение к власти. Еще В.И. Ленин отмечал, что «если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»¹. Все это характерно и для осуществления властвования в постсоветской России.

Когда мы говорим, что власть выступает объектом социальной психологии, то при этом имеем в виду учет социально-психологических факторов в процессе реализации власти. Вне психологического восприятия осуществление власти в любой ее форме невозможно. Всякой власти, в том числе и эксплуататорской, необходима поддержка народных масс, вера в ее ценности, в ее могущество. На основе чувств, настроений, эмоций, привычек, традиций у людей возникают определенные установки их деятельности. Об этом писал Г.В. Плеханов: «Если я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика, следовательно, я имею возможность влиять на нее. Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события»².

В трудах выдающихся мыслителей прошлого содержится много высказываний о психологии власти вождей, народных масс. Их внимание постоянно привлекала психологическая динамика отношения масс к власти, роль большинства в завоевании власти рабочим классом, общественные настроения, классовые инстинкты, сдвиги в социальной психологии. Так, Г.В. Плеханов отмечал, что для К. Маркса «проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой»³.

К. Маркс, признавая социальную обусловленность сознания, в то же время придавал большое значение и субъективному, психологическому фактору в жизни общества. «Главный недостаток всего предшествующего материализма, — писал К. Маркс в «Тезисах о

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 181.

² Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 334.

³ Там же. С. 170–171.

Фейербахе», — включая и фейербаховский, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹.

В.И. Ленин также придавал исключительное значение социально-психологическому фактору в политической жизни. Его размышления о психологии классов, отдельных социальных групп, о психологическом восприятии массами различных методов властвования впоследствии активно использовались большевиками. Он чутко улавливал тончайшие нюансы в психологии масс, уделяя большое внимание рождению новых черт в психологии народных масс по отношению прежде всего к государственной власти. «Государство, — писал он, — бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному»².

Но, к сожалению, история распорядилась иначе. Возникшая в СССР тоталитарная система власти в единстве с авторитарно-бюрократическими методами управления обществом умело использовала психологические законы властвования для оправдания правомочности своей власти. Советский режим активно использовал ссылку на законы истории для обоснования своей власти. В ход были пущены и классическая теория демократии, и бихевиоризм. Власть стремилась доказать, что потребность повелевать и подчиняться глубоко укоренена в психике человека³.

Конечно, все это умело ложилось на российское авторитарное сознание, где предпочтение отдавалось прежде всего вере, а не самостоятельной критической мысли. Именно поэтому психологически российскому общественному сознанию ближе был марксизм с его классовой теорией, нетерпимостью.

Анализ теоретических основ психологии властвования имеет исключительно важное значение для современного переломного этапа развития российского общества. С принятием Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации начался процесс становления ее полноценной государственности. Суверенитет России рождался в острейшей политико-идеологической борьбе с консервативной частью партийно-бюрократической номенкла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 184.

³ См.: Макаренко В.П. Кризис власти и политическая оппозиция // Сов. государство и право. 1990. № 11. С. 62.

туры. Ведь именно прежняя советская структура власти, ее око-стеневшая система в авторитарно-бюрократически-тоталитарной форме (на разных этапах она проявлялась по-разному) служила одним из тормозов в развитии многих преобразований российского общества.

Страх потерять власть, овладевший определенной частью номенклатуры (партийной, советской, хозяйственной), уже после выборов 1989 г. в союзный парламент побудил их объединиться, сгруппироваться и пойти в наступление против демократии и свободы. Это наступление продолжалось методично, постоянно на разных уровнях и, наконец, выразилось в такой форме, как антиконституционный переворот.

Несомненно, демократизация и гласность явились тем катализатором, тем «глотком» воздуха, который позволил народу обрести чувство свободы, собственного достоинства и не позволил правым, консервативным силам партийно-государственной бюрократии вернуть нашу страну вновь на путь тоталитаризма. В психологии россиян произошли огромные сдвиги.

Общество мучительно, но неуклонно избавляется от прежних психологических штампов и комплексов, всяческих «измов», въевшихся в каждого из нас за долгие годы господства мифов, несостоявшихся теорий. Можно со всей определенностью сказать, что сегодня социально-психологическим факторам во всех сферах нашей жизни по справедливости отводится исключительно важная роль.

Чтобы раскрыть истоки психологии властвования, необходим, по нашему мнению, краткий исторический экскурс. Справедливы слова Н.Г. Чернышевского: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»¹. В опыте прошлого можно увидеть как перспективные, объективно закономерные моменты, так и преходящие. Учет накопленного опыта, анализ достижений науки возможны только на глубоком знании прошлого. Поэтому так справедливы слова: «Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего»².

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 11. С. 265–266.

² Блок М. Аналогия истории или ремесло историка. М., 1973. С. 27.

История политической мысли богата различными исследованиями теории власти. Как указывал Ф. Энгельс: «Философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит»¹. То или иное теоретическое воззрение о власти отражало естественно философию своей эпохи.

Среди различных теорий власти заметная роль принадлежит психологической школе власти. Ее видными представителями были крупнейшие русские государствоведы конца XIX — начала XX в. Это был период наивысшего развития капитализма. Научные теории дореволюционных государствоведов отражали взгляды, интересы господствующего класса.

Государство, основанное на частной собственности и эксплуатации человека человеком, они определяли как общественный союз, союз товарищества, основанный на началах равенства. Так, Б.А. Кистяковский отмечал, что в отношениях господства и подчинения этого социально-психологического явления властвования есть, в конце концов, какая-то загадка, нечто таинственное и как бы мистическое. Многие в явлениях властвования навсегда останутся неразгаданным и необъяснимым². Ф.Ф. Кокошкин писал: «Вопрос, почему в конце концов миллионы людей повинуются одному человеку или небольшой группе людей — остается пока без точного ответа ...для этого нужно уяснить психологическое основание власти»³.

При этом возможно лишь указать психологические факты, намечающие путь к разрешению проблемы: это явления личной власти, которая может быть порождена материальной зависимостью, превосходством физической силы, результатом страха перед насилием, но иногда представляет собой такое первичное психическое явление, которое не поддается дальнейшему анализу; на силах привычки: общественном признании и общественном мнении, когда власть рационализируется. Но в подчинении власти и в ее организации всегда остается иррациональный элемент, основанный не на доводах рассудка, а на традициях и безотчетных настроениях⁴. Ф.Ф. Кокошкин пришел к выводу, что наука

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 149.

²См.: Кистяковский В.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 34–35.

³См.: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Под ред. и предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 56.

⁴См.: Там же. С. 57–66.

не может дать точного ответа на вопрос происхождения власти и дает только вероятный ответ¹.

В уважении, признании власти заключается ее социально-психологический феномен. Жажда власти, властолюбие, административный восторг, упоение властью — все это следствие влияния власти, проявление психологии властвования. Именно социально-психологический подход к исследованию механизма властвования помогает уяснить природу и сущность процесса властвования. Уяснив это, мы сможем управлять данным процессом, прогнозировать дальнейшее планомерное совершенствование общества.

Самым крупным и ярким представителем психологической теории государственной власти в царской России был Н.М. Коркунов. В основу своей теории он положил психологический анализ власти вообще, без учета конкретно-исторических, социальных условий существования государственной власти, ее носителя, объясняя сущность власти исключительно психологией подвластных. Философско-методологической основой «психологической теории власти» Н.М. Коркунова являлся позитивизм.

Критикуя волевую теорию государственной власти, наиболее распространенную в XIX в. в немецкой науке государственного права, Н.М. Коркунов писал: «Власть — это только условное выражение для обозначения причины явлений государственного властвования. Что такое власть, это можно вывести только выяснением общих свойств этих явлений, и наукой может быть принята только гипотеза, объясняющая все разнообразие явлений властвования. Волевая теория не удовлетворяет этому основному условию. Она не дает объяснения всех явлений государственного властвования, с некоторыми из них она находится в прямом противоречии, и потому она должна быть отвергнута»².

Ведь «не всякая» воля властвует. Воля бывает бессильная, безвластная. Власть приходит к воле извне, придается ей чем-то другим, в самой воле не заключающемся. Воля стремится к власти, получает и теряет ее. Власть не воля, а объект воли»³ и «таким образом, понятие власти ни в чем не совпадает с понятием воли»⁴.

Коркунов доказывает, что властвование не предполагает непременно властвующую волю: «Властвование предполагает вообще

¹См.: Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. М., 1908. С. 54.

²Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1914. Т. 1. С. 22–23.

³Там же. С. 23.

⁴Там же. С. 22–23.

сознание не со стороны властвующего, а только со стороны подвластного. Все от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним, все равно, имеет ли или даже может ли иметь волю, мало того, независимо от того, существует ли это властвующее или нет. Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее. Если так, власть есть сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного»¹.

В результате Н.М. Коркунов делает вывод: «Если власть — сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного, государство может властвовать, не обладая ни волею, ни сознанием, лишь бы люди, его составляющие, сознавали себя зависимыми от него». Вследствие этого «государственная власть — это сила, обусловленная сознанием зависимости от государства»². Своими абстрактными суждениями о природе власти вообще Н.М. Коркунов пытался завуалировать сущность буржуазной государственной власти. На основе субъективного идеализма и психологизма он отрицал объективный характер государства и политических отношений³.

Другой русский государствовед прошлого также акцентирует внимание на психологическом моменте — сознании зависимости от государства. «Государственная верховная власть, — подчеркивал Г.М. Лазарев, — может быть определена как высшая юридически-организованная, принудительная сила, опирающаяся на сознание зависимости от государства»⁴. Данное определение, писал Г.М. Лазарев, может быть применено ко всем историческим периодам в развитии власти.

Профессор А.С. Алексеев писал, что ошибка Н.М. Коркунова заключается в смешении им явлений общественной жизни и области естественной. Эти явления столь же разнородны, как законы природы и законы человеческого общества. Н.М. Коркунов доказывает, что властвование не предполагает непременно воли, а только сознание подвластных. Но если так широко понимать власть, как понимает ее Н.М. Коркунов, отмечал профессор А.С. Алексеев, то с таким же успехом можно доказать, что властвование не предполагает не только сознания со стороны властвующего, но и со стороны подвластных.

¹ Там же. С. 24.

² Там же.

³ См.: Зорькин В.Д. Теория права Н.М. Коркунова // Правоведение. 1978. № 3. С. 83.

⁴ Лазарев Г.М. Развитие государственной власти в Древнем мире. СПб., 1908. С. 16.

Так, ребенок не сознает своей зависимости от родительской власти, душевнобольной не сознает своего подчинения со стороны властей. Если идти таким путем, то можно прийти к абсурдным выводам, что властью будет какая-то стихийная сила, которая бессознательно властвует над бессознательными, что она ничем не отличается от тех естественных сил, которые действуют в мире физических явлений¹.

Давая общее определение власти как силы, обусловленной сознанием зависимости подвластного, Н.М. Коркунов исключил момент взаимодействия людей. На стороне властвования Н.М. Коркунов, отмечал Б.Н. Хатунцев, не находит нужным иметь ни воли, ни сознания власти, ни возможности даже и необходимости воли и сознания, которые даются наличием человека. Поэтому «власть» Н.М. Коркунова является понятием индивидуальной психологии и естествознания, но отнюдь не социальным явлением².

Один из виднейших русских государствоведов С.А. Котляревский, признавая всецело концепцию власти Н.М. Коркунова, отмечал, что в анализе явлений власти последний показал всю глубину своей интуиции, всю широту своего научного кругозора³. С.А. Котляревский дополнил теорию власти Н.М. Коркунова, выделяя еще и чувства властолюбия, «волю к власти». «Признавая, что власть первоначально создается сознанием зависимости и повиновением, мы не можем смотреть на нее исключительно как на проекцию внутренних состояний, переживаемых подвластными. «Воля к власти» есть также психологическая реальность... Власть становится одной из важнейших ценностей, одним из самых непреодолимых соблазнов» — сторона человеческой души, которую так понимал Макиавелли»⁴.

Уже в советское время Я.М. Магазинер, исследуя природу власти, критиковал психологическую теорию власти. «Психологическая теория, — писал Я.М. Магазинер, — отрицает реальность власти. Для этой теории власти есть лишь известный душевный

¹ См.: Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1894. С. 18.

² См.: Хатунцев Б.Н. О природе власти. Опыт исследования социально-психологических основ власти. Саратов, 1925. С. 34.

³ См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 6.

⁴ Там же. С. 16. В сноске к данной мысли С.А. Котляревский отмечает: «Искушение власти — последний из трех соблазнов сатаны, поставленных перед сыном Человеческим — Мат. 4, 8–10. Есть аналогии в буддизме».

процесс в самом властвующем и подвластном. «Власть не есть только внутренний, психический процесс, а власть есть внешний, объективный результат такого распределения сил во внешнем мире, которое на одной стороне создает возможность приказывать, а на другой — необходимость подчиняться. Сознание же отражает, констатирует эту фактическую обстановку и необходимость вытекающего из нее поведения; но не в сознании, воле или чувстве заключается власть, а в таком неравенстве общественных групп, что одни из них имеют силу вынуждать поведение других, т. е. ставить их от себя в зависимость. Это состояние зависимости и является душой власти»¹.

Следует заметить, что Ф. Энгельс властолюбие наряду с жадностью считал дурными страстями людей². В связи с этой мыслью одного из основоположников теории социализма весьма примечательно следующее замечание Никколо Макиавелли: «Жажда власти — вот главный порок! Опасней этой страсти нет ничего»³.

Современные социальные психологи отмечают, что черты честолюбия, жажды власти не являются врожденными и неизменными, они воспринимаются из атмосферы, пропитанной жаждой власти⁴.

Следует упомянуть еще об одном представителе русской психологической школы. Если Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский объясняли сущность власти психологией, чувствами властолюбия, то Н.И. Лазаревский рассматривал власть как правосознание властвующих, что они имеют право на повиновение и сознание подчиненных, что они обязаны повиноваться⁵. Н.И. Лазаревский отмечал: для того, чтобы власть признавалась всей данной средой, чтобы правосознание, приписывающее власти право приказывать, носило характер массового правосознания, это правосознание должно быть психическим состоянием, повторяющимся у целого ряда лиц, входящих в состав данного общества⁶.

¹ *Магазинер Я.М.* Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. М., 2006. С. 197, 198.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 296.

³ Цит. по кн.: *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. С. 25; см. также: *Бурлацкий Ф.М.* Загадка Макиавелли: Драматургические, исторические, социологические новеллы. 2-е изд. М., 2003 (Законы власти). С. 65.

⁴ См.: *Райгородский Д.Я.* Психология и психоанализ власти: хрестоматия. Самара, 1999. Т. 2. С. 236.

⁵ См.: *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. СПб., 1913. Т. 1. С. 13–14.

⁶ См.: Там же. С. 14.

Психологическая теория власти получила свое широкое распространение в современной политической науке США, Франции. Отождествляя биологические и социальные закономерности¹, западные политологи всячески стремятся обойти социальную природу власти, камуфлируя тем самым подлинную сущность западного общества в эпоху империализма².

Мы привели ряд высказываний представителей психологической школы власти. Несмотря на то, что их воззрения отражали философию эпохи прошлого — царской России — их взгляды не утратили своей ценности в смысле познания психологии властвования.

Исследование вопросов психологии властвования — это анализ и выявление социально-психологических путей становления российской государственности. Психология нынешнего российского властвования — это психология рыночного хозяйствования, психология собственника; это психология носителей властных полномочий в условиях становления разделения властей; это психология умелого применения власти должностными лицами; это психология граждан, осуществляющих власть и участвующих во власти.

Психология властвования (во всех аспектах) неотделима и от культуры властвования. Культуре в обществе вообще, политической в особенности и конституционной в частности, принадлежит важная роль. От уровня зрелости политической культуры зависит уровень развитости демократии всего нашего гражданского общества. Политическую культуру определяют как уровень и характер политических знаний, оценок и действий граждан и как содержание и качество социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения.

Как достижение человеческой цивилизации культура влияет на способы осуществления власти. Именно уровень политической культуры масс, степень ее развития определяют сегодня успех модернизации российского государства и общества. В общественном сознании происходят глубокие перемены. Вообще развитие политической культуры — это сложный процесс, он протекает волнообразно. Старые традиции и нормы, политическая психо-

¹ См.: *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1973. С. 18.

² См.: *Грацианский П.С.* Политическая наука во Франции: критические очерки. М., 1985. С. 44.

логия еще длительное время сосуществуют и борются с новыми. От чего мы хотим избавиться? От административно-командного пресса, от вседозволенности властвующих управленцев, от пассивности и равнодушия граждан, от привычки все делать по команде сверху.

Необходимо иметь в виду следующее: определенная часть общества еще не в полной мере осознала, что в какой-то мере мы все продукт системы социально-психологических отношений, сформированных еще советской системой. Она сформировала общество психологически. Поэтому сознание отдельного человека находится как бы еще во вчерашней жизни. Индикатором эволюции его взглядов, убеждений выступают объективные общественные отношения, в сфере которых он (человек) находится.

Изменение конституционных отношений явилось причиной принятия новой Конституции России. Последняя, выступая конституционной ценностью, отражая цели и задачи дальнейшего развития общества, государства, формирует конституционно-правовое мировоззрение¹.

Взаимоотношение власти и конституционной культуры имеет несколько срезов: исторический, социально-психологический, правовой. Несколько штрихов в связи с этим. Как советский, так и нынешний российский менталитет своими истоками уходят в нашу историю. Так, древнерусский человек находился как бы в предправовом состоянии. Советский человек на начальном этапе политического и социально-психологического состояния общества находился в положении, которое отвечает парадигме «друг — враг». Следует заметить, что именно политико-правовая культура советской политической системы явилась ее «ахиллесовой пятой».

Симптоматично, что известный политолог-специалист по изучению российской элиты О.В. Крыштановская с тревогой констатирует: и у нынешней власти «интеллектуальная недостаточность», опора на административный ресурс, отсутствие внятных целей для общества, система имитантов (подделок, имитирующих партий, общественных организаций и даже оппозиции). Все это контролируется сверху. По сути происходит возврат к прежним советским технологиям². Почему это происходит? Родоначальник гласности А.Н. Яковлев считал, что причина кроется в психологии вождиз-

ма, традиционно присущего для России: царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и т. д. Мы боимся любого начальника, мы не боимся ни землетрясений, ни потопов, ни пожаров, ни войн, ни терактов. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Вот российский парадокс¹.

М.А. Краснов считает, что отсутствие в обществе причинной связи между качеством жизни и устройством власти привело к такому стилю власти как персоналистский режим. Каждый претендент на президентский пост, в том числе и из либерального лагеря, обращается к обществу не с обязательством пересмотреть традиционный принцип властвования, который за много веков и несмотря на разные формы правления, разное общественно-политическое устройство ничуть не изменился, а с обещанием проводить другую, нежели предшественник, политику или, наоборот, быть верным продолжателем его политики. Итак, мой вывод: не патриархальные взгляды общества востребуют персоналистский режим, а персонализм консервирует патриархальные отношения в обществе и патриархальный взгляд общества на устройство власти².

В этих суждениях квинтэссенция психологии власти в России.

Психология власти находит свое проявление и в символах власти. «Власть, — отмечает И.А. Исаев, — как любой символ, не может быть полностью и исчерпывающим образом раскрыта, прочтена и расшифрована. Она остается таким же вечным и скрытым в подсознании архетипом, каким являются загадки смерти, бесконечности и рождения»³.

Для конституционного права, например, важен, прежде всего, конституционно-правовой смысл символов власти. Символы власти выражают суверенитет государства.

Конституционно-правовое выражение символов власти проявляется в их конституционном статусе, конституционно-правовом регулировании применения, использования, защиты. А какое значение они имеют в социально-психологическом смысле? Как заволаживает, например, ритуал вступления в должность главы государства. При этом возникает целая гамма отношений, как регу-

¹См.: Независимая газета. 2005. 19 апреля.

²См.: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006. С. 15.

³Исаев И.А. *Politica hermetika*: скрытые аспекты власти. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 13.

¹См.: Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М., 2008.

²См.: Независимая газета. 2005. 18 февраля.

лируемых правовыми, политическими, моральными нормами, так и не регулируемых, но выражаемых в социально-психологических явлениях (чувство гордости, восхищения властью, носителями властных полномочий и др.). Последние выполняют важную роль в конституционных отношениях, прежде всего поддержки власти, доверия, а иногда и недоверия в зависимости от субъектов их восприятия.

Важное значение как в инструментальном, так и социально-психологическом механизмах власти принадлежит институту оппозиции власти. Институт оппозиции власти — неотъемлемый элемент такой конституционной основы, как политический плюрализм. Конституционный строй, утверждая политические свободы граждан, тем самым охраняет и право личности на инакомыслие, ибо свобода слова, мысли лежит в основе политического плюрализма. Одним из проявлений политического плюрализма выступает многопартийность. Последняя выступает как форма общественного управления и действует как механизм использования расхождения интересов, инакомыслия и разномыслия в целях прогрессивного развития.

Действительная, а не мнимая, многопартийность порождает политическую оппозицию, цель которой взятие власти. Конституционный строй признает только конституционную оппозицию. К сожалению, по свидетельству политической практики последних лет такое явление, как оппозиция, являющееся важнейшим институтом саморегулирования общества, изображается страшилкой и приравнивается едва ли не к государственной измене. Поэтому любое критическое выступление в адрес власти вызывает шок¹.

«Отторжение» любой оппозиции властью, в том числе и конституционной, приводит к потере доверия народа к самой власти. Доверие — это одна из основных социально-психологических основ власти. Доверию противостоит «недоверие». Вообще центральное звено социально-психологического механизма властвования составляет взаимоотношение таких социально-психологических явлений, как «доверие» и «недоверие»². Противоположно доверию — недоверие власти к населению, гражданам, людей к

¹См.: Самарина А. Системная недостаточность // Независимая газета. 2009. 8 апреля.

²На эту диалектику психологии властвования автор обращал внимание ранее, см.: Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы / Под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 133.

власти, себе подобным. Доверие есть вид принятия солидарности, лояльности, открытости. Недоверие выступает видом социального отчуждения¹. История свидетельствует, что власти, ее органам всегда оказывалось доверие со стороны масс. Так, старейшина рода, вождь племени пользовался неограниченным авторитетом. Доверие, оказываемое ему, формировалось за счет отказа в неограниченном доверии множеству остальных. Это была ступень слепого (некритического) доверия. Когда же этого доверия для поддержания авторитета и власти лидера, правителя недостаточно, они поддерживались насилием. Авторитет, власть окружались ореолом святости, незыблемости, недостижимости, неоспоримости. Всякое неповиновение, недоверие власти жестоко каралось.

Поэтому властвующая элита любого общества и государства объективно заинтересована в существовании веры у своих соплеменников, сограждан. В современных условиях любая политическая система недостаточно инструментально эффективна, она должна вызывать верность у граждан своего государства.

История свидетельствует, что власть и авторитет не могут вечно держаться на слепом доверии. Высшей формой престижа и авторитета власти выступает вполне добровольное и абсолютное доверие и подчинение масс. Необходимо отметить, что социально-психологический механизм доверия и механизм отказа в доверии оба очень сложны, они составляют сущность социально-психологической жизни. Научиться, отмечал Б.Ф. Поршнев, все лучшее учитывать и измерять, было бы важнейшим прогрессом науки².

Небезынтересно современному читателю напомнить, как характеризовал этапы социально-психологического отношения масс к царизму В.И. Ленин на примере анализа событий 9 января 1905 г. в России. От психологии покорности и принятия власти царизма к психологии ненависти и протеста, а в конечном счете к отрицанию старой власти³.

Власть и авторитет порождены объективными потребностями и интересами человеческого коллектива, психически ими индуцированы. Следовательно, умелое применение власти, безграничная вера и поддержка ее обусловлены самой сущностью справедливого

¹См.: Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 37.

²См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 146.

³См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141.

властвования¹, такого властвования, которое отвечает социальным потребностям и интересам данной общности или государства. Это начинается уже с того момента, когда власть возвращается обществу.

Поэтому веления власти должны быть справедливы, отвечать объективным интересам и потребностям коллектива, общности, соответствовать его социальным потребностям. Экстраполируя эти теоретические суждения, можно констатировать следующее: в Конституции РФ 1993 г. нашли конституционное закрепление отдельные элементы социально-психологического механизма властвования. Во-первых, в преамбуле Конституции РФ 1993 г. нашел юридическое закрепление принцип «справедливости» как незыблемости нового конституционного строя. В преамбуле выражены преемственность российской государственности и уважение к историческому прошлому многонационального народа России, предыдущие поколения которого передали народам нашей страны любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Конституция, учреждая новый конституционный строй, обязывает всех субъектов конституционных отношений действовать по справедливости.

Во-вторых, доверие народа как источника власти своим представителям-депутатам, высшим должностным лицам юридически реализуется в акте выборов. В-третьих, парадигма «доверие» — «недоверие» конституционно закреплена в системе «сдержек» и «противовесов» во взаимоотношениях законодательной власти в лице Государственной Думы Федерального Собрания РФ — Правительства РФ и Президента РФ (ст. 117 Конституции РФ). Аналогично решается вопрос и на уровне взаимоотношения законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации, а также в сфере публичной власти муниципального уровня.

К сожалению, в нашей Конституции отсутствует норма, предусматривающая право Государственной Думы выразить официально недоверие отдельным членам Правительства. В ряде стран мира предусматривается ответственность отдельных членов правительства (Дания, Швеция, Австрия, Греция, Финляндия, Польша).

¹Примечательно, что еще в Декларации независимости США 1776 г. констатировалось: источником справедливой власти становится согласие управляемых (цит. по кн.: *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2005. С. 264).

Следует заметить, что Государственная Дума практиковала применение выражения недоверия отдельным членам Правительства¹.

Следует отметить, что Государственная Дума предпринимала попытку внесения изменений в Конституцию о введении персональной ответственности членов Правительства. Так, 21 июня 1995 г. большинством голосов депутатов был одобрен закон о внесении поправок в ст. 103 и 117 Конституции РФ². Согласно этим поправкам ГД могла добиться отставки отдельного члена Правительства. По этой процедуре выражения недоверия Президент не имел права распустить Государственную Думу. К сожалению, данные поправки не были приняты.

В контексте темы нашей статьи следует сказать несколько слов о роли политических партий в механизме властвования и особенно, что чрезвычайно важно, в системе психологии властвования. Известно, что принцип многопартийности получил свое конституционное закрепление в действующей Конституции РФ (ст. 13). Эта норма, в сущности, призвана стимулировать дальнейшее развитие демократии, новой политической системы, учитывающей как идеологическое, так и политическое многообразие в рамках формирования федеративного правового государства с республиканской формой правления.

Однако переход полностью на пропорциональную систему распределения депутатских мандатов в Государственной Думе, 7% барьер, отмена в избирательном бюллетене графы «против всех» и порога явки избирателей на выборах привели к модернизации как политической системы в целом, так и института свободных выборов, выступающего основополагающим институтом конституционного строя России. Все эти законодательные изменения неоднозначно были восприняты и политическими деятелями, и учеными³.

Современные выборы способствуют формированию новой политической системы, становлению многопартийности. С одной

¹См., например: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 10 марта 1995 г. № 569-1 ГД «О Министре внутренних дел Российской Федерации В.Ф. Ерине» // СПС «КонсультантПлюс».

²См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 июня 1995 г. № 904-1 ГД «О Федеральном конституционном законе «О поправках к статьям 103 и 117 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³См.: *Воробьев Н.И.* Конституционные проблемы избирательного права и демократии // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 88–97.

стороны, это имеет положительное значение. Но справедливости ради следует сказать, что мы получили гипертрофированное правовое признание исключительности политических партий в избирательном процессе. Средствами массовой информации в общественное сознание внедряется стереотип: только они (политические партии) могут решать все наши проблемы, вывести Россию из тупика социально-экономического и политического развития. Но вряд ли это так.

Поэтому не случайны, например, такие суждения: в числе угроз конституционному строю России — политические партии, узурпирующие права народа в его отношениях с государством (Б.С. Эбзеев)¹; «сидящие в парламенте» партии пользуются доверием только у 7% населения России, поэтому дальнейшая партизация государственной власти чревата очередными социально-политическими катастрофами (Людвиг Карапетян)²; набирающая силу партизация власти чревата рецидивом восстановления отвергнутой народом схемы «партия-государство», поэтому претензии политических партий на управление государством неконституционны (С.Н. Бабурин)³.

Не вдаваясь в детальный анализ данной полемики, заметим следующее. Да! Это фактическая система властвования в современной России. Но отражает ли она закономерности психологии властвования? И будет ли она способствовать утверждению справедливой власти, выражающей интересы и потребности многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации?

В контексте данной статьи важен аспект ответственности публичной власти. В конституционном праве в постсоветский период широкое распространение получил такой вид юридической ответственности, как конституционная ответственность. Применительно к публичной власти она имеет следующие меры: отрешение Президента РФ от должности; выражение Государственной

¹См.: Эбзеев Б.С. Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражение в Конституции // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 45.

²См.: Карапетян Л. Страсти по власти. Управление государством не должно базироваться на партийных списках // Независимая газета — политика. 2009. 3 февраля.

³См.: Бабурин С.Н. Непарламентская диктатура. О неконституционных претензиях политических партий // Независимая газета — политика. 2009. 21 апреля.

Думой недоверия Правительству РФ; роспуск Президентом РФ Государственной Думы в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ч. 4 ст. 117 Конституции РФ и др.¹

Следует отметить, что в Конституции России термин «ответственность» содержится в преамбуле, ст. 41, 54, 122 и в разд. 2 «Заключительные и переходные положения», где речь идет об ответственности Правительства РФ. Статья 122 посвящена исключительно уголовной ответственности. Прямого законодательного закрепления конституционной ответственности в Российской Федерации еще нет, и это существенный пробел.

Лишь в постановлении Конституционного Суда РФ сформулирована правовая позиция Конституционного Суда РФ, например, о «конституционной ответственности Президента РФ за деятельностью Правительства РФ»². А.Н. Кокотов конституционную ответственность рассматривает как одну из мер публичного принуждения в конституционном праве, включая меры пресечения, защиты, восстановления прав, меры ответственности³.

Как известно, механизм гарантий прав человека включает наряду с правовыми нормами, закрепляющими эти права, и институты публичной власти. Последние призваны обеспечивать их реализацию. В свете этого заслуживают внимания два Указа Президента РФ: Указ от 28 июня 2007 г. № 825 (в ред. Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 606) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», которым утвержден перечень показателей для оценки эффективности деятельности исполнительной власти субъектов РФ. Перечень содержит 43 пункта. Они касаются практически всех предметов ведения последних в различных сферах жизнедеятельности (объема ВРГ, бюджета, состояния экономики, смертности, уровня криминогенности от числа опрошенных, расходов на образование и т. д.).

Второй Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» утверждает

¹См.: Кондрашов А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006; Виноградов В.А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М., 2005.

²См.: СЗ РФ. 1998. № 52, ст. 6447.

³См.: Кокотов А.Н. Конституционное право России: курс лекций: учебное пособие. М., 2006. С. 14-17.

соответствующий перечень показателей для оценки эффективности деятельности названных органов МСУ. Перечень содержит 30 пунктов. Они отражают специфику компетенции органов МСУ. Следует назвать при этом и распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р, которым в целях реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» утвержден перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, в том числе показателей, необходимых для расчета неэффективных расходов местных бюджетов. Перечень дополнительных показателей содержит 31 пункт. В названных актах устанавливаются сроки представления докладов Президенту РФ, Правительству РФ, их форма и т. д.

Утвержденные показатели дают статистику социально-экономического, демографического, финансово-бюджетного состояния практически всех важных сфер жизнедеятельности государства и функционирования институтов гражданского общества. Они необходимы для полноценного осуществления полномочий Президента и Правительства, для принятия адекватных стратегических и текущих решений в стране. Эти показатели есть необходимый элемент в системе «вертикали» публичной власти.

Для верховной власти важно знать, насколько эффективно функционируют ее нижестоящие звенья. Однако из этих показателей абсолютно неясно, какая наступает ответственность органов публичной власти в случае необеспечения этих критериев эффективности? Означают ли эти критерии, что права человека в Российской Федерации защищены в той мере, которая способна обеспечить достоинство и свободу человека?

Практика свидетельствует, что это укрепление «вертикали» власти, точнее, одной из ее ветвей — исполнительной. Последняя де-факто занимает главенствующее место в практическом механизме публичной власти и в современной России. Невольно напрашивается мысль: что вновь повторяется история — власть ради власти? Все дело в том, что власть в России всегда (и в прошлом, и в XX в.) выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Восприняв византийскую модель государственности, Россия в полную меру испила чашу цезаризма. Власть ради вла-

сти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России¹.

Характерно в связи с этим еще одно замечание. На международном «круглом столе» на тему «Народ и власть в российской Смуте», состоявшемся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН, прозвучала мысль: «Современная власть занималась и занимается самообеспечением, самообслуживанием. Поэтому не случайно, что она не в состоянии предложить какую-то консолидирующую и мобилизующую идею»².

К сожалению, горько читать такие мысли! Но необходимо признать, что наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, регуляторов, независимости судебной власти и т. д. Дух фактического властвования сегодня — вот психология власти в России.

¹ См.: Власть в России и ее теоретики. Валерий Подорога в контрверзах с Александром Дугиным // Независимая газета. 1998. 13 мая.

² Разин С. «Перестройка» и «Смута» на международном «круглом столе». «Народ и власть в российской Смуте» // Федерализм. 2010. № 2. С. 231.

БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ ДРУГ*

4 декабря 2008 года ушел из жизни один из последних могикан советской и российской науки конституционного (государственного) права.

Время неумолимо движется, и как-то не хочется верить, что приезжая в Москву, больше не смогу встретиться с Олегом Емельяновичем, пообщаться, обсудить как научные, педагогические, так и иные жизненные проблемы.

Наше знакомство относится к 1969 году. Дело в том, что мы не только жили в разных городах (он в Москве, я в Саратове), но и принадлежали к разным (по тем временам) научным школам.

Он — ученик профессора С.С. Кравчука, зав. кафедрой государственного права юрфака МГУ. Эта кафедра по праву считалась главной кафедрой государственного права Советского Союза. На ней работали выдающиеся ученые-государствоведы: профессора Г.В. Барабашев, Л.Д. Воеводин, Д.Л. Златопольский, Н.Я. Куприц, А.А. Мишин, К.Ф. Шеремет. Каждый из них являлся автором многочисленных учебников и монографий, по которым я учился в институте, а впоследствии и в аспирантуре. Несомненно, это созвездие крупных ученых-государствоведов, среди которых начинал свой творческий путь Олег Емельянович, было той питательной средой, которая способствовала формированию Кутафина как личности.

Моим же учителем был выдающийся педагог и ученый — теоретик права, а впоследствии и конституционного права, доктор юридических наук, профессор Исаак Ефимович Фарбер. Когда в 1966 году я поступил в аспирантуру по кафедре государственного права Саратовского юридического института, О.Е. Кутафин уже был кандидатом юридических наук. Он защитился в 1965 году.

До личного знакомства мы внимательно следили за успехами друг друга. И в 1969 году Олег Емельянович попросил выслать ему сборник нашего университета «Проблемы конституционного права», вышедший в Саратове в том же году. В нем были опу-

бликованы две мои статьи: «Элементы понятия государственной власти», «Выборы в Советы и избирательное право». Именно они особенно интересовали О.Е. Кутафина. Пишу об этом подробно, потому что впоследствии мы обменивались научными работами постоянно.

В 1974 году, когда я проходил обучение на ФПК юрфака МГУ, читал нам лекции и О.Е. Кутафин, который в то время еще был кандидатом юридических наук, доцентом. Запомнилась его манера общения: открытость, уважительное отношение к слушателям, среди которых были преподаватели, как молодые, так и в возрасте, и среди них — фронтовики, такие как А.В. Зиновьев и В.А. Сивов из Ленинградского университета. Его лекциям было присуще глубокое знание как теории вопроса, так и анализа практики реализации конституционно-правовых норм.

Помню, как с фирменным кутафинским юмором он рассказывал о том, что чиновники из аппарата Верховного Совета СССР боялись предоставлять ему для ознакомления материалы деятельности постоянных комиссий палат ВС СССР. Как известно, в тот период Олег Емельянович опубликовал солидную монографию, посвященную правовому статусу этих государственных институтов.

О том, каким уважением среди нас пользовался О.Е. Кутафин, говорит следующий эпизод. Мы вместе с профессором Л.А. Григоряном, с которым меня связывали не только творческие отношения, но и личная дружба, сидели в одном московском ресторане и, как договорились заранее, ждали Олега Емельяновича. В зале было много коллег — юристов из Москвы и других городов. Вдруг за соседним столиком раздался возглас: «Олег Кутафин пришел». Я в это время посмотрел в зал и увидел, как все, сидящие в нем, повернулись к Олегу Емельяновичу, приветствуя его. Он был душой компании, шутил, приковывал к себе внимание. Впрочем, в тот вечер Кутафин подбросил нам один интересный вопрос, и разговор быстро перешел на научные темы.

Хотел бы отметить эту черту характера Олега Емельяновича: энергичный, коммуникабельный, он всегда старался, несмотря на свою огромную занятость, встречаться с коллегами из других городов нашей огромной страны, общаться, обсуждать с ними передовые научные проблемы.

Мне приятно, что Олег Емельянович с теплотой, по-отечески относился к моему сыну Сергею. Когда тот переехал в Москву, О.Е. Кутафин пригласил его на работу на свою кафедру. И позже всегда поддерживал его — они вместе учредили издательство

* © Кабышев В.Т. Большой ученый друг // Олег Кутафин. Первый по праву / [сост.: И.В. Кравченко, Д.Ю. Мартынкина]. М.: Прогресс РК, 2011. С. 200–207.

«Формула права», выпускали одноименный журнал, работали в избирательном штабе В.В. Путина.

... Смотрю на книжные полки, где стоит целый ряд книг Олега Емельяновича. Мне дороги его посвящения: «Дорогому Владимиру Терентьевичу Кабышеву с дружескими чувствами». Но на одной из монографий, а именно «Источники конституционного права Российской Федерации» (М.: Юристъ, 2002), Олег Емельянович сделал особенно памятную и ценную для меня надпись: «Моему дорогому другу Володе Кабышеву с любовью».

Дело в том, что накануне выхода этой книги мне сделали очень сложную операцию. И Олег Емельянович подарил мне свою новую монографию после моей выписки из больницы, при встрече в его кабинете (он еще был ректором МГЮА). Тогда он произнес слова, которые запали мне в душу: «Нам нужно держаться. Вот и В.А. Ржевский, и Ю.П. Еременко ушли. Остались мы».

Между нами — Олегом Емельяновичем, профессором В.А. Ржевским (г. Ростов), профессором Ю.П. Еременко (г. Волгоград) и мною была особая общность. Мы дружили, были практически ровесниками в годах и единомышленниками в науке. Олег Емельянович говорил мне, что мечтал собрать нас всех на одной кафедре. Увы, но судьба распорядилась иначе! Они, мои коллеги по науке и друзья, были, несомненно, талантливыми учеными и педагогами, оставили заметный след в истории конституционно-правовой мысли СССР и России. Но Олег Емельянович выделялся среди них.

Олег Емельянович вообще очень берег память о своих учителях, коллегах, ушедших из жизни. На первой странице его монографии «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации» (М.: Юристъ, 2004 г.) написано: «Памяти моих учителей и коллег посвящается эта книга». Эти слова — еще одно свидетельство высокой нравственности ученого. Того, как Олег Емельянович уважал своих, ценил светлую память коллег, с которыми дружил, и дорожил их добрым отношением к себе. В нынешнее время переоценки нравственных, социально-политических, конституционных ценностей это дорогого стоит.

О.Е. Кутафин был ярким, разносторонним, высокообразованным человеком, ученым, организатором высшего юридического образования в России. Коллеги-москвичи, общавшиеся с ним чаще, чем мы, жившие в других городах, могут больше сказать о различных чертах, гранях этого неординарного человека, к сожалению, так рано ушедшего из жизни.

Особого анализа требует научное наследие академика О.Е. Кутафина. Думаю, что это вряд ли под силу одному человеку — столь разносторонними, многоплановыми были научные интересы Олега Емельяновича в последние годы.

Начиная с 2001 года он ежегодно издавал солидную монографию, посвящая ее исследованию одной из фундаментальных проблем науки конституционного права. 2001 год — монография «Предмет конституционного права»; 2002 год — «Источники конституционного права Российской Федерации»; 2003 год — «Российское гражданство»; 2004 год — «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации»; 2006 год — «Российская автономия»; 2007 год — «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица»; 2008 год — «Российский конституционализм». И в эти же годы несколько изданий учебников по конституционному праву России в соавторстве с профессором Е.И. Козловой. Один из них удостоен премии Президента РФ в области образования.

Олег Емельянович, чувствуя, что годы уходят, спешил сказать свое слово в науке конституционного права. Эксклюзивно анализируя то, что было сделано в науке конституционного права в постсоветский период, в одной из наших с профессором Е.Б. Колесниковым рецензий мы отмечали: «В каждой из своих книг (о предмете конституционного права, источниках конституционного права, гражданстве) О.Е. Кутафин даст глубокий и детальный анализ исторического развития исследуемых категорий конституционного права, делая, безусловно, свои выводы. Образно говоря, историю науки конституционного права, а точнее, ее отдельные разделы сегодня можно изучать исключительно по монографиям О.Е. Кутафина»¹.

Приведу еще несколько фрагментов из этой рецензии, чтобы будущий читатель смог понять ценность, глубину исследования проблемы в этой монографии Олега Емельяновича.

«Данная монография О.Е. Кутафина написана в классическом, академическом стиле без различных идеологизмов, политических экскурсов, сопровождаемых скороспелыми выводами и обобщениями. Автор придерживался юридического направления в науке конституционного права. Такой подход вполне приемлем, так как в последнее десятилетие наблюдается не всегда оправданная

¹ Кабышев В.Т., Колесников Е.В. Рецензия на книгу Кутафина О.Е. «Источники конституционного права Российской Федерации». М.: Юристъ, 2002. // Правоведение, 2002, № 6. С. 246–249.

политизация конституционных исследований. Работу отличают информационная насыщенность и наличие широкой источниковедческой базы. Достаточно полно представлены труды русских дореволюционных и советских государствоведов.

Достоинством монографии является то, что при исследовании конкретного вида источников делаются весьма удачные экскурсы в историю конституционного права. В методологии проведенного исследования обнаруживается нечасто встречающаяся в наши дни преемственность в развитии конституционно-правовой мысли. Ценно, что книга, подводя своего рода итог предшествующему этапу исследования этой темы, одновременно насыщена новым и новейшим материалом, интересными и обоснованными суждениями по многим аспектам развития конституционного права и конституционно-правового регулирования в современной России.

О.Е. Кутафин внес существенный вклад в разработку проблемы источников конституционного права Российской Федерации».

А вот цитата из другой рецензии на другую книгу Олега Емельяновича, «Российская автономия»:

«Автономии личности, автономия науки, автономия государства, автономия территориального сообщества. Этот термин настолько многогранен, что исследование его феномена на протяжении многих веков занимает умы известных политиков, философов, историков, юристов... Особым событием в развитии отечественной юридической науки можно с уверенностью назвать выход в свет еще одной монографии известного российского ученого академика О.Е. Кутафина «Российская автономия»...

Монография написана по проблеме одной из основополагающих во всей конституционно-правовой теории... Автор монографии стремится не только придать термину «автономия» сущностную определенность, но и раскрыть конкретность прикладных аспектов его использования, необходимых для видения стратегических направлений развития государства. Автономия в России всегда играла и играет особую роль, поскольку является своеобразным способом сохранения ее государственного единства...

Энциклопедический и обстоятельный подход к исследованию поставленных в книге проблем лежит в основе творческого успеха данной работы...

Основное предназначение автономии автор видит в том, что с ее помощью устанавливаются определенные принципы решения отдельных вопросов, составляющие суть развития государствен-

ности. В той или иной форме она объективно необходима на таких территориальных пространствах, как Россия с ее многонациональным по составу населением. Впервые в отечественной литературе анализ советских форм автономии произведен на основе новых, современных подходов к исследованию роли и значения автономии, и в этом видится еще одна заслуга автора монографии... Особого внимания заслуживают положения монографии, касающиеся новейших процессов в этой сфере, в частности объединения автономных округов с областями...

Кризис российской государственности, имевший место в России в начале и середине 1990-х годов, в известной степени был связан и с кризисом в разработках теории понятия самого государства как такового и ряда других, близких к нему понятий, в том числе и такого понятия, как автономия. Необходимо было внести ясность в теорию автономии и исключить из нее ненужный политизированный подход. Поэтому российская наука вернулась к анализу таких основополагающих понятий.

Данная работа представляет собой первое современное комплексное исследование накопленного к настоящему времени правового, исторического и теоретического материала по проблемам автономии, в котором раскрыты основные тенденции и наиболее перспективные с точки зрения демократического развития государств направления дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений, связанных с применением различных форм автономии в России»¹.

Уместно, по-моему, назвать одну из последних монографий академика РАН О.Е. Кутафина «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица». В данной работе Олег Емельянович исследовал проблему хозяйственной деятельности субъектов Федерации и муниципальных образований и их органов, а также общественных и религиозных организаций в контексте конституционного и гражданско-правового регулирования. Безусловно, в этой монографии исследовался чрезвычайно важный и в то же время новый вид конституционных отношений современной России.

Позволю привести выдержки из рецензии В.Е. Чиркина: «Рецензируемая работа О.Е. Кутафина — новаторское исследование в российской, да, пожалуй, и в мировой юридической литературе по

¹ Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Особенности автономии в России: взгляд ученого // Журнал российского права, 2006, № 4. С. 147–152.

вопросу об участии публично-правовых образований в гражданско-правовых отношениях...

...По широте обсуждаемых вопросов, объему использованного законодательства (включая акты субъектов РФ и муниципальных образований), привлечению юридической практики, разносторонности и качеству научной дискуссии эта книга занимает выдающееся место в научной юридической литературе. Такого целостного монографического исследования, насколько нам известно, не существует и в зарубежной литературе...

...Монография О.Е. Кутафина — уникальная комплексная работа, целостное разностороннее исследование, подобного которому нет в юридической литературе...

...Закрывая замечательную книгу О.Е. Кутафина, еще долго остаешься под впечатлением прочитанного. Она отвечает на многие вопросы, но, может быть, еще большая заслуга автора в том, что такой труд намечает новые вехи в правовых исследованиях, открывает дальнейшие горизонты для юридической мысли¹.

Замечательно сказано! Неподдельный пафос рецензии — глубокая дань светлой памяти выдающегося государствовед-конституционалиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика РАН Олега Емельяновича Кутафина.

Следует отметить, что анализ ряда проблем теоретического наследия О.Е. Кутафина уже обозначен в публикациях членов кафедры конституционного и муниципального права России МГЮА, которую он возглавлял долгие годы². И автор этих воспоминаний, анализируя развитие идей конституционализма постсоветской России (в частности, вопросы конституционной ответственности, конституционного строя гражданства и др.), не мог не анализировать работы О.Е. Кутафина в контексте исследуемых им проблем³.

¹ Чиркин В.Е. Субъекты конституционного права в частноправовых отношениях (Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица) // Журнал российского права, 2007, № 2. С. 151, 152, 154.

² См. статьи проф. Е.И. Козловой и Н.А. Михалевой в сб. тезисов: Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)» Сборник тезисов. ООО «Изд-во «Элит», 2009. С. 3–13.

³ Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. Саратов, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008.

Наши вышеизложенные фрагментарные суждения конечно же не дают полной картины всего многообразия, богатства идей творческого наследия Олега Емельяновича.

И если судьба подарит мне еще несколько лет жизни и достаточно сил, я постараюсь более подробно проанализировать научные проблемы из огромной сокровищницы идей дорогого моему сердцу Олега Емельяновича Кутафина.

Светлая ему память!

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ГАРАНТИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В XXI веке*

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года «стало беспрецедентным событием в истории российской нации»², отмечал Президент России Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации.

Конституция РФ закрепила слом советского тоталитаризма и переход к новому конституционному строю. В ней закреплены принципиально иные, чем ранее, ценности, нормы, принципы, которые определяют ориентиры социально-экономического, политического и духовного развития России в XXI веке.

Прошедшие годы убедительно подтверждают, что российское общество приняло ценности подлинного конституционализма: свободу человека и совести, многопартийность и открытость границ, рыночные отношения и судебную защиту прав человека, суверенитет и народовластие, парламентаризм и разделение властей, верховенство закона, федерализм и местное самоуправление, признание и защиту всех форм собственности.

Необходимо отметить, что за все эти годы внимание конституционалистов к различным аспектам как теории конституции, так и механизма ее реализации значительно повысилось и не ослабевает.

Конституционализм, конституционный строй, конституционность, конституционализация, конституционный порядок, конституционная ответственность — эти слова звучат своего рода лейтмотивом почти в каждом исследовании по теории конституции.

Наконец, принципиально новый аспект выдвигает судья Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор Н.С. Бондарь: судебный конституционализм как воплощение политико-правового режима судебного обеспечения верховенства

права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства¹.

Рассматривая конституционализм как гарантию модернизации России в XXI веке, мы исходим из понимания российского конституционализма, воплощающего наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики. По нашему мнению, российский конституционализм включает в себя пять элементов: конституционная доктрина (конституционные идеи), Конституция, конституционно-политический режим как воплощение конституционных ценностей и конституционных принципов, конституционный контроль как система защиты конституционного строя и Конституции, конституционное мировоззрение и конституционная культура должностных лиц и всего населения. Конституционализм — это философия конституционного мировоззрения, выраженная в Основном законе государства, это обеспечение верховенства Конституции, это правление в рамках Конституции².

В контексте нашей конференции зададим вопрос: модернизация — это цель или стратегия, вектор развития России, и каковы при этом роль и значение конституционализма во всей гамме его проявлений?

На первый план сегодня выдвигают инвестиции, совершенствование управления экономикой. Но возможна ли модернизация без совершенствования политической и правовой системы? Ответ будет отрицательным в данном случае. На федеральном уровне провозглашается: без свободных, образованных, компетентных, культурных, ответственных людей модернизация невозможна. Прекрасно звучит! Но, к сожалению, в действительности — консервация нынешней политической системы. Получается, что в основе модернизации чувство самосохранения существующей системы власти. Главный мотив модернизации — власть над будущим. Именно власть немногочисленной бюрократическо-

¹ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционального правосудия. — М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. — С. 19-20.

² См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. — 2001. — № 4. — С. 63.

* © Кабышев В.Т. Конституционализм как гарантия модернизации России в XXI веке // Современный российский конституционализм: доктрина и практика. Материалы межвузовской научно-практической конференции (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.) / Отв. ред. — проф. Н.С. Бондарь. Ростов н/Д-СПб: Профпресс, 2011. С. 38–42.

² Российская газета. — 2008. — 6 ноября.

олигархической группы в современной (постсоветской) России существенно влияет на многие модернизационные процессы.

Главным вопросом обозримого будущего для России является вопрос: каким будет соотношение процессов консервации сложившейся асоциальной общественной системы и процессов ее преодоления?¹

В связи с данным тезисом важное значение имеет мысль Н.С. Бондаря о том, что конституционализм, являясь в своей основе политико-правовым явлением, есть в то же время и нравственно-этический императив, причем не только для субъектов публичной власти, но и для каждого члена общества как гражданина России². Этот вывод непосредственно вытекает из преамбулы Конституции РФ, где аксиоматично сформулирован данный императив: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». При всей значимости политико-правовых начал российского конституционализма, естественно составляющих его сердцевину, в современной России имеет исключительно важное значение нравственно-этический, мировоззренческий аспект. Во имя чего мы хотим модернизировать Россию? Что мы ставим во главу угла при этом? Следует отметить, что весь XX век шло противостояние государственных чиновников и народа, поскольку, как заметил еще в начале XX в. Д.И. Менделеев, «добрая половина государственных деятелей в Россию не верит, Россию не любит и народ не понимает»³. Как изменить такое положение? Есть только один путь — демократизация общественной жизни. В связи с этим вновь вопрос: отвечает ли уровень демократии в России объективным закономерностям ее развития как демократического, правового государства, декларированным в Конституции РФ? Достаточно ли система защиты прав человека? К сожалению, приходится констатировать — нет! Возьмем реализацию ст. 31 Конституции РФ. Почему органы исполнительной власти боятся разрешать митинги? Мы постоянно наблюдаем жесткий прессинг власти на пути реализации гражданами политических свобод. Даже Конституционный Суд РФ, заявив о себе как о генераторе «живого»

конституционализма (звучит прекрасно, и, надеемся, наступят эти времена, но как долго ждать?!), к сожалению, стал камуфлировать защиту конституционного права на свободу митингов, закрепленную ст. 31 Конституции РФ, в форму отказных определений с «позитивным» содержанием. «Спрятав» цивилизационный демократический процесс защиты конституционных прав в ложе отказных определений с «позитивным» содержанием, Конституционный Суд РФ, по справедливому, к сожалению, замечанию Б.А. Страшуна, в последние годы выхолащивает демократический дух Конституции Российской Федерации¹.

Конституционный суд, принимая определение с «позитивным» содержанием, апеллирует к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «о разбирательстве дела в разумный срок». В данном случае гражданин находится в парадигме, прежде всего, интересов судебной власти и высших конституционных ценностей. Судебная власть устанавливает правила, ей удобные, а права и свободы человека как высшая конституционная ценность уходят на второй план. И всякие сентенции, «исторически выверяемый баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»², по сути, ставят на первое место власть, а не человека, его права и свободы. Это есть оправдание тенденции конституционного строительства в современной России: сначала власть, а потом гражданин, его права и свободы. Исторически это оправданно, ибо власть в России всегда (и в далеком прошлом, и в XX веке) выступала как самодовлеющая сила, подчиняющая себе все и вся. Власть ради власти, рефлексия за всех остальных — магистральный путь прежнего развития России. Но ведь по Конституции Российской Федерации 1993 года на вершине конституционного строя России находится («провозглашен») человек, его права и свободы. Симптоматично, что ряд судей Конституционного Суда РФ (Н.В. Витрук, В.О. Лучин) в своих особых мнениях и научных публикациях особо акцентировали: права и свободы человека, являясь непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов,

¹См.: Миккульский К. Шанс на обновление. Модернизировать экономику не удастся без ревизии всей модели общественного устройства России // «НГ». — 2009. — 23 декабря.

²См.: Бондарь Н.С. Личное и публичное: в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д: Альтаир, 2010. — С. 12–13.

³Цитируется по «Земля русская» // Российская газета Петровской академии наук и искусств. — 2001. — № 1. — С. 5.

¹См.: Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя (состояние и перспективы российского конституционализма на общем мировом фоне). Конституционный вестник. Спецвыпуск. Декабрь 2008 г. — № 1 (19). — С. 61.

²См.: интервью В. Зорькина «Российской газете». «Время милосердия. Конституционный суд готов ускорить процедуру рассмотрения дел» // Российская газета. — 2010. — 29 января.

деятельность публичной власти — это конституционная реальность. Все остальные конституционные принципы (закрепленные в главе 1 Конституции Российской Федерации) инструментальны по отношению к другой — высшей — конституционной ценности: правам и свободам человека.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать: Россия будет жить в условиях реального конституционализма и последний будет гарантировать ей полноценную, полномасштабную модернизацию только в том случае, если Конституция будет соблюдаться не в эвфемизмах, а действительно будут защищены права человека и система публичной власти будет функционировать в конституционном режиме.

Думаю, в этом убежден и присутствующий здесь Николай Семенович Бондарь, который, работая судьей Конституционного Суда РФ, приобрел бесценный опыт реализации Конституции РФ во всех ее проявлениях. Благодаря этому он, во-первых, изнутри многократно убеждался, как неимоверно трудно идет процесс применения, исполнения, соблюдения Конституции России — в сущности, становление нового конституционного строя.

Во-вторых, за годы работы в Конституционном суде Николай Семенович стал, несомненно, одним из ведущих ученых-конституционалистов, определяя, по сути, в своих многочисленных публикациях новые направления развития российского конституционализма как в теоретико-философском, аксиологическом, гносеологическом, так и в конституционно-практическом смыслах.

В-третьих, Н.С. Бондарь в своих работах раскрывает и убедительно показывает роль конституционализма, как чрезвычайно трудно идет в России объективно необходимый процесс конституционализации всех сторон нашего бытия. Можно, конечно, не соглашаться и спорить с рядом суждений Николая Семеновича, типа: «Конституция Российской Федерации есть баланс власти и свободы». Скорее, это желаемое, чем конституционная действительность. Но Николай Семенович видит, зовет в своих работах к этой конституционной цели — построению в России демократического правового государства.

В-четвертых, Николай Семенович не прерывает тесной творческой связи со своей альма-матер — РГУ (ныне Южный федеральный университет). Эта связь выражается не только в том, что он возглавляет кафедру и является председателем диссертационного совета. Он готовит кадры высшей квалификации — кандидатов и докторов юридических наук.

Хотел бы напомнить: в одном из сборников, посвященных двадцатилетию кафедры управления, он с любовью и уважением пишет о становлении и дальнейшем развитии этой кафедры, ее членов, своих учеников. Это действительно команда молодости Николая Семеновича.

Следует напомнить еще одну мысль. Рассуждения Николая Семеновича о конституционной модели юриста XXI века обстоятельны, глубоко продуманы, автор высказывает озабоченность настоящей подготовкой юридических кадров в России, высказывает ряд интереснейших предложений по модернизации юридического образования в России.

Будем надеяться, что Николай Семенович еще порадует нас и юридическую науку своими интересными фундаментальными трудами.

НАРОДОВАСТИЕ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

В статье анализируются место и роль народовластия в системе конституционного строя России; раскрываются формы взаимовлияния политики и власти в механизме конституционно-правового регулирования политических отношений.

Ключевые слова: власть, политика, конституционный строй, конституционно-политический процесс, конституционное регулирование.

The article is devoted to the analysis of the place and role of democracy in the constitutional order of Russia, the mutual form of politics and power in the mechanism of the constitutional legal regulation of political relations.

Key words: power, politics, constitutional system, constitutional and political process, constitutional regulation.

Народовластие составляет сердцевину конституционного строя России. Отношения по осуществлению власти народа входят в составную часть (одну из них) предмета отрасли конституционного права. Власть — постоянный спутник человеческого общества. Государственная власть возникает с появлением государства как политической организации господствующего класса. Конституционные идеи XVIII в., воплотившиеся в конституционный принцип «правление от имени народа», были рождены в ходе острой политической борьбы различных социально- политических сил. Как прежде, так и современное конституционное право любой страны, самым тесным образом взаимосвязано, взаимообусловлено, прежде всего, политическими отношениями, существующими в государстве.

Практически любой институт конституционного права имеет политическое содержание. В одних случаях — наиболее концентрированное, прямо опосредованное, в других — менее обусловленное политическими отношениями. Поэтому не случайно в советский период утверждалось, что наука советского государственного права есть наука общественная, политическая и юридическая. Эти три

определения дают сущностную характеристику, они никоим образом не должны противопоставляться¹.

Следует отметить, что ряд западных конституционалистов понимание конституционного права тесным образом связывают с политическими отношениями. Так, французский профессор Жан-Поль Жаке дает следующее определение: «Конституционное право своим предметом имеет юридическое обрамление политических отношений, основное содержание которых составляет власть»².

С принятием Конституции РФ 1993 г. и учреждением Конституционного Суда России политический аспект, политика в научных исследованиях как бы «ушли» на второй, третий план, хотя в отдельных исследованиях они остаются на первом плане³. С одной стороны, это было связано с тем, что в Конституции РФ 1993 г. появилась глава «Основы конституционного строя». Это стало предопределять тематику исследований в науке конституционного права. Центральное место в науке конституционного права постсоветского этапа развития заняла проблема конституционализма.

Как известно, понятие «конституционализм» зародилось и институционализировалось в эпоху появления конституций и означало тогда правление, ограниченное конституцией. Концепция конституционализма, обоснованная теоретиками естественного права, была исторически прогрессивной. Ограничения государственной власти, установление процедуры осуществления властных функций имело разные формы в конкретных государствах.

Российский конституционализм воплощает наиболее сущностные явления конституционного строя и конституционной практики. Конституционализм включает в себя пять элементов: конституционная доктрина (конституционные идеи), Конституция, конституционно-политический режим, конституционный контроль, конституционная культура и конституционное мировоззрение должностных лиц и населения.

Конституционализм не может существовать, реализовываться вне связи с уровнем конституционно-правовой культуры и суверенной государственности.

¹ См.: Советское государственное право / Под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 10.

² Жаке Ж.-П. Конституционное право и политические институты: учебное пособие / пер. с фр. М., 2002. С. 30.

³ См., например: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006.

* © Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (№ 85). С. 39–45.

Парадоксы российского конституционализма наиболее ярко проявляются в нашей действительности. Происходящие в России стремительные перемены, генерируемые главным образом бюрократией «демократического» цезаризма и партийного «авангардизма», создают новые угрозы конституционному строю, превращают политическую систему в инструмент осуществления власти узко номенклатурной группировкой. Именно власть немногочисленной бюрократически-олигархической группы (фактическая власть) существенно влияет на многие модернизационные процессы, подвергая их по сути деконституционализации¹.

В свете вышесказанного зададимся вопросом: какое политическое содержание вкладывается в категории и соответственно реалии нашей действительности «власть народа» и «конституционный строй»? Можно ли отделить конституционный и политический аспекты в исследуемых явлениях общественно-политической жизни российского общества?

Как известно, в Конституции РФ термин «политика» упоминается 7 раз в следующих статьях: 7 (ч. 1), 71 (пп. «е», «к»), 80 (ч. 3), 84 (п. «е»), 86 (п. «а»), 114 (пп. «б», «в»). В ст. 13 (ч. 3) встречаем термин «политическое многообразие».

Применительно к конституционному регулированию в зарубежных странах речь идет преимущественно о политических партиях (Италия, Франция, ФРГ, Бразилия). Так, в ст. 20 Конституции Французской Республики 1958 г. говорится: «Правительство определяет и проводит политику нации» (выделено нами. — В. К.). В ст. 21 Основного Закона ФРГ сказано: «Партии содействуют формированию *политической воли народа*» (выделено нами. — В. К.). В сущности, как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, присутствует политический аспект конституционного закрепления отдельных элементов политической системы.

Модель же конституционного регулирования политических отношений в Российской Федерации с 1993 г. стала такова, что политическая система как категория «ушла» к другим наукам (политологии, теории государства и права). В то же время при анализе основ конституционного строя, институтов гражданского общества, политических прав и свобод граждан никуда политический

аспект не ушел. Ибо в центре этих отношений находится власть. Наука конституционного права исследует конституционные формы закрепления публичной власти, а исследование формы немыслимо без учета лежащих в ее основе сущности и содержания предмета. Поэтому, как отмечал, В.О. Тененбаум, теория конституционного права не может рассматриваться только в формально-правовом аспекте, а должна изучаться как наука синтетическая. Синтетический характер теории конституционного права наиболее ярко проявляется при соотношении фиктивных и действительных конституций. Лишь политический подход к изучению конституций позволяет раскрыть сущность данного феномена¹.

Всякая деятельность и всякие общественные отношения, урегулированные правом, имеют как в классовом, так и любом обществе, политический аспект. Еще Ф. Лассаль заметил, что «там, где юридические отношения, переходят в область частного права, теряют, по-видимому, всякую связь с политикой, в них оказывается гораздо больше политического, чем в самой политике»².

Именно конституционное право имеет свою специфическую общественную сферу правового регулирования, сферу непосредственных политических отношений. Ведь отношения по поводу осуществления власти, суверенитета и свободы личности, являющиеся предметом отрасли конституционного права, носят политический характер, имеют политическое содержание. Однако наука конституционного права изучает не столько политику как предмет регулирования конституционным правом, сколько само это регулирование, которое состоит в том, что Конституция не только закрепляет установленное соотношение политических сил, но и определенным образом организует его, группирует, фокусирует в соответствии с волей творцов конституции и проецирует во второй ряд, т. е. ряд политико-правовых конституционных отношений. При этом происходит как бы удвоение политических отношений, где собственно политика как содержание отношений воплощается в определенную конституционно-правовую форму и структуру. Эти два ряда отношений, взятые в единстве, состав-

¹См.: Тененбаум В.О. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Вып. 1 (2). Саратов, 1974. С. 50; см. также: Степанов И.М. Конституция и политика. М., 1984.

²Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956. С. 82.

¹См.: Эбзеев Б.С. Конституция России и политический плюрализм (методология, теория, ориентиры правоприменения) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 2; Каранетян Л.М. Политические партии в судьбе России. СПб., 2009; Добрынин Н.М. Деконституционализация — ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5.

ляют предмет теории конституционного права и выражаются в категории «политический строй». Именно политический строй как конституционно-организованная и упорядоченная сфера функционирования публичной власти, сфера собственных политических отношений и выступает системной категорией теории конституционного права¹.

Диалектика взаимосвязи конституционного права и политики находит свое отражение и в том, что нормы конституционного права, устанавливая конституционные формы организации публичной власти, содержат в себе как закрепление, так и регулирование общественных отношений, в данном случае — политических отношений.

Понятие «конституционное закрепление» политических отношений имеет особое содержание и особое юридическое значение. Суть его заключается в следующем.

Во-первых, закрепление общественных отношений есть, прежде всего, юридическое оформление, фиксация уже существующих отношений, возникающих и развивающихся независимо от права. Политический строй государства существует независимо от права. Собственность, власть народа, его суверенитет, свободу личности создает не право. Они рождаются в результате развития социальных сил, классовых взаимоотношений, но все это юридически оформляется в конституции. В этом смысле она закрепляет существующие отношения, одобряет их, обеспечивает им юридическую защиту.

Во-вторых, фиксацией общественных отношений, созданных фактически в обществе, придается прочность, устойчивость, ибо конституционное закрепление этих отношений получает тем самым и защиту со стороны государства. Общественные отношения, закрепленные в нормах конституционного права, приобретают и качество нормативно установленных отношений.

В-третьих, конституционное закрепление есть не только юридическое оформление (фиксация) и нормативное установление общественных отношений, но и их регулирование. Понятие «конституционное регулирование» значительно шире, чем «закрепление». Последнее есть необходимый момент, часть регулирования.

Конституционное закрепление как особый нормативно-установительный правовой метод создает правовые основы регулирова-

¹См.: Тененбаум В.О. Указ. соч. С. 53–54.

ния, причем не только для всего конституционного регулирования, но и для других отраслей права¹.

Эти мысли, высказанные И.Е. Фарбером еще в советский период, не утратили своей научной ценности при анализе сущности юридической природы конституционного строя, закрепленного в Конституции РФ 1993 г.

В свете вышесказанного (сущности конституционного закрепления), конституционный строй, по нашему мнению, следует понимать в двух взаимосвязанных аспектах: фактическом — это система фактических конституционных отношений; правовом — как система конституционных норм и конституционных принципов, закрепляющих и регулирующих отдельные виды общественных отношений существующего социально-политического строя, выражающего и олицетворяющего подлинный конституционализм².

Конституционный строй находит свое юридическое закрепление в основах конституционного строя — базовых ценностях конституционализма. Однако необходимо иметь в виду следующее: наличие Конституции не означает автоматически, что в государстве существует конституционный строй, т. е. обеспечено разделение властей, верховенство права, примат прав и свобод человека, действительная, а не имитационная демократия, плюрализм, местное самоуправление. Эти основы могут нарушаться, ограничиваться, деволуционироваться при самой демократической юридической Конституции или находиться в зачаточном состоянии.

Конституционная теория и практика различают понятия и явления «конституционная система власти народа» и «конституционная система государственной власти», что нашло свое закрепление в ч. 2 ст. 3 и ст. 11 Конституции РФ, в которой конституционно воедино связаны понятия «народный суверенитет» и «источник власти». Эти понятия и явления находятся в органической связи, их конституционное закрепление есть выражение демократической сущности Российского государства. В данной конституционной формуле отражена преемственность мирового конституционного

¹См.: Фарбер И.Е. Конституционное регулирование в советском обществе // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Вып. 1 (2). С. 7–8.

²См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: межвузовский научный сборник. Саратов, 1993. С. 4. Обзор различных научных позиций о понятии конституционного строя России см.: Конохова И.А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. М., 2006. С. 528–534.

опыта. Лейтмотив многих демократических конституций мира содержит формулу: «суверенитет принадлежит всей нации», «вся власть исходит от народа».

Народовластие как принадлежность всей полноты власти народу составляет сердцевину конституционного строя. К сожалению, в действительности мы наблюдаем иное. Фактически исполнительная власть диктует, пытается определять весь ритм нашей жизни. При этом иногда выдвигаются идеи типа «суверенная демократия». Внешне это выглядело как защита от вмешательства других государств в наши внутренние дела. К счастью, об этом стали забывать. Может и не нужно было бы об этом вспоминать. И дело не только в том, что авторы этой идеи элементарно путали понятия, вводя в политическую практику, по сути, бессмыслицу, путаницу, не понимая, что означают понятия «демократия», «суверенитет».

Уместно в связи с этим привести слова С.А. Авакьяна: «Едиственное толкование сочетания суверенитета и демократии — это правление народа посредством демократических институтов, иначе говоря, — это управление государственными и общественными делами самим народом, уполномоченными им институтами гражданского общества и органами публичной власти, причем все они действуют под контролем народа»¹.

Когда мы употребляем понятия «народовластие» и «суверенитет народа», то следует помнить, что это близкие понятия, но не тождественные.

Народовластие — власть народа, демократия — это верховенство и полномочие народа. Суверенитет народа — это конституционный принцип организации и функционирования власти народа. Народ, выступая сувереном во всех областях жизни, сам определяет, как ему организовать свою власть. Это он и делает при помощи конституции. Свою власть народ, как известно, осуществляет в двух формах демократии: прямой (непосредственной) и представительной. Последняя реализуется, прежде всего, через представительные учреждения и другие выборные органы. Путем прямой демократии представительная форма получает юридические полномочия от народа на осуществление государственной власти, т. е. она конституируется. Эффективное осуществление

¹ Авакьян С.А. Точка отсчета — народ. Понятия «суверенитет» и «демократия» соединят воедино только подлинное народовластие // Российская газета. 2006. 28 окт.

власти народа возможно только при сочетании прямой и представительной демократии.

В конституционном механизме власти народа различают институты осуществления власти (выборы, референдум) и институты участия во власти (митинги, демонстрации, обсуждения, обращения граждан). Первые носят императивный характер и не нуждаются в санкции государственной власти, другие — консультативный, но независимо от юридической природы различных институтов прямого волеизъявления, их влияние на механизм принятия государственных решений всегда велико, ибо в них находит выражение воля народа. Игнорирование данных институтов есть признак имитационной системы замкнутой лишь на саму себя. Несомненно, что среди институтов прямой демократии конституционно устанавливается более высокая юридическая сила решений, принятых на референдуме и в результате свободных выборов. Мы напомним эти азбучные истины, потому что парламентские (2011 г.) и президентские (2012 г.) выборы в России всколыхнули миллионы граждан в нашей стране, «заставили» власть (законодательную и исполнительную) считаться с волей народа, говорить с оппозицией, предлагать новые законодательные решения. Эта тема заслуживает особого внимания. Нас эти политико-юридические события интересуют с точки зрения взаимовлияния народовластия и политики.

В свете вышесказанного сделаем некоторые выводы.

Как политика влияет на конституционное право? С одной стороны, она определяет стратегию конституционного регулирования общественных отношений. С другой, нормы конституционного права устанавливают рамки, границы дозволенного, определяют конституционность действий всех участников властеотношений как органов публичной власти, так и других субъектов конституционно-политического процесса (политических партий, граждан, СМИ), закрепляют формы реализации институтов демократии.

В свою очередь политика, которую проводят органы публичной власти (в ее функциональном аспекте), может оказывать различное влияние на реализацию институтов конституционного строя.

Особенность современного политического развития нашей страны состоит в том, что в последние месяцы произошло ускорение политического развития России. Борьба за честные выборы обнажила многие противоречия в формирующейся политической

системе, вертикальной модели власти, превратившейся по существу в авторитарный режим. Такое положение стало следствием смены экономического и политического строя в России, нецивилизованного процесса передела и захвата собственности «группами влияния», близкими к правящей номенклатуре, а также следствием сужения институтов прямого народовластия, ограничением как активного, так и пассивного избирательного права, игнорированием оппозиции¹. Когда мы ведем речь об оппозиции, то почему-то при этом забываем ее первооснову, субстанцию. В основе политической оппозиции лежит право человека на инакомыслие. Игнорируя политическую оппозицию (мы имеем в виду конституционную оппозицию), власть тем самым игнорирует, дезавуирует, не признает одну из основ конституционного строя России, закрепленную в ст. 2 Конституции РФ, где сказано, что человек, его права и свободы — высшая ценность. И власть должна быть служанкой общества, но пока она так не считает. В конечном итоге мы сегодня находимся в парадигме «стабильность — развитие», когда, по справедливому замечанию президента фонда развития России Е.М. Гринева, власть в России является стопроцентным субъектом влияния, а общество, граждане и бизнес — только объектами воздействия. Такая власть перерождается из обслуживающей в диктующую².

Встает извечный вопрос: что делать? Народ должен стать основным субъектом конституционных политических отношений, контролируя в действительности (а не декларативно) все институты власти. России крайне необходим цивилизованный путь развития (а не пресловутая «стабильность»), при которой решающее слово должно принадлежать народу, как суверену и носителю власти.

¹ См.: *Васильева С.В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010.

² См.: *Гринев Е.* Россия на пороге системного кризиса. Представительная и исполнительная власти не готовы к созданию реальных механизмов и рычагов для перемен // Независимая газета. 2012. 6 марта.

ВЫБОРЫ В ЗЕРКАЛЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ (некоторые размышления)*

Учреждение Конституционного Суда РСФСР в 1991 г. — это выдающееся событие в истории новой России. Конституционный Суд России — ровесник демократической российской государственности. Его создание и начало работы пришлось на самый драматичный период XX столетия нашей Родины. Это был период распада некогда могущественного государства — Советского Союза, оказавшего огромное влияние на все развитие мировой цивилизации. Его распад негативно сказывается и ныне. 20-летний период постсоветской России неоднозначен, противоречив. Все это время Конституционный Суд РФ стремился внести свою лепту в становление институтов правовой государственности, стоял (по мере возможности) на защите прав и свобод российских граждан. Различные аспекты 20-летней деятельности Конституционного Суда РФ постоянно находятся в центре внимания политиков, ученых, граждан. Достаточно упомянуть такой факт: второе издание «Библиографии по конституционному правосудию» насчитывает более 11 300 книжных, журнальных и иных публикаций не менее 3700 авторов.

В краткой публикации невозможно (и не под силу одному автору) раскрыть многогранную деятельность Конституционного Суда РФ за эти 20 лет, даже анализируя какой-либо правовой институт, являющийся предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. Коснусь только отдельных аспектов института выборов.

Свободные выборы — один из основополагающих институтов конституционного строя России, они отражают глубинную сущность российского конституционализма. Демократические преобразования в российском государстве в 90-х гг. XX столетия связаны и с институтом выборов. Именно первые альтернативные выборы 26 марта 1989 г. в нашем Отечестве явились первым шагом на пути к парламентаризму в новой России. Выборы 12 декабря 1993 г., по

* © Кабышев В.Т. Выборы в зеркале конституционного правосудия (некоторые размышления) // Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2011 г.) / Под ред. В.Д. Зорькина. — М.: Норма, 2012. С. 331–339.

существо, разрешили послеоктябрьский конституционный кризис, позволили избежать острых социальных взрывов: в России были сформированы принципиально новые представительные органы государственной власти, которые придали легитимность российской переходной политической системе.

Выборы — многогранное явление. Это самый массовый процесс, который знает право. Выборы призваны как выявить суверенную политическую волю избирателей, так и узаконить ее. Это высшее непосредственное выражение власти народа. Реализация института выборов вне правовой формы невозможна. Законодатель всегда определяющую, значительную часть общественных отношений, возникающих в процессе выборов, регулирует нормами права. Эти нормы получили название «нормы избирательного права». При этом следует различать фактическую и юридическую стороны выборов, ибо первая без второй существовать может, а вторая без первой — нет.

Правовое регулирование избирательных отношений не изменяет их природу как фактических общественных отношений, а лишь придает им форму правовых отношений. Напоминая это азбучное положение, мы акцентируем внимание на том, что Конституционный Суд РФ согласно ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решает исключительно вопросы права. И все же при определении конституционности конкретной нормы избирательного законодательства, при формулировании своей правовой позиции Конституционный Суд РФ не может не учитывать практическую сторону выборов. Ибо конституционная сущность свободных выборов заключается в высшем непосредственном выражении народом своей власти; в юридическом смысле — это акт вручения народом (в лице избирательного корпуса) своим представителям права на осуществление власти; это легитимный способ реформирования системы власти, ее конституирование.

Конституционный Суд РФ принял более 30 постановлений и десятки определений по делам, возникающим из избирательных правоотношений, каждое из которых предотвратило многие нарушения избирательных прав граждан. В ряде случаев решения Конституционного Суда РФ предопределяли выбор законодателем конкретной избирательной системы.

Хотя юбилей Конституционного Суда РФ — это не повод высказывать претензии, но, понимая, что избирательная практика,

видимо, в ближайшее время не изменится, позволю себе высказать соображения, не отвечающие, так сказать, официальному курсу.

Несколько штрихов относительно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной им в постановлении от 17 ноября 1998 г. № 26-П¹ применительно к принципу равного избирательного права. Мне довелось выступать в Конституционном Суде РФ в качестве представителя Саратовской областной Думы по запросу о проверке конституционности в том числе ст. 5 и части второй ст. 11 Федерального закона от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предусматривающих правила образования одномандатных округов, которыми, по мнению заявителя, нарушался один из основополагающих принципов избирательного права — принцип равного избирательного права. Хотя сегодня законодатель на федеральном уровне ушел от одномандатных избирательных округов, в принципе не исключено, что в будущем Россия вновь может возвратиться к смешанной избирательной системе на федеральном уровне.

В запросе отмечалось, что положения части второй ст. 5 и части второй ст. 11 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» об исключении из общего правила формирования одномандатных избирательных округов субъектов РФ с числом избирателей меньше единой нормы представительства не отвечают принципу равенства избирательных прав, так как равное представительство всех субъектов Федерации в Федеральном Собрании обеспечивается конституционным порядком формирования Совета Федерации, т. е. количество избирателей на один округ не должно зависеть от количества населения субъекта РФ.

Как известно, федеральный законодатель допускал определенные отклонения от единой нормы представительства. Одномандатные округа должны были отвечать следующим требованиям: равенство числа избирателей в избирательных округах в пределах одного субъекта РФ с допустимым взаимным отклонением не более 10%, а в труднодоступных и отдаленных районах — не более 15%. Избирательный округ образует одну территорию; не допускается образование избирательного округа из не граничащих между собой территорий; на территории субъекта РФ с числом избирателей меньше единой нормы представительства образуется по одному

¹ СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

избирательному округу (ст. 11 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

Что же получилось тогда на практике? При построении схемы одномандатных избирательных округов Центральная избирательная комиссия РФ, руководствуясь частью второй ст. 11 названного Федерального закона, образовала 24 одномандатных избирательных округа (в пределах территории субъекта РФ) менее единой нормы представительства¹. Кроме того, и это самое парадоксальное обстоятельство, различия между отдельными одномандатными избирательными округами оказались столь значительными, что выходили за рамки и закона, и справедливости, и вообще разума и логики. Так, число избирателей в Эвенкийском автономном округе — 12 368, а в Сыктывкарском — 768 404, т. е. в последнем избирателей в 62 раза больше. О каком равном избирательном праве в России может идти речь в данном случае? Поэтому, как справедливо отметил в особом мнении судья Конституционного Суда РФ Н.Т. Ведерников, «вряд ли можно считать такие численные различия при образовании избирательных округов в различных субъектах Российской Федерации относительного единого электората страны не чрезмерными, а следовательно, допустимыми и справедливыми»².

Вывод Конституционного Суда РФ был таков: «Признать содержащееся в абзаце втором статьи 5 и части второй статьи 11 Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» положение об образовании избирательного округа на территории субъекта Российской Федерации с числом избирателей меньше единой нормы представительства не противоречащим Конституции Российской Федерации» (п. 2 резолютивной части)³.

Доводы Конституционного Суда РФ в данном случае следующие: «Законодатель (...) допускает в качестве вынужденной меры определенные отступления от общей нормы представительства, т. е. прибегает к ограничению равного избирательного права в пользу принципов федерализма». Поэтому, как считает Конституционный Суд РФ, «в целях сохранения целостности федеративного

государства равное избирательное право может быть ограничено законом таким образом, чтобы гарантировать представительство субъектов Федерации с малочисленным населением и тем самым обеспечить надлежащий представительный характер и легитимность федерального парламента»¹.

Позволим себе не согласиться с аргументами Конституционного Суда РФ. Во-первых, федеративный характер российского парламента находит свое выражение как в его структуре, так и в порядке формирования его палат и в их компетенции. Совет Федерации отражает интересы территорий, именно в порядке его формирования прежде всего выражен принцип федерализма. Ведь независимо от численности субъекта Федерации в составе Совета Федерации участвуют по два представителя от законодательной и исполнительной власти. Во-вторых, половина состава Государственной Думы избиралась по одномандатным избирательным округам, и «цена голоса» в одномандатном округе не должна связываться с малочисленностью субъекта Федерации.

Известно, что в советское время при избрании высшего органа государственной власти — Верховного Совета, а впоследствии Съезда народных депутатов — применялись два принципа определения избирательных округов: территориальный и национально-территориальный. Государственная Дума — это не все Федеральное Собрание, а только его часть. Поэтому правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что проведение выборов в Государственную Думу на основе единой нормы представительства, без исключения, предусмотренного оспариваемым положением, поставило бы под вопрос федеративный характер российского парламента, не выдерживает критики. Конституционный Суд РФ допустил в данном случае отождествление, смешение разных принципов образования избирательных округов.

В-третьих, в данном деле к разным основам конституционного строя России Конституционный Суд РФ подошел неодинаково. «Демократический принцип равных выборов и обязанность государства гарантировать равенство избирательных прав граждан, с одной стороны, — сказано в мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации, — и принципы федерализма и равноправия субъектов Федерации — с другой, могут в известной мере входить в юридическое противоречие». По существу, Конституционный Суд РФ противопоставил две основы

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. Ведерникова // СЗ РФ. 1998. №48. Ст. 5969.

¹ См.: Выборы депутатов Государственной Думы 1995 года: Электронная статистика: сб. ЦИК РФ. М., 1996. С. 21.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. Ведерникова // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

³ Там же.

конституционного строя Российской Федерации: федерализм, с одной стороны, и права и свободы человека и гражданина — с другой. Весьма странная интерпретация основ конституционного строя, обладающих равной юридической силой! Федерализм ставится выше, чем права и свободы гражданина? В угоду чему? Политической целесообразности или это дань стереотипам прошлого? Ведь главная особенность Конституции РФ 1993 г. состоит в том, что человек, его права и свободы поставлены на вершину конституционного строя, они являются высшей ценностью. Именно принцип приоритета ценности человека, его прав и свобод пронизывает все содержание Конституции РФ. Более того, права человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). «Это конституционная реальность, — пишет судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Н.В. Витрук, — которая должна определять практику законотворчества и применения законодательства. Все остальные конституционные принципы равноправия и самоопределения народов, государственного суверенитета и безопасности, государственной целостности и территориального единства и другие — могут рассматриваться как однопорядковые, но подчиненные конституционному принципу признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности»¹.

Уместно привести и мысль, высказанную судьей Конституционного Суда РФ в отставке В.О. Лучиным: «Суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственная целостность — ценности очень высокого порядка, но они (я исключаю противопоставление) инструментальны по отношению к другой — высшей конституционной ценности — правам и свободам человека»². По существу, Конституционный Суд РФ при рассмотрении запроса Саратовской областной Думы повторил, как и при рассмотрении «чеченского дела», свой прежний подход к оценке высших конституционных ценностей России³.

Следует констатировать, что вердикт Конституционного Суда РФ предопределил как дальнейшее развитие избирательной систе-

мы, так и ограничение равного избирательного права. Его решение было положено в основу новелл Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Грустно и не без иронии вспоминаются строки из периодической печати, опубликованные после оглашения 17 ноября 1998 г. постановления Конституционного Суда РФ: «Конституционный Суд России не захотел обеспечить реальные избирательные права граждан нашей страны, оказавшиеся урезанными по закону о выборах депутатов Госдумы... надежда на справедливость похоронена членами Конституционного Суда...»¹.

Конституционные принципы избирательного права, в том числе принцип равноправия избирателей, — это величайшее завоевание человечества. Принося их в угоду политической конъюнктуре, умаляя права человека в пользу государственных предпочтений, мы девальвируем их, а в конечном счете обесценим и утратим.

Не утихают споры, в том числе на международном уровне, по поводу признания Конституционным Судом РФ в постановлении от 21 декабря 2005 г. № 13-П конституционности ст. 18 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (в ред. от 11 декабря 2004 г.).

Согласно оспариваемой норме гражданин РФ наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) по представлению Президента РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ². По существу, Конституционный Суд РФ выявил новое полномочие Президента РФ — вносить кандидатуры высшего должностного лица субъекта РФ; полномочие, не предусмотренное Конституцией РФ, выявленное, может быть, и в духе Конституции РФ, но не из буквы. Получается, что в одних случаях Конституционный Суд РФ, формулируя свои правовые позиции, исходит из духа и буквы Конституции РФ, в других — только из чего-то одного.

Следует вспомнить, что Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского

¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 20 (автор комментария — Н.В. Витрук).

² Лучин В.О. Указное право России. М., 1996. С. 39.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст.3424.

¹ Катанян К. Дело о пяти процентах. После выборов 1999 года в парламенте могут остаться только два фракции — КПРФ и ЛДПР // Известия. 1998. 18 ноября.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

края делал совершенно противоположный вывод. Удивительная трансформация аргументации выявления смысла норм Конституции РФ!

Справедливости ради следует вспомнить, что Конституционный Суд РФ в ряде случаев выносил вердикты, отвечающие подлинному смыслу и духу конституционных принципов избирательного права. Имеется в виду ряд его постановлений относительно права на голосование «против всех». Конституционный Суд РФ очень четко сказал: институт голосования «против всех» имеет общенормативное значение¹.

Общественные отношения по поводу голосования на выборах «против всех» входят в состав фактических конституционных отношений, которые, даже при отсутствии в Конституции РФ прямого указания на них, как справедливо отмечают Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян, определяют нормативное содержание выборов как формы непосредственного народовластия и являются элементом правового статуса гражданина России².

К сожалению, впоследствии федеральный законодатель исключил из избирательного бюллетеня графу «против всех». В данном случае возникает вопрос: какое правонарушение (деликт) совершил избиратель, что ему впредь запрещается голосовать «против всех»? Запрет этот антиконституционен.

В заключение можно констатировать: учреждение Конституционного Суда РФ — это выдающееся событие в истории постсоветской России. В его деятельности были разные периоды, порой неоднозначные, были и решения, которые, по нашему мнению, не могут быть ориентиром в деле формирования правовой государственности в России. Представляется необходимым, чтобы Конституционный Суд РФ был действительно генератором конституционализма демократической России.

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 25. Ст. 2515; № 6. Ст. 626; 2000. № 19. Ст. 2102; 1998. № 25. Ст. 3002; 1995. № 29. Ст. 2860.

² См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 176.

К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И.Е. ФАРБЕРА*

17 сентября 2013 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-правоведа и педагога, доктора юридических наук, профессора Исаака Ефимовича Фарбера, проработавшего 36 лет в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского (ныне Саратовская государственная юридическая академия).

В историю правовой мысли советского этапа — 50–60-х годов XX столетия — профессор И.Е. Фарбер внес свой вклад. Без преувеличения можно сказать, что в науке им сделано столько, сколько не смогли сделать целые коллективы вузовских кафедр.

Буквально «ворвавшись» в юридическую науку после многих лет работы в органах прокуратуры, И.Е. Фарбер оставил заметный след в общей теории государства и права, теории конституционного (государственного) права, вузовской правовой педагогики. Каждая статья, книга, выступление профессора И.Е. Фарбера поражала смелостью идей, новизной подхода к рассматриваемым проблемам юридической науки и практики.

Исаак Ефимович Фарбер родился 17 сентября 1913 года на Украине в семье учителя. Рано лишившись родителей, Исаак Ефимович начал трудовую деятельность в 1928 г. учеником библиотекаря в г. Ростове-на-Дону. С 1930 по 1932 г. был на комсомольской работе. С 1933 по 1948 г. жизнь И.Е. Фарбера связана с деятельностью органов прокуратуры: сначала стажер следователя прокуратуры г. Москвы, затем следователь прокуратуры Калининской (ныне — Тверской) области, старший следователь Хабаровской краевой прокуратуры, заместитель прокурора Камчатской области.

С первых дней Великой Отечественной войны И.Е. Фарбер находится в органах военной прокуратуры действующей армии. В 1943 г. был демобилизован по болезни и по 1946 г. работал прокурором г. Кимры Калининской области. С 1946 по 1948 г. — прокурор Верхне-Баканского района Краснодарского края.

В 1947 г. он с отличием оканчивает ВЮЗИ, в 1948 г. поступает в очную аспирантуру Академии общественных наук при ЦК

* © К 100-летию профессора Фарбера И.Е. // Вестник Саратовской государственной академии права. 2013. № 4.

ВКП (б), которую успешно заканчивает с защитой кандидатской диссертации на тему: «Проблемы применения советского права». Примечательно, что его научными руководителями были такие видные ученые — сначала доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Соломонович Строгович, специалист в области теории права и уголовного процесса. Впоследствии — цивилист, доктор юридических наук, профессор Сергей Никитич Братусь.

С августа 1951 г. свою жизнь Исаак Ефимович связывает с Саратовским юридическим институтом: с 1951 по 1961 г. заведует кафедрой теории государства и права, с 1963 по 1981 г. возглавляет кафедру государственного права, с 1981 г. — профессор кафедры.

В 1963 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Правосознание как форма общественного сознания».

И.Е. Фарбер опубликовал более 100 научных публикаций. Основные работы: «О сущности права». Саратов, 1959; «Правосознание как форма общественного сознания». М., 1963; «Вопросы теории советского конституционного права». Саратов, 1967 (в соавторстве с В.А. Ржевским); «Советское государственное право» / под ред. проф. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979 (в соавторстве с В.Т. Кабышевым, О.О. Мироновым); «Свобода и права человека в советском государстве». Саратов, 1974; «Очерки вузовской педагогики». Саратов, 1984.

Первые научные интересы И.Е. Фарбера были связаны с реализацией права, точнее — его применением. Этому была посвящена его кандидатская диссертация. В те годы теории применения права по существу не было. В юридической литературе в одних случаях правоприменение отождествлялось с реализацией права. В других — оно трактовалось как осуществление государственными органами (главным образом, судом) принудительных правовых мер к лицам, совершившим правонарушение.

В кандидатской диссертации И.Е. Фарбера содержался принципиально новый взгляд на правоприменение. Его суть в следующем. Во-первых, речь шла о признании различных форм реализации права. Во-вторых, применение есть факультативная форма осуществления права. Во многих случаях полная реализация правовой нормы невозможна без соответствующей деятельности компетентного субъекта (например, государства, его органов, должностных лиц). В конечном счете эта деятельность выражается во властном разрешении юридического дела путем вынесения индивидуально-

правового акта, в результате которого конкретные субъекты правовых отношений становятся носителями вполне определенных юридических прав, свобод или обязанностей. Тем самым происходит персонификация, индивидуализация правовой нормы, имеющей, как известно, общий характер. Эти идеи И.Е. Фарбера были поддержаны участниками проходившей в 1954 г. на страницах журнала «Советское государство и право» научной дискуссии.

В современной литературе многие авторы в применении права склонны видеть не форму, а средство или способ его реализации. Важно подчеркнуть, что содержательная сторона данного явления в принципе понимается так, как в свое время предложил И.Е. Фарбер. Ему же принадлежит заслуга в разработке теории актов применения права.

Во второй половине 1950-х гг. внимание Исаака Ефимовича сосредоточивается на методологических проблемах права. В частности, в работе «О сущности права» (1959 г.), научных статьях, опубликованных в центральной печати, он активно отстаивает нормативную трактовку права, полагая, что именно такой подход в наибольшей степени способствует укреплению законности в деятельности правоприменительных органов.

В 1963 г. у И.Е. Фарбера выходит монография «Правосознание как форма общественного сознания», которая явилась по существу первой фундаментальной работой по данной проблеме советского периода развития нашего государства. Впервые была выдвинута идея о сложной структуре правосознания. Несомненной заслугой И.Е. Фарбера явился вывод о том, что правосознание не должно сводиться только к правовой психологии или только правовой идеологии. Структура правосознания представляет собой неразрывное единство правовой идеологии, правовой психологии, правовых идей и правовых чувств. Такая постановка вопроса была для того времени не только новой, но и достаточно смелой. В отечественной юридической науке категория «правовые чувства» рассматривалась только в качестве важнейшей стержневой идеи буржуазной психологической теории права, а сама правовая психология — только как прислужница буржуазной юридической науки.

Анализируя правосознание как специфическую форму общественного сознания, автор раскрывает ее неразрывную связь с правом, экономическими отношениями, с политической деятельностью государства, политическим сознанием, философией и моралью. И.Е. Фарбер пришел к важному и интересному выводу о том, что предметом правосознания являются различные обще-

ственные отношения (правовые, политические, моральные и т. д.), причем только с одной своей стороны, со стороны поведения их участников.

Он предложил выделять три структурных уровня правосознания, которые в конце 1970-х — начале 1980-х гг. стали называться в юридической науке как познавательный, оценочный и поведенческий (регулятивный) уровни. Современное звучание имеет вывод И.Е. Фарбера о том, что правосознание, обладая нормативной и регулирующей силой, представляет собой знание и оценку правовых явлений с позиции справедливости.

Впервые в советской юридической литературе был рассмотрен вопрос о функциях правосознания: нормативно-регулирующей, воспитательной, правотворческой. Несомненной заслугой И.Е. Фарбера является то, что он охарактеризовал многие новые для теории правосознания понятия. Это, например, понятие правовых чувств, эмоций и переживаний, идей и убеждений, правовой культуры и правового воспитания.

Именно теории правосознания была посвящена докторская диссертация Исаака Ефимовича.

В конце 1963 г. профессор И.Е. Фарбер возглавил кафедру государственного права. Следует заметить, это было время оживления юридической науки, в том числе и науки государственного (конституционного) права. Исаак Ефимович приложил много сил для создания творческого коллектива.

Научное направление кафедры — теория конституции, — предложенное в середине 1960-х гг. И.Е. Фарбером, и после его смерти продолжает определять творческие интересы ее сотрудников. Многие научные идеи, разработанные профессором И.Е. Фарбером, прочно вошли в арсенал мысли и практики отечественного конституционализма. Его научные конструкции — конституционные отношения, прямое действие Конституции, конституционное регулирование, права человека — прочно вошли в конституционное сознание и сегодня мало у кого вызывают сомнения. Это ли не свидетельство научной смелости, прозорливости ученого! Свежий ветер перемен, подувший во времена «оттепели», не мог не затронуть и юридическую науку, в том числе и науку государственного (конституционного) права.

Как известно, в 1940–1950-е гг. в советских общественных науках господствовал дух комментаторства, догматизма. Не обошел он стороной и юридическую науку. Конечно, комментирование — одна из функций науки, но она не может быть главной,

определяющей. В науке государственного (конституционного) права на это обстоятельство одним из первых обратил внимание И.Е. Фарбер. Познание сущности явлений, изучаемых наукой, формулировка принципов законодательства и его применения, разработка научных понятий, теоретических конструкций — вот что, по его мнению, составляет существо науки конституционного права.

Занявшись изучением теоретических проблем науки конституционного (государственного) права, профессор И.Е. Фарбер обратился к выяснению предмета регулирования соответствующей отрасли права. Такое обращение не было случайным. Дело в том, что еще с 1959 г. по данному вопросу в науке шла полемика, не приведшая мнение ученых к единому знаменателю. В ходе дискуссии выявились две взаимно противоположные позиции.

«Широкое» (В.Ф. Коток) и «узкое» (А.И. Лепешкин) толкование предмета регулирования не давали достаточной четкости в ответе на вопрос, как искать этот «неуловимый» для теоретической мысли предмет. Профессором И.Е. Фарбером был предложен принципиально иной подход к решению данного вопроса: «Не статьи Конституции должны стать меркой общественных отношений, а сами общественные отношения, их объективное содержание — мерка для конституционного учреждения юридических норм» (См.: *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 15–16).

Исходя из этого методологического постулата и была предложена конструкция конституционных отношений как фактических отношений между классами, нациями, народом и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности. Они, по мнению ученого, и составляют предмет конституционного регулирования.

И.Е. Фарбер внес свою лепту и в разработку проблемы реализации норм конституционного права. Он активно защищал и доказывал социальную необходимость и значимость прямого действия конституционных норм, особенно в деятельности судебных органов. Нынешняя практика судебных органов, в особенности Конституционного Суда России широко использует эту аксиому мирового конституционализма.

Им были сделаны интересные выводы о социологическом понятии власти, конституционном механизме народовластия, конституционном обеспечении суверенитета в Советском государстве. Понятие власти как функции руководства обществом,

предложенное И.Е. Фарбером, впоследствии было поддержано и развито рядом ученых.

Эти и другие интересные теоретические новеллы были разработаны И.Е. Фарбером совместно с В.А. Ржевским в монографии «Вопросы теории советского конституционного права», Саратов, 1967. Работа вызвала широкий резонанс научной общественности. В тот период плеяда государствоведов-фундаменталистов не воспринимала и не желала принимать как новое наименование отрасли права, науки и учебного курса — конституционное право, так и ряд теоретических новелл, предлагаемых И.Е. Фарбером.

Может быть, и не следовало бы сегодня об этом вспоминать, так как многих ученых, критиковавших И.Е. Фарбера, нет в живых, да и жизнь во многом подтвердила правоту его идей.

Но нам, ученикам профессора Фарбера И.Е., бывшим тогда свидетелями яростных научных споров по дискуссионным проблемам науки, памятна та атмосфера научной жизни. Помнится и скептицизм тех, кто не желал видеть научную смелость, логичность и убедительность ярких выступлений Исаака Ефимовича. А, может быть, все обстояло проще: они просто не сумели преодолеть догматизм господствовавшей тогда правовой мысли.

И.Е. Фарберу была присуща глубокая преданность юридической науке. Она выражалась в том, что наука — подлинная — составляла смысл, существо всего периода его научно-педагогической деятельности. Исаак Ефимович был острым полемистом, но всегда уважительно относился к своим оппонентам. Он искренне радовался каждой научной удаче своих учеников и коллег. И в то же время он не терпел халтурщиков, бездарей-пустышек от науки, приспособленцев к ней. Впрочем, за это «серость науки» не терпела его и часто лично ему мстила. Но, видимо, таков удел истинного ученого.

Значительное место среди научных интересов И.Е. Фарбера занимала проблема прав человека. Сам термин «права человека» существовал в науке более двухсот лет, он был известнее нормам международного права, но в текстах советских конституций не употреблялся. Обычно в него вкладывалось лишь социальное содержание. В 1967 г. И.Е. Фарбер предложил критерии разграничения понятий «права человека», «права гражданина» и «права лица».

Отвечая на вопрос о юридической природе конституционных прав, объясняя механизм превращения социальных возможностей человека в конституционные субъективные права (а общая теория права долгие годы отрицала наличие качества субъективности у

конституционных прав), Исаак Ефимович раскрыл социальную значимость категории «права человека» для механизма конституционного обеспечения прав гражданина и прав лица в обществе, раскрыл их природу как социальных благ.

Ему же принадлежит мысль о том, что с учетом практической потребности реализации конституции основные права и обязанности гражданина имеют три главные юридические особенности: во-первых, это подлинно субъективные права; во-вторых, по своему содержанию они состоят из более конкретных правомочий; в-третьих, граждане обладают конституционной правоспособностью (Советское государственное право / Под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 159).

Особое внимание И.Е. Фарбер уделил группе личных прав человека, реализуемых в сфере личной свободы. Личные конституционные права, полагал он, есть абсолютные субъективные права, их невозможно отнять у личности, да и сама личность не может отказаться от этих прав, передать их кому-либо. Иными словами, личные конституционные права неотторжимы, неотчуждаемы (см.: *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974).

Симптоматично, что в действующей Конституции России как правам человека, так и личным конституционным правам уделяется значительное внимание. Человек, его права и свободы, честь и достоинство признаются незыблемой основой конституционного строя России. Этот конституционный принцип становится доминантой российского правового сознания, российской конституционной мысли, с трудом, но все-таки начинает воплощаться в жизнь. У истоков становления и развития этих конституционных идеалов демократии, справедливости стоял И.Е. Фарбер.

Уместно, на наш взгляд, привести несколько строк из статьи судьи Конституционного Суда Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РФ, Заслуженного деятеля науки РФ Бондаря Н.С.: «Если бы И.Е. Фарбер не опубликовал ничего другого, кроме совместной с В.А. Ржевским работы (Вопросы теории советского конституционного права), и тогда он вошел бы в историю отечественной конституционно-правовой науки... Многогранность научного таланта И.Е. Фарбера простиралась в различных сферах и направлениях юриспруденции. Все работы И.Е. Фарбера в области конституционного права — результат нового научно-методологического подхода к исследованию как самой конституции в единстве ее фактических

и формально-юридических характеристик, так и к исследованию конституционных проблем власти, суверенитета, свободы личности в обществе...в буквальном материализованном выражении представляют собой научно-теоретические истоки нового для того времени конституционного мировоззрения» (*Бондарь Н.С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера). // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 47–48.*).

Профессор Ф.М. Рудинский писал: «проблемы, которые в 60–80-е гг. разрабатывал в своих трудах И.Е. Фарбер, актуальны и сегодня. Достаточно назвать такие темы, как вопросы правоприменения и правосознания, теория конституционализма, права человека, проблемы педагогики в юридическом вузе. Ученики называли его генератором идей. И это правда. Мне не раз приходилось встречаться с Исааком Ефимовичем Фарбером. Это был крупный ученый, широко эрудированный человек. Все его творчество пронизано идеями гуманизма, уважением к достоинству личности. Помню, как в 1977 г., когда проходила большая научная конференция, посвященная принятию новой Конституции СССР, он мне сказал: «Обратите внимание на преамбулу Конституции. Она начинается с провозглашения идеи власти. А надо бы начать с человека...». Это говорилось в условиях общественной эйфории, связанной с надеждами, которые возлагались на новую Конституцию. И.Е. Фарбер более взвешенно и объективно оценивал этот документ (Государство и право, 1996, № 9. С. 136–138.).

Исааку Ефимовичу принадлежит приоритет в выдвижении гипотезы о необходимости выделения в конституционном (государственном) праве общей и особенной частей. Такое деление ранее не было известно учебной литературе по государственному праву. Все согласны с тем, что конституционное право — ведущая отрасль права. А в науке о ней до сих пор нет общей части. Между тем конституционная практика последних лет (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации) свидетельствует о росте массива конституционных норм. Они регулируют разные по степени обобщенности конституционные отношения. Думается, давно назрела потребность решения вопроса о выделении в конституционном праве общей и особенной части.

Круг научных интересов И.Е. Фарбера не ограничивался вопросами юридической науки. Как педагога его постоянно интересовали проблемы юридического образования. Опираясь на

достижения педагогической науки, собственный многолетний опыт педагога-юриста, И.Е. Фарбер написал солидную и весьма содержательную монографию «Очерки вузовской педагогики» (Саратов, 1984), поучительную не только для молодых, но и опытных преподавателей юридических вузов.

В современном мире, когда происходит бурное наращивание человечеством знаний, важную роль играет педагогика. Чему и как учить подрастающее поколение — этот вопрос постоянно встает перед каждым очередным поколением педагогов высшей и средней школы. Что такое педагогика? Что является ее предметом? Эти непростые вопросы неоднозначно решались вузовской педагогикой. И.Е. Фарбером было предложено определение вузовской педагогики как науки, изучающей общественные отношения в области воспитания, образования и обучения в высшей школе (с. 14). И сегодня с интересом читаются страницы монографии, посвященные дидактике учебного процесса, методам обучения и методике преподавания в юридическом вузе, особенностям чтения лекций, проведения семинарских и практических занятий.

На современном этапе развития нашего общества особое значение приобретает профессия юриста. И сейчас актуальны слова Исаака Ефимовича о модели юриста. Его неприменная черта — уважение к правам человека, его свободе, чести и достоинству. Для юриста главным «орудием производства» является закон. Отсюда автор определял главные задачи юриста, где бы он ни работал: знать и уважать закон, уметь правильно его толковать и применять. Отсюда еще одно необходимое качество юриста — законопослушание, чувство законности и ответственности. К идеям Исаака Ефимовича Фарбера, которым он был верен всю сознательную жизнь, трудно что-либо добавить.

Кафедру государственного права И.Е. Фарбер возглавил в конце 1963 г. по решению тогдашнего ректора СЮИ профессора В.А. Познанского. Это было время оживления юридической науки, в том числе науки государственного (конституционного) права. Исаак Ефимович приложил много сил для создания творческого коллектива. Имея удивительное чутье на новые идеи и дар истинного педагога, И.Е. Фарбер обладал притягательной силой: он «заряжал» собеседника своей внутренней энергией, любовью к постижению закономерностей жизни, к праву. Будучи современником XX века, он верил в истинную **СУЩНОСТЬ ПРАВА**. Вокруг него собирались ученики, ставшие впоследствии видными учеными-конституционалистами.

На кафедре под его руководством было подготовлено 17 кандидатов наук, четверо из которых (Ю.П. Еременко, В.Т. Кабышев, О.О. Миронов, Б.С. Эбзеев) впоследствии защитили докторские диссертации, стали заслуженными деятелями наук, академиками отраслевых общественных Академий наук, руководителями вузовских коллективов, известными государственными деятелями.

Так, Юрий Петрович Еременко (к сожалению, уже безвременно ушедший) стал начальником Ростовской высшей школы МВД России, генерал-майором милиции; Олег Орестович Миронов был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а впоследствии Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации; Борис Сафарович Эбзеев в 1991 г. был избран на Съезде народных депутатов РСФСР судьей Конституционного Суда РФ, а с 05.08.2008 г. по 25.02.2011 г. Б.С. Эбзеев являлся Президентом Карачаево-Черкесской Республики.

Глубокие знания, широта кругозора давали возможность И.Е. Фарберу успешно выступать на всесоюзных и международных научных форумах, публиковать статьи и рецензии по теории государства и права, по советскому государственному праву.

Нам — питомцам «гнезда Исаака» (как мы его называли в своем аспирантском кругу) исключительно повезло. Это настоящее счастье, что на нашем пути встретился такой огромной души, обаяния, искрометного ума человек, давший нам путевку в жизнь.

Прошло около трех десятилетий с тех пор, как ушел из жизни этот чрезвычайно талантливый человек, но мне, проработавшему с ним более 20 лет, включая и годы учебы в очной аспирантуре, так не хватает его.

Каждый раз, заходя в кабинет заведующего кафедрой (32 года уже являюсь Заведующим кафедрой конституционного и международного права СГЮА), смотрю на портрет Исаака Ефимовича и возвращаюсь к многочисленным беседам, советам с ним как по вопросам науки, конституционной практики, так и проблемам преподавания конституционного права.

Профессор И.Е. Фарбер был и остается **Учитель, Ученый, Гражданин, Патриот.**

Вспоминая профессора И.Е. Фарбера, следует отметить: это была колоритная, яркая натура во всех отношениях. Высокий, статный, красивый, в очках с внимательным, пытливым, умным взглядом, Исаак Ефимович буквально приковывал к себе любую аудиторию: студенческую, педагогов, работников государственного

аппарата. Каждое его выступление было как мощная зазубрина на огромной горе. В его взгляде сквозила живая мысль.

Думал ли Исаак Ефимович, что наступят перемены в нашей жизни? Да! Мечтал! Но он, бывший беспризорник, постоянно учившийся жизни, 15 лет проработавший в органах советской прокуратуры, отчетливо понимал, в какую эпоху он жил. Он был дитя своего времени — XX века. Века трагического, героического, противоречивого.

Он понимал, что такое **свобода и права человека.**

Мы — «птены гнезда Исаака» (как иногда мы говорили в своем аспирантском кругу) **безмерно** благодарны своему **Учителю** за те уроки, советы, мысли, которые он **подарил** нам, привил, воспитал в нас преданность науке **Права**, уважения к студенту и творчеству.

С особым волнением открываю его монографию «Свобода и права человека в Советском государстве» и читаю его дарственную надпись.

Дорогому Владимиру Терентьевичу Кабышеву — ученик должен сделать больше, чем его учитель

И. Фарбер

25.12.74

Заканчивая это краткое эссе о профессоре И.Е. Фарбере, хочу отметить. Без прошлого нет будущего. Критически осмысливая далекое и недалекое прошлое нашей Родины, юридическая наука берет все то ценное, что ею было выработано ранее, но, к сожалению, не нашло своего адекватного воплощения в отечественной действительности. Сегодня весьма значимо осмыслить и правовые идеи видных российских юристов прошлого.

*Кабышев Владимир Терентьевич, 2013,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
РФ, заведующий кафедрой конституционного и международного
права (Саратовская государственная юридическая академия)*

Научное издание

Владимир Терентьевич Кабышев

С КОНСТИТУЦИЕЙ ПО ЖИЗНИ

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Обложка *С. Слинко*

Компьютерная верстка *Л.В. Тарасюк*

ISBN 978-5-8467-0081-9

Подписано в печать 28.08.2013.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Гарнитура Ньютон.
Усл. печ. л. 20,0 + цв. вкл (1,0 п.л.).
Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «Формула права»
107078 Москва, ул. Мясницкая, д. 48.
Тел.: (495) 788-86-50, 788-86-51

www.formulaprava.ru
e-mail: publisher@formulaprava.ru